

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Вальтер Хартфельд

ОДИНОКИЕ ВОИНЫ

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРМАХТА
ПРОТИВ ПАРТИЗАН

1942–1943

ОДИНОКИЕ ВОИНЫ

ЗА ЛИНИЕЙ
ФРОНТА

МЕМУАРЫ

В. Хартфельд

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Walter Hartfeld

**LES GUERRIERAS
SOLITAIRES**

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Вальтер Хартфельд

**ОДИНОКИЕ
ВОИНЫ**

**СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРМАХТА
ПРОТИВ ПАРТИЗАН**

1942—1943

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62
Х22

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хартфельд Вальтер
Х22 Одинокие воины. Спецподразделения вермахта
против партизан. 1942—1943 / Пер. с фр. Л.А. Иго-
ревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. — 192 с. —
(За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-9524-4992-3

В книге рассказывается об одном из подразделений охотников-егерей (коммандос), созданном вермахтом для борьбы с партизанами и заброшенном в район белорусских лесов. В длительной и беспощадной борьбе у каждого члена группы было свое боевое задание, в результате развернутая антипартизанская война становилась схваткой человека с человеком. В. Хартфельд, командовавший в двадцатитрехлетнем возрасте егерским подразделением, — один из немногих оставшихся в живых после этих невероятных боев, и его воспоминания — превосходное свидетельство всей нелепости войны.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2012
© Художественное
оформление серии, ЗАО
«Центрполиграф», 2012

ISBN 978-5-9524-4992-3

Война является актом насилия,
но она не ограничивается прояв-
лением такого насилия.

*Карл фон Клаузевиц.
Из сочинения «Война». Книга I*

Глава I

ЭПИЗОД С ТАНКОМ

В пять часов пополудни танкисты увидели селение. Оно притулилось в излучине речки, крыши беспорядочно стоящих домов окрасились красноватым светом.

Унтер-офицер Шредер отдал приказ замедлить ход, а главному экипажу быть в готовности к бою. Слишком много безлюдных и сгоревших деревень, слишком много на вид безобидных хуторов оказывались взрывоопасными для стальных гусениц танков, когда разведывательный взвод двигался по заброшенным, как казалось, улицам русских селений.

Башня танка задраена. Лучше духота, чем эта въедливая пыль, которая разъедает глаза.

Внутри танка люди стали расслабляться. Из всего экипажа, казалось, беспокоился один Курт Рейнхардт. Двигатель вдруг заработал с перебоями и затем заглох. Вслед за наступившей тишиной послышалась брань. Юрген Эссен вытирал вспотевшее лицо, в то время как Большой Мартин кричал Шредеру:

— Эй, ты откроешь, наконец, люк!

Шредер открыл верхний люк башни, высунулся наружу и быстро закурил сигарету. Его первая затяжка оказалась трагичной. Он так и не познал вкуса второй затяжки, потому что раздалась пулеметная очередь. Не завершив перекур, Шредер медленно

опустился вниз. Юрген снизу увидел сержанта в необычной позе и кровавое пятно на его комбинезоне. Он вскрикнул, схватил Шредера за ноги, и обмякшее тело убитого соскользнуло внутрь танка.

Далее все происходило очень быстро. Пушку, спаренную с пулеметом, навели наугад на восточную окраину деревни. Пулемет открыл огонь.

В это время возле остановившегося танка начали движение танк лейтенанта Штюмме и мотоциклисты сопровождения. Увидев вспышки огня пулемета, двадцать мотоциклистов, как на учениях, прыгнули в свои машины и помчались вниз по центральной улице деревни.

Кlaus Штюмме прокричал по радиосвязи:

— Откуда стреляли?

— С востока... В девять часов... Шредер убит...

— Одной очередью?

— Да.

Кlaus Штюмме быстро отдал приказы.

Больше ничего не происходило. Под солнечными лучами деревня казалась позолоченной. Скверная дорога вилась по пересеченной местности и терялась в лесу. Взгляд задержался на компактной группе низеньких домиков, а к востоку — на колодце в тени огромного дерева.

Через несколько минут подъехал другой танк, чтобы взять на буксир застрявший, и взвод достиг деревни.

По прибытии Клауса Штюмме встретил полковник Брандт, который находился, по обыкновению, в танковом взводе, шедшем в авангарде. Невысокий и толстый, он выглядел в черной куртке танкиста довольно смешно, а потертая фуражка придавала ему вид доброго бюргера.

— Лейтенант Штюмме, — отрапортовал Klaus. — Жду ваших приказаний, господин полковник.

— Что случилось?

— Я обнаружил на дороге танк Шредера с заглушим двигателем, его тянули на буксире к деревне. Шредер убит... Одной-единственной очередью.

— Возьмите десять человек и осмотрите место.

Штюмме направился к ожидавшим его мотоциклистам, моторы их машин работали на холостом ходу. Он быстро отобрал солдат и собрался уйти, когда два танкиста попросили у него разрешения сопровождать патруль. Клаус Штюмме пожал плечами. Легче найти замену пехотинцу, пусть даже на мотоцикле, чем экипажу танка. Если смерть для всех солдат одинакова, то приказ требует ее конкретизации. Как на бойне: выбор в первую или вторую очередь. Но в конце концов необходимо, чтобы время от времени проблемы личного состава решала война.

Деревня, не тронутая войной, казалась полностью безлюдной. Солдаты осторожно ступали вдоль стен, соблюдая дистанцию в десять шагов один от другого. Они взяли за ориентир колодец у дерева и принялись обыскивать дом за домом с оружием наперевес. Именно Большой Мартин обнаружил единственный дом с обитателями. В дальней от колодца избе проживали древняя старуха и двое детей. Сидя на полу, старуха раскачивалась и плакала. В большой продолговатой корзине стонала под грязной мешковиной маленькая девочка. Ее глаза были закрыты, лицо с нездоровым румянцем. Мальчик, рядом с которым стояло ведро воды, закрывал ее лицо грязной тряпкой. Обстановка в избе угнетала. По знаку Мартина в избу вошли Штюмме и другие танкисты.

— Только этого и не хватало. — Юрген Эссен снял черную пилотку и подошел к детям. Мальчик хотел было отшатнуться, но затем протянул солдату влажную руку.

Клаус, обеспокоенный состоянием девочки, расспрашивал старуху.

— Да, да, — отвечала старуха, — очень больна, сильная лихорадка.

— Пойдем, здесь ни черта нет... пойдем, Мартин, посмотрим, сможет ли что-нибудь сделать врач.

Штюмме остановился на пороге в ожидании, пока его люди медленно возвращались к избе. Один солдат подошел к колодцу зачерпнуть воду и стал пить в окружении своих товарищей.

Прохаживаясь, Клаус Штюмме натолкнулся на Большого Мартина и лейтенанта медицинской службы Гюнтера Грабера, которые шли к избе. Он присоединился к ним.

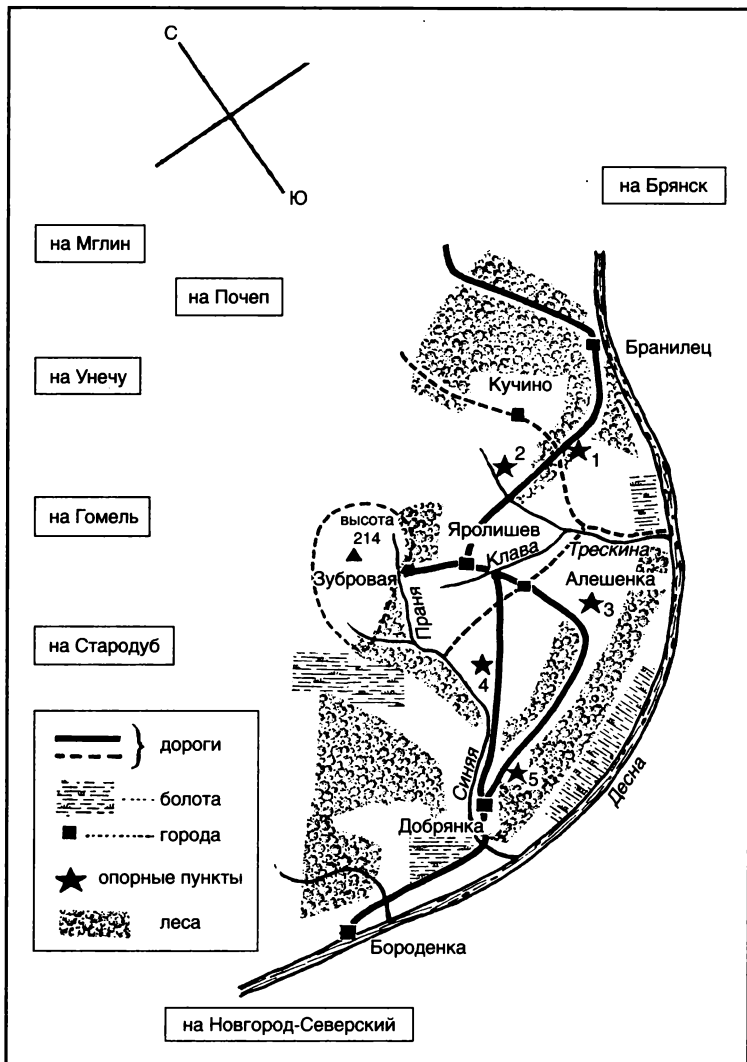
Клаус вошел первым. Он остановился на несколько мгновений, чтобы привыкнуть к темноте, поскольку день был короток, а маленькие окна пропускали лишь немного света. Ему пришлось быстро признать очевидное: изба была пуста. Осталась только корзина, в которой раньше лежал ребенок. Мартин вытаращил глаза:

— Черт возьми... Дурацкий фокус... Нет ни старухи, ни малышни.

В недоумении он внимательно осмотрел пол и энергично пнул корзину ногой. Сразу же показалась крышка погреба. Он нагнулся, потянул за кольцо в крышке, открыл ее и склонился над спуском в погреб. Штюмме осветил тесный подвал. В углу плесневели несколько залежалых морковин. На полу валялись пустой магазин от ручного пулемета и шапка с красной звездой. Виднелось несколько пятен крови.

Теперь искать было бесполезно. Старуха, дети и солдат могли убежать за это время десять раз. Штюмме ругал себя за то, что не поставил часового, и надеялся, что взвод охраны на опушке леса, возможно, заметит и схватит беглецов. Вся тройка вернулась на КП.

Когда Клаус рапортовал, полковник Брандт слушал его, не задавая вопросов. И понятно почему. Ничего нового в этом трюке с детьми не было. Он спросил себя, могли бы его собственные дети поступить так же, и решил, что не могли.

Вечером Клаус Штюмме присоединился к унтерштурмфюреру (лейтенанту СС) Хайнцу Просту, чей пехотный полк сопровождали бронемшины. Офицер СС сказал ему, что в оккупированных деревнях уже собрано, иногда по мелким кусочкам, около два-

дцати трупов солдат. Они погибли в результате одиночных нападений — в одном из них был убит Шредер — или подорвались на минах. Одно взрывное устройство в виде аптечки унесло жизни двух медсестер. Заминированный ворот колодца отправил одного унтер-офицера в госпиталь, а трех солдат — в могилу.

Именно во время этого разговора Хайнц Прост впервые произнес слово «партизан». И они, двое, инстинктивно почувствовали, как у них на глазах война становилась другой. Если и существовали селения, где крестьяне предлагали цветы и свежую воду, то было гораздо больше безлюдных и враждебных деревень, неизвестно куда ведущих дорог, где на немцев неожиданно обрушивался огонь советского оружия. Противник прятался в лесах, болотах, растворялся в городских толпах. Для Клауса Штюмме две войны, два способа боя накладывались друг на друга, и он кожей чувствовал нависшую над ними всеми угрозу. Хайнц Прост, методичный, озабоченный прежде всего достижением главной цели войны, Москвы, с беспокойством наблюдал, как температура воздуха падала на несколько градусов каждый день.

На следующее утро, когда отряд приготовился к дальнейшему маршу, выяснилось, что часового на опушке леса зарезали. С него, когда он уже ничего не слышал и не видел, сняли сапоги. Труп лежал в двадцати метрах от опорного пункта, весь в крови, на спине, с раскинутыми руками.

Унтерштурмфюрер вычеркнул еще одно имя из списка личного состава и записал напротив: погиб в бою у деревни Воржны.

На выходе из деревни Хайнц Прост увидел указатель с надписью: «Берлин 1052 километра». Он сердито передернул плечами.

Две группы разошлись в Севске. Следующей ночью русские диверсанты подожгли один из складов горю-

чего танковой дивизии. Вечером следующего дня в маленькой глухой деревушке, где остановился на закате дня отряд, пятерка советских самолетов совершила бомбардировку с малой высоты. Получив ранение в ногу и левое плечо, Клаус Штюмме был эвакуирован в гомельский госпиталь, откуда его отозвали в Берлин приказом из штаба.

Партизаны в тылах немецких войск опасно активизировались, и командование группы армий «Центр» стало настойчиво требовать создания специальных отрядов.

Глава 2

ПАРТИЗАНЫ

Яковлев, лежа на снегу, внимательно наблюдал за железнодорожным полотном, тянувшимся вдоль кромки обрыва. Поезд пройдет лишь в час ночи. На мгновение возникло желание атаковать патруль, неясные силуэты солдат которого он заметил. Но тогда вся ночная операция может быть провалена, если один из этих чертовых немцев успеет поднять тревогу.

Терентьев, видя беспокойство товарища, передал ему горсть семечек подсолнечника, которую силач принял ворча:

— Долго ждать...

— Зато будет красивый фейерверк, который расцветит снег.

На горизонте показался паровоз, перед которым двигалась платформа с мешками, заполненными песком.

Партизаны забыли о холоде и томительном ожидании, замороженные тем, как большие колеса метр за метром продвигают поезд к западне.

После прохождения платформы с мешками песка Яковлев навалился на детонатор всей тяжестью тела, и поезд после ослепительной вспышки взлетел на воздух.

Русские несколько секунд наблюдали, как бушевал огонь, затем молча отправились в чащу леса.

За письменным столом, позади которого лежали пустые ящики для боеприпасов, писал Гайкин. Сиде-

ющий, со щетинистыми рыжими усиками и дружелюбной улыбкой, он уверенно руководил службой информации отряда и ежедневно добросовестно отмечал подробности всех операций. Он вынашивал голубую мечту представить в один прекрасный день кому-нибудь наверху, возможно даже в Москве, длинный список уничтоженной техники, подвижного состава и живой силы противника.

По прибытии Яковлев попросил представить ему итоги операций за две недели.

18 февраля: брошена граната в грузовик службы снабжения 150-го противотанкового полка: трое убитых, двое раненых вражеских солдат.

23 февраля: колонна из шести грузовиков была блокирована у завала на дороге. Пулеметы партизан косили из засады немцев одного за другим. Захвачено: 10 ящиков гранат; 21 винтовка (карабин); 3 ручных пулемета; 1 станковый пулемет; 8 ящиков боеприпасов; запасы продовольствия. Собрана одежда убитых.

28 февраля: подорван поезд с солдатами-отпускниками. Количество погибших не установлено. В составе поезда имелся пассажирский вагон для гражданских лиц. В соседние деревни были отправлены люди из отряда для разъяснения обстановки.

2 марта: взорван поезд с боеприпасами. Полностью уничтожено вместе с паровозом 15 вагонов. Движение на железной дороге прервано на сорок восемь часов.

Терентьев, в прошлом инженер на тракторном заводе, подошел к двум партизанам и прочел написанное поверх плеча Гайкина.

— Яковлев, помнишь старого генерала, которому мы помогали в Минске?.. Он говорил, что в России много лесов и что фашисты никогда не смогут вырубить их все. За каждым сохранившимся деревом будет стоять русский человек, готовый атаковать.

— Надеюсь, мы не подведем, — ответил, смеясь, Гайкин.

Светловолосый Ковалев, чистивший ружье, посмотрел на него и пробасил:

— Все леса наши друзья.

Много деревьев было вырублено в Плоском, где дислоцировалось то, что осталось от танкового полка полковника Брандта после провала наступления на Москву.

В пойме реки к востоку от деревни при двадцатиградусном морозе промерзшая оружейная сталь пристаёт к коже. Когда над большим Мартином пронеслась первая пулеметная очередь, он рухнул в снег. Его рот сразу набился белой дрянью, а вскоре за шиворот потекли тонкие струйки талой воды.

Рядом с ним Юрген Эссен и Рейнхардт с тревогой косились на колючую проволоку, которую им следовало перерезать, чтобы проползти дальше.

На фланге развернутого строя Вольфганг и Фридрих Ленгсфельды тщательно зарыли в снег черные ящики, отсвечивающие смазкой. Когда загрохотали минометы, они взглянули с безразличием на белые столбы, взметнувшиеся в воздух, и начали разматывать электрический провод.

Другие солдаты медленно ползли, втянув голову в плечи — «как гладильные доски». Лейтенант Прост стоял у пулеметов и внимательно следил за людьми и траекторией стрельбы. Клаус Штюмме находился рядом и спрашивал себя, сколько еще времени солдаты будут лежать на земле до конца учений. Но у Хайнца Проста тоже был резон. Чтобы жить, или, вернее, выжить, нужно уметь вести себя под обстрелом так, как моряк или крестьянин ведет себя во время бури, чтобы выработать в себе новые инстинкты. Страх исчезает, когда вырабатываются рефлексy профессионала.

Хайнц Прост дал свистом сигнал об окончании учебных стрельб, и отделения медленно вернулись в

деревню, бывший колхоз, где почти месяц офицеры и солдаты жили странной общинной жизнью. Измученные, грязные, неопрятные, в одежде наполовину гражданской и наполовину военной, они больше напоминали группу бандитов, чем отборное подразделение. Клаус засмеялся, вообразив физиономии офицеров ОКВ, инспектирующих команду егерей под нулевым номером.

Команду егерей под нулевым номером...

Это название егерям нравится. Они оказались в списке личного состава спецподразделения, маленькой резервной группы из восьмидесяти человек, выделенной для ведения дистанционной войны. В ее ходе они должны бороться в одиночку в деревнях, не обозначенных на карте, в лесах, в которых должны действовать, как на улицах города.

В сарае бывшего колхоза егеря чистили оружие под неусыпным контролем унтера Герта Байера. Независимо от времени и усталости, это была их первейшая задача: потому что их жизнь зависела от бесперебойного действия этих хорошо смазанных металлических изделий и точных приборов.

В углу Пауль Швайдерт, бывший понтонер, и Густав Хальгер готовили задания по русскому языку.

Людвиг и Райхель, отряженные на хозяйственные работы, следили за кастрюлями, обсуждая достоинства разных баб, которых трахали до начала войны.

Это было приятное время суток. В жаркий день сухая солома царапала кожу. Конечно, перед тем, как дрыхнуть, полагалось заняться русским языком и упражнениями по дзюдо. Но какое-то время они были в безопасности.

Ханс Йорг, именуемый коротко Ха-Йот, настраивал радио и начинал каждодневный отдых. Маленький и очень худой, он обладал самым скверным характером во всей группе. Его отец, арестованный гестапо в 1937 году, сидел все это время в концлагере. Первые

контакты Ха-Йота с парнями из СС были трудными. Восемьдесят добровольцев прибыли в подразделение коммандос из всех родов войск: пехотинцы, танкисты, из войск СС, СД, и вначале было нелегко избежать драк. Но Прост и Байер обладали быстрым и точным ударом и, само собой, справлялись с трудностями с помощью Карла Вернера, гессенского лесоруба.

После вызова вечером, в то время как часовые заступили на службу в холодную ночь, Клаус Штюмме отправился спать на свою койку рядом со своим вторым заместителем, лейтенантом СД Манфредом фон Ритмаром. Давние друзья, они встретились в госпитале в Гомеле. А поскольку Берлин требовал присутствия в команде офицера СД, Клаус выбрал своего товарища по университету в Гейдельберге (в атласах последних лет — Хайдельберг. — *Ред.*).

Фон Ритмар оказался ценным приобретением. Отличный стрелок, удивительно стойкий, неизменно спокойный, он служил для группы примером самообладания. Тем не менее в психологическом отношении с ним было что-то не так. Он иногда надолго замолкал, вежливо отказываясь от ответов на прямые вопросы.

Штюмме вспомнил учебные стрельбы боевыми патронами, которыми руководил фон Ритмар. Внезапная бледность лица, странная неподвижность серых глаз, нервные движения выдавали его тревогу. Но Штюмме так ничего и не узнал.

В тот вечер Манфред, расслабившись, начал говорить о замках на берегах реки Неккар в Баден-Вюртемберге.

Теперь подготовка коммандос была завершена. Осталось решить единственную проблему: найти врача. Хайнц Прост, истинный солдат, думал прежде всего о деловых качествах. И он знал, что бойцу легче сражать-

ся, если он чувствует, что кто-то за его спиной готов оказать ему помощь в возможном лечении и восстановлении к полноценной жизни. После долгих раздумий Клаус Штюмме остановил свой выбор на Гюнтере Грабере, враче из его бывшего танкового полка.

Между ними состоялся эмоциональный разговор.

Клаус изложил суть дела. Гюнтер рассмеялся:

— Давай говорить серьезно, Клаус. Я военный, а не певец кабаре... В этом нет смысла. Ты себе можешь представить, чтобы индейцы на тропе войны играли роль миссионеров?

— Ты слишком раздражен... А ведь знаешь, что восемьдесят парней нуждаются в тебе... И еще, когда летнее наступление закончится, наша победа будет не за горами.

— Знаешь, я слышу это каждый день... разве что не от парней, которые получили под зад у Москвы... Уверяю тебя, у них не возникает вопросов о победе в войне.

Затем Гюнтер вздохнул и добавил:

— В конце концов... я все равно постараюсь быть солдатом, потому что предпочел бы спасти одного человека из восьмидесяти, чем видеть, как погибают десятки людей, для которых я ничего не могу сделать.

Приказ по дивизии поступил в начале марта. Роте предстояло двигаться на восток. Коммандос обеспечивали безопасность войск, начав патрулирование вдоль всей дороги к городку и станции железной дороги Навля. Отряд отправился из деревни Плоское до выступления главных сил — в двенадцать часов.

В два часа после полуночи четыре взвода коммандос исчезли в ночи. Четыре разных маршрута позволяли им соединиться в первом пункте сбора.

Хайнц и его взвод получили после жеребьевки самый трудный путь. После выхода из села они должны

были пересечь простреливаемую долину, подняться на гряде, которая большим полукругом пересекала главную дорогу, и выйти к высоте в пункте сбора. С самого начала отряд преследовали неприятности. В возбуждении люди шли слишком быстро и взмокли. Большой Мартин провалился в яму под снегом, откуда пришлось выбираться.

На карте лесная дорога не была обозначена. Скорее, это была просека в лесу, и только Карл Вернер, лесоруб, шедший впереди, интуитивно находил направление, ориентируясь среди деревьев.

Справа от дороги начался березовый лес. У фон Ритмара было ощущение, что он видит фотографический негатив, когда все представляется наоборот: чахлые, светлые стволы, белая земля, черное небо. Он резко переключил мысли на Гомель, и его охватил иррациональный страх, который нарушал привычную размеренность хода. Он рванул вперед быстрее, чем обычно, с открытым ртом, сбил дыхание и в попытке избавиться от этого состояния, знакомого всем спортсменам, стал считать шаги на каждый вдох и выдох.

Через три часа четыре взвода увидели крыши Лубрянки. В принципе деревня была «лояльной», но Хайнц и Клаус опасались часто поспешных оценок разведки, решив обойти дома фланговыми взводами, то время как их собственные взводы выслали разведчиков.

Крыши домов по-прежнему едва выделялись на фоне неба, и видимость оставалась ограниченной, несмотря на подсветку от снега. Такая панорама предстала перед Клаусом, когда он смотрел в бинокль.

Солдаты рыли одиночные окопы, тогда как взвод разведки в белых маскировочных халатах отправился в деревню. Людвиг решил поиграть в разведчика, полагая, что в новом месте неплохо бы опередить товари-

щей в поисках чего-нибудь пожрать и выпить. Это было его целью номер один. Неплохо, конечно, сделать это с девочками. Впрочем, если подхватишь гонорею или сифилис, то это легко не проходит. Именно Людвиг увидел лошадей под навесом у избы. Лошади были в данный момент в дефиците. Армия быстро реквизировала лошадей на занятой территории, поскольку они представляли собой единственное надежное транспортное средство. Так что наличие в деревне лошадей нельзя было признать делом обычным. Людвиг приказал трем другим разведчикам оставаться на месте и наблюдать, пока он вернется к капитану Штюмме, чтобы доложить о своей находке.

Когда прибыл Людвиг, у Клауса был Хайнц.

— Обнаружены лошади, господин капитан... В доме слева, у самой середины главной улицы... Помимо этого ничего нет — ни звука. Часовых я не видел, и это неудивительно.

Хайнц попросил Людвига начертить все, что он видел. Черчение было одним из хобби Людвиг. Он всегда носил с собой небольшой альбом для чертежей вместе с карандашом.

— Пока ничего не ясно... Надо продолжать разведку и окапываться... Предупредить Манфреда и Байдера... Отправляйтесь через пятнадцать минут.

Оба офицера сверили часы.

— А часовые, господин капитан... Невозможно, чтобы там ничего не было...

— Я займусь этим.

Пока Хайнц — который должен был подать сигнал тревоги — пошел устанавливать пулеметы на позиции и отдавать приказ об атаке рассыпным строем, Клаус внимательно просматривал сельскую улицу через бинокль. Людвиг прав: должны быть часовые.

Его глаза охотника изучали улицу и дома метр за метром. Он ощущал себя в хорошей форме, по крайней мере, на войне! Прикинул, что можно сделать,

чтобы скрывать где-нибудь часовых. Не слишком далеко от лошадей, в месте, где хорошо просматривалась дорога. Несколько деревьев, которые он видел, были слишком оголены, чтобы укрыть кого бы то ни было. Оставались крыши и их закраины. Он осмотрел каждый дом. Ничего необычного. Имелся колодец, но он так вписался в пейзаж, что был почти не заметен. Это был обыкновенный колодец с журавлем, устремленным к небу. По краям каменный бордюр. При внимательном рассмотрении колодец показался в чем-то необычным. Очевидно, у края колодца, слившись с ним, укрывался часовой. Совсем не глупо. Клаус посмотрел на часы: еще девять минут до сигнала. Повернулся к Людвигу:

— Сообщи лейтенанту Просту. Я обнаружил дозорного. Намерен нейтрализовать его, затем воспользуюсь проходом, который ты сделаешь. Пусть нас прикроют. Потом мы займем позицию у угла колодца. Вот, возьми мой бинокль, он мне мешает.

Клаус начал ползти по снегу, держа в поле зрения колодец. Примерно через сорок метров он настиг трех разведчиков и объяснил им, что нужно делать. При отсутствии непосредственной опасности допускалось использование только кинжала.

Слева Клаус заметил небольшую изгородь и направился к ней. Он намеревался обойти колодец так, чтобы русским не удалось его заметить и поднять тревогу. До сигнала к атаке оставалось мало времени, и он, несмотря на промокшую одежду и возбуждение от охоты, ловко и осторожно продвигался по снегу. В мертвой зоне у колодца он слегка поднялся, чтобы двигаться быстрее.

Прежде всего, он увидел какой-то продолговатый кузов, набитый, как ему показалось, соломой. До русского будет добраться нелегко.

Клаус приблизился и тихонько постучал по кузову. В ответ послышался непонятный хрип. Постучал сно-

ва. Задняя часть кузова открылась. Высунулись две ступни, затем ноги целиком. Клаус ждал, занеся руку с кинжалом. Когда из кузова показалась верхняя часть туловища русского, то прежде, чем он смог повернуться, Клаус нанес сильный удар.

«Это труднее, чем я полагал», — подумал Клаус. В тот же момент в небо взвились ракеты, и он поспешил укрыться.

По улицам в ряд застрочили ручные пулеметы, они вели прицельный огонь длинными очередями. Встревожились и заржали лошади. Из многих изб выбегали вооруженные люди. Они прижимались к оградкам, затем бросались на землю. Поскольку русские не ожидали нападения с востока, они начали уходить в этом направлении. Однако в то же время на заснеженном поле поднялась с автоматами наперевес группа во главе с Хайнцем, атакуя деревню. Русские немедленно установили пулемет на углу дома. Клаус заметил опасность, пустил ракету и не спеша открыл огонь. В него бросили гранату. Из предосторожности он нагнул голову, но до гранатометчика было слишком далеко. Он дал еще три очереди, и пулемет замолк.

Теперь командос двигались вдоль первых домов. Клаус увидел группу людей, повернувших снова на север, и услышал первые очереди, блокирующие спасающимся бегством русским выход из деревни.

Десять советских партизан все еще стреляли. Они быстро попали под перекрестный огонь и попадали на землю один за другим.

Хайнц вслед за Клаусом побежал к лошадям. Четыре из них были ранены, их следовало пристрелить. Две другие демонстрировали свой неистовый нор. Немцы быстро осмотрели партизан. Все были мертвы. К востоку все еще продолжалась перестрелка, и Клаус послал четырех солдат узнать, какова ситуация. Установили на позициях ручные пулеметы, затем Клаус и Хайнц побежали проверять избы вместе с теми, кто не

имел других поручений. Пинками ног и ударами прикладов быстро заставили открыться все двери и приступили к обыску домов. В избе, рядом с которой были привязаны лошади, никого не было. Обнаружили продовольствие, листовки, несколько ружей.

Затем немцы заставили собраться всех жителей деревни.

Между тем фон Ритмар и унтер Байер расставили своих людей, освещая местность ракетами. Дозорные заметили в сумраке тени близ деревни и начали стрелять, но без особого успеха, поскольку высокие склоны по обочинам дороги позволили русским скрыться. Рядом располагался лес, и настичь их было бы трудно.

Манфред приказал соединиться взводам. Адъютант Байер догнал, когда они углубились в лес, и вернул в деревню.

Восемь часов утра. Женщины и дети жителей деревни собрались перед избой рядом с коновязью. Начались бесконечные допросы.

Переводчики ничего не добились. Знакомая история.

— Да, партизаны приходили сюда вечером. Они охотились на жителей трех домов, чтобы увести их с собой. Нет, мы их не знаем. Наверняка это люди из другого района, иначе они бы понимали, что мы не хотим попасть в скверную историю.

Пауль Швайдерт, который по приказу Клауса проник в толпу, услышал, как две женщины — одна молодая, другая старуха — смеялись над глупостью солдат-фашистов и говорили: «По словам Степана Яковлева, они такие же скоты, как и сволочи».

Бывший понтонер взял их за руки и отвел к Клаусу. Когда женщины зарыдали и завопили, потребовалось еще два солдата, чтобы их утихомирить. Допрос возобновился. Но в этот раз солдаты взяли жителей деревни «на мушку».

Было установлено, что партизаны наведывались в деревню уже четыре или пять раз, откуда они могли присматривать за станцией Навля. Попутно Клаус выяснил фамилии их командиров: Ковалев, Яковлев, Гайкин, которые уже встречал, знакомясь с донесениями разведки.

Для проформы бросили несколько гранат в избы, где ночевали партизаны. Также для проформы расстреляли старого старосту. Прецедент с партизанами не прошел даром, те несколько человек, что остались в деревне, запуганы и теперь будут знать, как себя вести.

В этот день других инцидентов больше не было. Под охраной командос рота проследовала к Навле, пройдя сожженные или брошенные русские деревни, запорошенные снегом.

Глава 3

ЖЕНЯ

В Навле капитана Штюмме ожидали приказы из Берлина.

После сбора с оружием и снаряжением отряд егерей немедленно переправили на грузовиках в городок Ревны, находящийся в двадцати километрах, где отныне располагался оперативный КП (командный пункт) и базовый лагерь отряда.

В Ревнах Клауса ожидал первый приятный сюрприз в виде длинноволосого молодого офицера, руководившего службой разведки района. Маленький, худой, но с большой круглой головой, Ханс Фертер, будучи доктором философии и большим любителем девушек, решил вести войну в одиночку. Он зачастую восхищался прочитанными трактатами по психологии, старался внедрить ее формулировки в армейскую жизнь как можно точнее. В нем родился актер, безобидный вид позволял ему обезоруживать злую волю — то есть волю своего начальства, — а должность, которую он занимал, подходила ему как нельзя лучше.

Когда Клаус Штюмме объяснил ему, что от него требуется, восторгу Ханса Фертера не было границ. У него вызывали воодушевление отнюдь не задачи, поставленные перед командой егерей, но то, что у него под рукой находился блестящий аппарат для оценки методов его работы. Он мог наконец проверять достоверность своих донесений. Фертер представил на мгновение, что будет, если он совершит ошибки, и что в этом случае

бойцов отряда ожидает много неприятностей. Но он отгонял эти дурные мысли. У каждого свое ремесло.

Двое офицеров быстро стали друзьями. Другие тоже. Манфред, Хайнц и Гюнтер быстро привыкли к розовому дому (идея Фертера, который перекрасил избу на глазах изумленных русских).

— Понимаете, — объяснял он, — это единственный розовый дом. Ничего не поделаешь, мне не найти такого дома в глуши. Его все знают. Кроме того, меня принимают за немного неуживчивого типа (оригинала, который цапается с начальством). Это дает мне некоторую гарантию личной безопасности. И потом, — добавил он, подмигивая, — такой дом легче найти женщинам...

Фертер установил наличие пяти, в крайнем случае шести организованных партизанских отрядов. Терпеливо собирал все отчеты по региону: об убийствах старост, минировании участков дорог, диверсиях на железной дороге, других террористических актах. Протоколы допросов захваченных партизан — прежде чем их повесили или, в лучшем случае, расстреляли, — также поступали в его отдел. И потом, у Фертера, конечно, имелись собственные агенты, которых окрестили «его очки». Фертер был разговорчив и мог целыми часами вести беседы с крестьянами, с которыми приходил знакомиться. Также благодаря ему командос использовали трех местных жителей, этнических немцев из этого района (немцы, эмигрировавшие в Россию в XVIII и XIX веках, селились в основном по берегам Волги и на юге Украины. В начале войны восемьдесят процентов из них были депортированы. — *Пер.*), которые служили в качестве проводников.

Фертер пытался очаровать Гюнтера посредством рассуждений о том, что психология не всесильна и что врач может оказать ему в его деле много услуг. Теория эмоций, говорил он, даже хорошо разработанная, не может вылечить бронхит или астму. Гюнтер остался недово-

ным. Тогда Ханс Фертер произнес резкую обличительную речь против медиков, которые манкируют своими обязанностями, и Гюнтер, наполовину побежденный, наполовину ожесточенный, прекратил наносить визиты по указаниям Фертера, что повысило его репутацию.

Фертер спросил однажды Манфреда, который весьма удивился, не примет ли он в состав командос священника. В этих местах священник ценился высоко, богослужения будут иметь среди солдат гораздо больший успех, нежели выступления деятелей искусства.

Затем решили провести первую операцию.

Железнодорожную линию на участке Брянск—Белополье, несмотря на постоянное наблюдение, регулярно выводили из строя. Фертер предложил обезопасить эту линию, имеющую важное значение для доставки подкреплений.

— Над этой операцией следует хорошо поработать. Если Генштаб останется довольным, он, в свою очередь, предоставит вам больше свободы действий. Признайте, что для вас я за родного отца!..

По его сведениям, отряд партизан укрывается, видимо, к юго-западу от Брянска в окрестностях Миликонца. Он показал им карту местности: сплошные леса и леса. Дорога от Ревн до Навли могла быть короче, но она не принесет никакой пользы. Ведь придется трубить в рожок на каждом километре!

В тот вечер люди немного нервничали. Унтер Байер еще раз осмотрел их оружие и снаряжение. Затем в три часа ночи четыре взвода егерей выступили из Ревн. Подразделение Хайнца Проста шло впереди, отряд замыкали солдаты унтера Байера. Через час отряд достиг лесной поляны.

В пятнадцати километрах отсюда, в густом лесу, располагался лагерь, где укрывался отряд Яковлева. Он не охранялся. Яковлев увел с собой почти всех лю-

дей, потому что по разведанным в Брянск должны были проследовать три поезда с боеприпасами, и уничтожение всего этого «железа» было для партизан святым делом.

В главной землянке Василий, молодой рабочий-металлист из Гомеля, поправлял повязку на своей раненой ноге, в то время как Юрий пел, фальшивя, по своему обыкновению, когда возился со старым радиоприемником.

— Ты не будешь делать обход? — робко спросил Василий.

— Да... Перестань надоедать мне с этим... Честное слово, ты сегодня как старая карга... Ребята на железной дороге, а я здесь защищаю типа, который дрейфит...

Василий не ответил. Он подождал еще немного, затем, не обращая внимания на товарища, надел старую куртку и вышел в ночную темноту.

Чувствуя себя неуютно, нервно озираясь вокруг, он отправился на наблюдательный пункт у дороги, по которой пришли его товарищи. Здесь, в отлично замаскированном месте, Василий мог видеть весь партизанский лагерь. Его глаза напряженно всматривались в подлесок, но, несмотря на все внимание, он не заметил три тени, которые стелились по земле у края поляны.

Разведчики командос вышли на лагерь чисто случайно, и они, возможно, ушли бы незамеченными, если бы Юрий не вышел в это время позвать товарища.

Василий не двинулся.

Внезапно началась сильная перестрелка, как ему показалось, со всех сторон сразу. Едва Юрий успел отскочить в укрытие, потянуться за оружием, как перед входом взорвалась граната.

Егеря, лежавшие на снегу, решительно поднялись, и взвод Клауса бросился в атаку. И зря. Логово партизан было пустым, лишь тело Юрия выпало наружу

из землянки после взрыва. Три взвода немцев немедленно принялись организовывать оборону, как только закончили осмотр лагеря.

Василий не шевелился. Незачем погибать зря. Он медленно вылез из огромного дупла, где был наблюдательный пункт, и пополз к лесу, несмотря на раненую ногу. Он должен предупредить Яковлева.

Партизанский лагерь был прекрасно замаскирован. Три убежища, вырытые в земле, практически не были заметны на поверхности. В большой землянке, где обнаружили труп, имелось спальное помещение и еще два малых под кладовки. В одной кладовке солдаты обнаружили муку, ячмень и немецкие канистры.

Клаус, Хайнц и Манфред обсудили вопрос о том, стоит ли им ожидать здесь возвращения партизан или попытаться загнать их в угол. Второй вариант показался предпочтительным. Решили заминировать все подступы к лагерю (Хайнц начертил подробную схему расположения мин) и двинуться на север в направлении железнодорожного полотна, где, вероятно, займут позиции партизаны.

С искусанными до крови губами Василий продолжал ползти вперед. В Миликонец он приполз в жалком виде.

— Яковлев, быстрее, немцы в лагере. Они убили Юрия.

— Немцы? Ты с ума сошел, Василий, иди, дружок, мы о тебе позаботимся.

Раненым занялась здоровенная баба.

— Немцы, ты уверен?

— Я видел их, как тебя, Яковлев. Их было двадцать, может, тридцать человек. Они пришли из леса.

На мгновение Яковлев задумался. Фашисты не останутся в брошенном лагере по той простой причине, что не знают, какое количество партизан рискнет напасть на них снова. Им нужно не упускать инициативу.

— Терентьев, возьми с собой всех людей, кроме разведчиков, которые пойдут со мной. И будь осторожен, не атакуй их без моего приказа. Укройте лошадей и сани. Они останутся здесь на время.

— Понял, командир.

— Ковалев, возьми мины, которые у тебя остались, и следуй за мной.

Яковлев, Ковалев и разведчики быстро вышли. Если немцы, как они предполагали, ушли из лагеря, у них есть хороший шанс вернуться в Брянск и к этой проклятой железной дороге. В двух километрах отсюда они неизбежно выйдут на лыжню их предыдущего перехода. Яковлев решил быстрее заминировать путь их возвращения и посмотреть, что будет.

Ковалев, стоя на коленях в снегу, быстро закладывал мины, между тем разведчики наблюдали за лесом. Ожидать фашистов было бесполезно, взрыв мины предупредит об их появлении. Но что, если другие пройдут иным путем? Яковлев недовольно почесал голову. Лучше избежать любого риска. Он отправил одного из разведчиков с приказом Терентьеву уйти из деревни к Мертвому Дереву. Яковлев и его разведчики понаблюдали за противником, затем присоединились к группе Ковалева.

Егеря шли настойчиво вперед, развернувшись на дороге тремя взводами, чтобы легче передвигаться. Клаус считал, что таким ходом они вскоре доберутся до деревни Миликонец.

Во главе колонны шли два полицая ОД (Ordnung Polizai — вспомогательная служба полиции, куда рекрутировали русских предателей. — *Ред.*), и Карл Вернер в этот раз покинул их. Никто, кроме них, не ощущал снежный покров более податливым и легким. Первый полицай напоролся на мину, которая отозвалась продолжительным грохотом взрыва.

Клаус и его люди бросились плашмя на снег, ожидая исхода. Полицай агонизировал. Вторым полицаем, легко раненный, пополз назад.

— Удачный ход, чтобы загреметь под фанфары, — пробурчал Мартин.

Деревня Миликонец располагалась дальше, в долине. Она казалась безлюдной. Прост, занявший наилучшее положение, был единственным, кто увидел, как к северу от деревни скользили, уходя, сани. Он установил на позиции два миномета и подал команду открыть огонь.

Яковлев не думал о минометах. Под прикрытием снежного сугроба он изучал обстановку. Конечно, все сани не смогут пройти, но он надеялся, что у Терентьева хватит сообразительности, чтобы увести как минимум людей. А сани можно изготовить новые. По его оценке, у противника, должно быть по крайней мере пятьдесят солдат. Минус один, подумал он с удовлетворением. Нет необходимости здесь болтаться. Он успеет уйти к Мертвому Дереву, пока фашисты дойдут до деревни.

Егеря теперь хорошо знали, что делать. Даже без специального приказа каждый взвод шел в обход, чтобы блокировать деревню.

Хайнц подошел к Клаусу:

— Можешь повесить оружие на ремень, они ушли. Первый тур за нами, мы вынудили их уйти.

Жителям деревни Миликонец было не по себе. Они не видели немцев с декабря, а если верить партизанам, фашисты были хуже дьяволов. Поскольку не все смогли бежать в лес, у них оставался единственный выбор — как можно быстрее уничтожить следы пребывания партизан. Что касается оставшихся лошадей и саней, то их придется предложить фашистам для задабривания. Устроили костры, чтобы сжечь листовки и документы. Сани тщательно осмотрели и ждали дальнейшего развития событий.

Старая Усыгина наблюдала через окно прибытие чужих солдат. Она усмехнулась, видя, как они крадутся вдоль стен. Ох! Они выглядели злодеями, в то время как здесь никого не было, кроме женщин и детей.

Стоя рядом с ней, молодая Женя, поджав губы и округлив от страха глаза, ругала про себя Яковлева за то, что он заставил ее остаться в деревне, чтобы шпионить за немцами.

Клаус подошел к Манфреду и Хайнцу.

— Они удрали, думаю, сейчас их не стоит преследовать. Расставляю часовых вокруг домов, чтобы никто не улизнул.

— И жители?

— Они обеспечат тазы с горячей водой от каждой семьи и лепешки. Но будьте осторожны: не вступать ни в какие разговоры.

Как назло, Гюнтер, лечивший раненого полицая, выбрал дом старой Усыгиной для устройства там лазарета. Дверь ему открыла Женя. Сердитая старуха начала продолжительное брюзжание, в ходе которого живым или мертвым родственникам молодого врача были обещаны адские муки.

Гюнтер с бесстрастным лицом втащил раненого, снял наконец белую каску, которую носил поверх шерстяного подшлемника, и, как всегда спокойный, начал свою работу.

Крестьяне, удивляясь спокойствию солдат, которые приходили и уходили, не обращая на них внимания, быстро приготовили горячую воду и лепешки. В свою очередь, каждый солдат входил в дом погреться и поесть, сохраняя вежливое молчание, а затем уступал место другому.

К Гюнтеру зашел Манфред. Взглянув на Женю, он нашел ее хорошенькой и задержался на несколько секунд, хмуря брови.

Утро тянулось таким вот странным образом. Крестьяне неоднократно собирались и обсуждали события под спокойными взглядами егерей.

По приказу Клауса один солдат начертил подробный план деревни, а около часа пополудни встретились командиры взводов.

— Вот программа на сегодняшний вечер. Конечно, нам невыгодно преследовать отряд, который мы отсюда выгнали. Партизаны передвигаются быстрее, чем мы, и лучше знают местность. С другой стороны, Милконец — это перевалочный пункт, к которому партизаны привыкли и где они отчасти пополняют свои запасы продовольствия. По-моему, партизаны не очень далеко, и мы их подкараулим. Устроим им западню.

Расстелив план деревни на столе, Клаус ткнул пальцем в пять изолированных изб к западу:

— Вот западня. Мы выселим жителей этих домов и поселимся там на глазах всей деревни. Отгородим эти дома завалами из бревен. Оборудуем хорошо заметные огневые точки. Надо создать впечатление, что мы преобразовали избы в некое укрепление. Ночью мы должны полностью блокировать деревню. В это время, полагаю, шпионы, оставленные здесь отрядом, попытаются встретиться с партизанами и сообщить им об обстановке. Мы позволим им уйти и последуем за ними.

В девять часов вечера взвод унтера Байера возьмет под контроль заминированную дорогу, по которой мы прибыли. Лейтенант фон Ритмар расположится на поляне к западу от деревни. Мы с Хайнцем отправимся на север для наблюдения за пятью избами. Если, как я предполагаю, партизаны задумают напасть на нас, то в этот раз они неизбежно используют свои основные силы, и мы сможем их преследовать. Ближайший к ним взвод станет пускать ракеты, благодаря которым мы будем хорошо видеть партизан.

Если все пойдет, как задумано, мы вернемся в деревню. В противном случае вся надежда — на удачу. Но в любом случае вам не следует гнаться за ними по пятам, если они вырвутся из ловушки, потому что в это время мы будем рассеяны на небольшие группы и, следовательно, более уязвимы.

Два брата Ленгсфельд, получив задание, старались изо всех сил. Выселить жителей из пяти изб не соста-

вило труда. Патрулирование вокруг деревни досталось взводу Манфреда, а сам Манфред занял пост у дома старой Усыгиной. В течение часа пять изб приняли угрожающий вид. Их заполнили солдаты, из каждого окна торчали стволы. Для пущей убедительности Людвиг установил антенну (обрывок какой-то проволоки), а также флаг, захваченный на всякий случай.

Заинтригованная Женя вместе с соседями вышла на улицу и запоминала каждую деталь.

Незадолго до наступления ночи жителей деревни снова собрали. Запретили выход из домов. Солдатам было приказано стрелять без предупреждения в тех жителей, которые нарушат приказ.

Патруль, состоявший из наиболее шумных парней, ходил по улицам, в то время как остальные командос закрылись в подготовленных для обороны избах.

Женя некоторое время прислушивалась. От встречи с патрульными, которые производят так много шума, уклониться было легко. Прокравшись вдоль дома, она без труда скрылась из вида и бодрым шагом направилась к партизанам.

В Мертвом Дереве полдень длился, казалось, бесконечно. Яковлев, в нетерпении и раздражении, каждый час отправлял разведчиков в сторону деревни Миликонец. С наступлением ночи, может, осуществится его замысел выведать расположение фашистов и соединиться с Гайкиным, Ковалевым и Терентьевым. Как раз в этот момент прибыла Женя. Тепло встреченная партизанами, она сделала довольно точный чертеж огневых позиций противника, ответила на заданные вопросы и сообщила о странном поведении немецких солдат. Она собиралась заночевать в Мертвом Дереве, но Яков приказал ей возвратиться в Миликонец и предупредить жителей деревни о необходимости найти безопасное укрытие. Разочарованная и расстроенная, она отправилась в обратный путь.

Она уже видела свой дом, когда сильный рывок заставил ее повалиться на снег. Чья-то рука в перчатке закрыла ей рот.

Манфред видел, как уходила Женя, и подстерег ее возвращение. И вот она перед ним, живая и тепленькая. Он медленно перевернул Женю на спину и дал ей знак молчать. Русская девушка узнала офицера, который столь пытливо смотрел на нее, и набралась храбрости. В конце концов, все не так плохо. Она робко улыбнулась Манфреду. Он улыбнулся ей в ответ, быстро поцеловал и, прижимая к себе, привел к дому старой Усыгиной. Затем, получив то, что хотел, и довольный очередным фортелем, который выкинул на войне, Манфред вернулся в укрепленные избы.

Манфред действовал инстинктивно. Только по прошествии некоторого времени он понял мотивы своего поведения: девушка оказала им услугу в реализации плана Клауса. Поэтому Манфред решил, что она должна нести ответственность за последствия.

В полной тишине командос покинули укрепленные дома, чтобы занять новые позиции.

Яковлева мучили сомнения. Эта история, казалось, не сулила ему ничего хорошего. Все выглядело слишком просто и заманчиво. И в данных обстоятельствах он полагал, что обоз с боеприпасами стоил дороже горстки убитых фашистов. Его первым побуждением было отойти к Почепу. В состоянии сомнений он попытался поделиться своими опасениями с Терентьевым, Ковалевым и Гайкиным.

Яков выбрал нейтральный тон.

— Немцы расположились в деревне Миликонец и закрепились в нескольких домах. Их легко атаковать, но я считаю, что это засада, и предлагаю оставить там наблюдателей на полсуток.

— Почему засада? — поинтересовался Ковалев.

— Эти парни, что прошли ночью по нашему лесу, слишком спокойны.

— Ба! Одной ночи с них достаточно, они хотят погреться. Мы зажарим их, как свиней.

— Яковлев, что с тобой происходит? Пушечное мясо в пределах досягаемости наших ружей, и у тебя нет аппетита?

— Впервые фашисты заставили нас бежать, и это для меня плохой сюрприз, — добавил Ковалев. Он собрался идти.

Терентьев тоже склонялся к тому, чтобы атаковать, но сомнения Яковлева несколько ослабили его решимость, и он сделал половинчатое предложение:

— Возможно, в том, что сказал Яковлев, есть зерно истины. Пусть атакует Ковалев. Мы с Яковлевым будем прикрывать его фланги. Если дело примет дурной оборот, мы сможем обеспечить открытый проход и выход партизан из боя малыми группами, пока не отойдет на исходные позиции последний человек отряда Ковалева.

— Этим последним человеком буду я, — проворчал Ковалев.

Партизаны очень обрадовались: они соскучились по настоящему бою. В конце концов, утомительно взрывать одни поезда, грузовики и танки! Каждый партизан заботливо проверил свое оружие и боеприпасы, и отряд медленно потянулся к деревне Миликонец.

Клаус проверил время по своим светящимся часам: двадцать три часа. Он понимал, что если ошибется в расчетах, то командос рискуют оказаться в лазарете с тяжелым бронхитом. К счастью, не было ветра и снега, это немного грело.

Атака началась с левого фланга. Очереди трассирующих пуль, отметил Клаус, были направлены точно в сторону укрепленных изб. Русский пулеметчик представлял собой главную опасность и, должно быть, знал местность чертовски хорошо. И в это время в черное небо взвились пять осветительных ракет. Яковлев тот-

час понял, что не ошибся: это была хорошо организованная ловушка.

Прагматичный Хайнц решил, что осветительных ракет недостаточно. Он дал несколько очередей зажигательными пулями по пяти избам, соломенные крыши которых мгновенно воспламенились. Стало очень светло. Без промедления русские пулеметчики продолжили стрельбу короткими очередями, которые стали легко различимы.

Взводы командос начали медленное движение в сторону русских, прежде чем открыть огонь. Однако Яковлев и Терентьев не позволили им приблизиться и начали стрельбу первыми.

Немцы, вначале удивленные этими двумя фланговыми обстрелами, быстро отошли. Разделившись на группы по три человека, они снова повели наступление на советских партизан, прикрывая друг друга.

Ковалев, ругаясь, снял с позиций пулеметчиков и остался последним. Тяжело дыша, как бык, он сделал пять больших прыжков, стреляя с колена длинными очередями.

Каждый стрелял, в общем, наугад. К теням от горевших изб добавлялись тени от кустов.

Со своей стороны, Хайнц быстро разгадал маневр партизан и попытался отрезать их от дороги. Но он напоролся на отряд Яковлева. Партизаны, вне себя от ярости, поднялись цепью и пошли напролом с криками «ура» на немцев. Хайнц приказал пятерым солдатам немедленно отступить, чтобы иметь немного свободного пространства, и вынул свой кинжал. Перед ним возникла бледная тень с ручным пулеметом. Хайнц толчком ноги остановил нападавшего русского и резким движением всадил в него нож.

Если бы позади не было парней, готовых атаковать, думал Хайнц, им была бы хана. Братья Ленгсфельд зажгли перед собой маленький бенгальский огонь. Он

позволил ручным пулеметам работать с большей эффективностью.

Большой Мартин бился каской. Рейнхардт размахивал ручным пулеметом, как дубиной.

Затем один голос выкрикнул русское имя, и партизаны, как по волшебству, вышли из боя. Митя, связник, который участвовал в первом бою, в момент отхода партизан оглянулся и дал очередь. Один немец был убит.

Когда рассвело, егеря вернулись в деревню: их потери составили одного убитого и троих раненых. Обнаружили семь трупов партизан.

Хайнц и Клаус сочли, что упустили еще один шанс. Отряд партизан скрылся без больших потерь.

В деревне все еще дымили подоженные избы, а женщины, которые вышли узнать, кто победил в бою, робко смотрели на вернувшихся немцев. Клаус снова приказал им приготовить горячую воду и лепешки. А так как партизаны в деревню не вернулись, немцы претендовали также на яичницу.

Война... На войне всегда лучше соглашаться с сильным. Манфред не спеша направился в дом старой Усыгиной и попросил у Жени горячей воды, чтобы помыться и побриться. Старуха продолжала ругаться.

Клаус и Гюнтер с беспокойством и сочувствием наблюдали за переноской раненых. Если мертвеца можно похоронить где угодно, то что делать с солдатами, утратившими способность передвигаться и сражаться? Раз их нельзя доверить гражданским лицам, кроме исключительных случаев, значит, надо сразу прикончить. Они встретили Хайнца, как всегда улыбавшегося, и направилась в лазарет.

Когда старая Усыгина увидела, что в ее дом входят три фашиста, ее гневу не было предела. Она докричалась до того, что Клаус на своем ломаном русском назвал ее беззубой свиньей и сказал, чтобы лучше она приготовила ему поесть. Старуха оторопела.

— А, голубок! Раз ты говоришь по-русски, значит, понимаешь и бранные слова. Иди сюда, я научу тебя новым ругательствам.

— Хорошо, бабушка, но сначала позволь нам заняться делом. — Клаус повернулся к своим спутникам: — Что делать с ранеными?

— С ними можно подождать или нет?

— Гюнтер сказал, что может позаботиться о них на месте, если мы не двинемся дальше.

— Здесь хорошо. Крестьянам придется немного позаботиться о нас, раз уж партизаны не всех нас прикончили. Предлагаю остаться здесь на несколько дней. Разведку будет проводить каждый взвод по очереди.

— Хорошо, я предупрежу Ревны по радио.

— А как быть с убитым?

Хайнц пожал плечами.

— Добро бы одни раненые. Но убитые... похоронят их здесь или там, это на самом деле уже не имеет значения. Взвод возьмет себе его жетон (идентификационные жетоны, обычно из цинкового сплава (с 1935 по 1941-й алюминиевые), с информацией на двух половинках, разделенных разрезами, позволявшими легко разломить жетон. В случае гибели военнослужащего одна половинка жетона отламывалась, другая оставлялась на трупе. — *Ред.*), оружие и довольствие. Предлагаю взять также ботинки и защитный комбинезон. Кстати, думаю, ему полагались сани и лошадь. Поэтому попросим старую жабу уважить наши требования.

На слова Клауса откликнулась Женя. Немного охрипшим голосом она предложила собрать у крестьян транспортные средства. Манфред вышел с ней под насмешливым взглядом Хайнца.

— Если мы останемся здесь, ни в коем случае нельзя размещать парней малыми группами по домам. Два месяца назад в таких же условиях под Бобруйском уничтожили полроты. Ближе к полуночи партизаны

окружили деревню и перестреляли наших всех разом. Ребят ухлопали, как кроликов.

Хайнц кивнул. Конечно, Клаус был хорошим солдатом, приверженцем традиций. Он мыслил в основном по уставу. Может быть, ему не хватало воображения. Но не было ни куража, ни дерзости.

Между тем Женья в сопровождении Манфреда обошла ряд домов, чтобы собрать лошадей и сани, которые Манфред с вежливым интересом проверял. В одной избе он остановился, чтобы поклониться иконе, которая изображала голову святого с немного раскосыми глазами. Взгляд этих глаз его завораживал: печальный взгляд, который придавал всему облику выражение смиренного и отрешенного покоя. Нос у святого был слишком правильным, губы — полные, шея — мощная. Пятна сырости источили сине-зеленую мантию, которая покрывала его плечи. Икона была красивой и, конечно, очень древней.

Женья потянула его за рукав. Они продолжили обход деревни.

Весь полдень был посвящен обустройству солдат. Четыре избы, сектора обстрела из которых перекрывались, были превращены в укрепления, защищенные барьером из мин-ловушек. Эти мины, по замыслу братьев Ленгсфельд, должны были вызвать больше шума, чем вреда. Практичный Хайнц считал массивированную атаку партизан возможной, хотя предполагал, что их спасение — в бегстве.

Когда наступающим нужно будет пересечь поле, желательно, чтобы дальнейший выбор у них оказался небольшим (и выгодным для немцев!).

Карл Вернер, в свою очередь, построил возниц — на глазах весьма любопытных крестьян, которые возводили забор.

Гюнтер окончательно выбрал местом проживания дом старой Усыгиной. На этот выбор не могло не повлиять присутствие Жени, хотя он опасался конкуренции.

Более повезло определенно неразлучным Людвигу и Эрнсту Райхелю. Их избой стали в этот раз столовая, кладовка и погреб с овощами. Посредством шлепков по ягодицам они привлекли к работе трех здоровых крестьянок и готовили многочисленные блюда.

Три офицера между тем составили подробный план караульной службы, предусматривавший пять постов из двух солдат на каждом, которые сменялись каждые два часа. Караульные сообщили Хансу Фертеру о своем обустройстве и условились о часах отдыха друг друга. Затем они внимательно просмотрели карту местности для обозначения маршрутов патрулирования.

Можно было убедиться, что на севере Брянск и его ближайшие окрестности находились в безопасности: там партизаны замечены не были. Южнее территория на сорок километров от Навли заслуживала изучения. К востоку тянулась пресловутая железная дорога. Но местоположение деревни Миликонец, если там находились партизаны, сейчас серьезно затрудняло доступ к значительной части полотна дороги, и Клаус понимал, почему Яковлев выбрал именно это место для базирования своего отряда.

Оставались запад и река Десна.

По другую сторону реки располагалась территория, которую они должны пройти за один день. Река произвела сильное впечатление на большинство солдат. Неторопливая, таинственная, могучая, она представлялась барьером между двумя мирами. Позже, когда они оказались перед рекой, у них возникло ощущение, что, форсировав ее, они изменят свою жизнь.

С наступлением ночи сытая и обогретая деревня заснула. Бодрствовали одни лишь часовые.

Манфреда одолевали впечатления от иконы с обликом святого и от Жени. Караульная вахта, на которую он должен был заступить, как и все другие, избавила бы его от кошмара с видением упавшей на его постель иконы и давившей на него так, словно весила тонну.

Завтра с наступлением ночи первый дозор под командованием Манфреда должен был выступить.

Помня о рекомендациях офицера разведки, Клаус решил уделить особое внимание участку железной дороги. Ему нужно было подумать о быстрых и осязательных результатах рейда, которые обеспечили бы ему благожелательный нейтралитет Генштаба.

Манфред и его солдаты, к которым присоединился Карл Вернер, экспериментировали с санями — надо сказать, к своему большому удовлетворению, поскольку сани позволяли им быстро перемещаться.

Они рискнули проехать через несколько хуторов, вместо того чтобы их объехать. Из-за холма выглянула луна, и стала заметной железная дорога. Они медленно спускались вниз сквозь ночь и снег. Ожидался поезд, и Манфред молился небесам, чтобы он благополучно прибыл по назначению. Поезд прошел по равнине, издав далеко словно игрушечный, и все командос вздохнули с большим облегчением.

Они продолжили поездку еще в течение целого часа, а затем, сделав большой полукруг, вернулись в деревню Миликонец.

Ковалев был взбешен. Он помнил последнее 7 ноября в деревне Миликонец, когда все ее жители собрались на празднование годовщины революции, а теперь деревня находилась под сапогами этих скотов. А Женя, что с ней случилось? Если эти ублюдки прикасаются к ней, он разорвет на куски первого из них, который попадет под руку.

Яковлев и Терентьев приняли двойное решение. Во-первых, послать донесение А.Ф. Федорову (первый секретарь Черниговского обкома, руководивший очень активными партизанскими отрядами и подпольщиками на Украине, дважды Герой Советского Союза. — *Ред.*) с информацией об обстановке. Во-вторых, пере-

правиться на другую сторону Десны и отыскать свои осенние базы. Надо непременно действовать. Важно отыскать эту банду фашистов.

Яковлев был вынужден долго объяснять партизанам причины, по которым он заставил их уходить. Причем отлично зная, что его люди хотят драться. Но в этом районе их держала более важная причина. Для них всех Миликонец была первой деревней, где они жили как люди со времени летнего отступления, где нашли подобие дома и семьи. А теперь пришлось снова ступить на путь скитаний, подобно бродягам.

Десна еще оставалась скованной льдом. Для большей безопасности Яковлев три месяца назад все-таки переправил людей на лодках-плоскодонках скрытно от войск. Лодки скользили по льду с серебряным звоном, который вызывал у Королева улыбку удовлетворения. На Украине во время сбора урожая колокольчики на шеях лошадей издавали примерно такой же звук.

В деревне Миликонец сохранялось спокойствие. Патрули, не обнаруживая ничего угрожающего, заканчивали свою вахту с наступлением рассвета.

Егеря наведались во все хутора этого района в радиусе двадцати—тридцати километров. Их принимали без искреннего дружелюбия или откровенной вражды. Ханс Фертер, находящийся в Ревнах, подтвердил отсутствие диверсий на железной дороге.

Для командос это был необыкновенный период. Весна принесла определенное спокойствие, и люди оживились. Клаус и Хайнц, как и другие, наслаждались радостями жизни, может быть, потому, что понимали временный характер всего происходящего.

Что касается Манфреда, то он проводил долгие часы в доме старой Усыгиной. Он узнал теперь много русских слов и жаргонных выражений. Женя однажды по полудни повела его в лес, почти до Мертвого Дерева.

Воспользовавшись моментом невнимания Манфреда, она подбежала к тайнику Яковлева и достала из него записку. Когда она вернулась, Манфред встал сбоку от нее и оглядел ее насмешливым взглядом. Но он не сделал попытки отобрать клочок бумаги.

Они вернулись в деревню под ручку.

Этим вечером Женя услышала широкие размеренные шаги, которые уже хорошо знала. Она направилась к двери своей комнаты и стала ждать появления Манфреда.

Гюнтер тоже услышал эти шаги и рассмеялся.

Именно Хайнц первым проявил некоторое возбуждение. Он счел, что в эти пятнадцать дней произошло благоприобретенное восстановление сил. Эти дни отдыха выполнили свою роль, оснований медлить больше не было.

Манфред тоже нервничал и тревожился.

Он хорошо понимал, что отряду командос пора выступать. Но что случится тогда с деревнями и населением? Партизаны наверняка оставили шпионов (он невольно улыбнулся), которые предупредят об отбытии егерей. Необходимо было, по его мнению, опасаться двух вещей: во-первых, того, чтобы партизаны не укрепились здесь снова; во-вторых, того, чтобы они не занялись казнями и репрессиями.

От Ханса Фертера пришло обнадеживающее сообщение. На смену командос, которых ожидали важные дела на другом берегу Десны, выступила рота пехоты.

В деревне последний вечер был меланхоличным. Даже Эрнст и Людвиг не стали досаждать своим здоровенным крестьянкам.

А Манфред и Женя занимались любовью с особым неистовством.

К девяти часам утра часовые оповестили о прибытии пехотной роты.

Рядом с Клаусом и Хайнцем остановилась бронемашина, и перед удивленными взорами двух офицеров предстал капитан в прекрасной шинели с меховым воротником, который поздоровался с ними военным приветствием. Чисто выбритый, без единой складки на мундире и хотя бы пятнышка на блестящих сапогах, он выступал перед ними в несколько комичной в этих условиях роли доблестного воина.

— Дорогие друзья, я хочу сказать вам кое-что: этот сектор будет самым спокойным на всем протяжении фронта. Эти так называемые «партизаны» не более чем вульгарные воры. Им достаточно погрозить кулаком, чтобы они сгнули надолго.

Клаус не ответил и передал капитану карту сектора, на которой тщательно обозначил пути следования дозоров, все осмотренные деревни и хутора.

Он собирался дать несколько дополнительных пояснений, но собеседник прервал его:

— Не хочу вас обидеть, дружок, но каждый из методов, и, я думаю, ваш метод тоже, откровенно говоря, ортодоксален. Мне нужно закрепить то, что вы до сих пор достигли. И кстати, — добавил он после короткой паузы, — как насчет расквартирования?

Хайнц указал неопределенным и брезгливым жестом в направлении изб. Клаус пожал плечами и ответил сухо, что они привыкли ночевать в сараях.

В некотором замешательстве офицер заявил, что намерен немедленно собрать всю деревню, чтобы объявить о новом хозяине. Он быстро расстался с Хайнцем и Клаусом, чтобы отдать распоряжения. Манфред находился рядом во время этой короткой беседы и наблюдал за солдатами, которые передвигались будто у казарм Потсдама в воскресное утро!

Затем жители деревни вышли из домов и столпились на пустом пространстве, освобожденном для них солдатами.

На мгновение Клаус пожелал всем сердцем объявления часовыми тревоги, чтобы прекратилась наконец эта глупая комедия. Его желание тотчас осуществилось. Прозвучал взрыв, и в ту же секунду солдаты залегли, а крестьяне вернулись по домам. Что касается офицера, то он исчез с такой быстротой, будто, как показалось Манфреду, испарился.

Виной всему, естественно, был один из братьев Ленгсфельд. Пехотный унтер, заметив его трехдневную щетину, заставил его стоять навтыжку с руками по швам, а затем отжаться на руках двадцать пять раз. Вольфганг, переполненный яростью, смотрел на унтера и взорвал одну из своих маленьких коробок с взрывчаткой в пяти метрах от собственных ног.

Его брат между тем поспешил предупредить Клауса, кто устроил инцидент... как вдруг соизволил появиться гордый офицер.

Егеря построились по взводам для выступления из деревни. Им решительно нечего было делать в деревне Миликонец, и каждый из них смутно чувствовал, что вся эта неразбериха устроена для того, чтобы он скорее убрался отсюда.

Они прошли через лагерь, брошенный партизанами. Никто из них сюда не возвращался. Коммандос использовали для собственного обустройства то, что осталось от землянки, подорванной гранатой.

С наступлением ночи егеря добрались до селения Ревны.

Клаус, Манфред, Хайнц и Гюнтер застали Ханса Фертера за обедом. Тот передал им сначала комплименты Генштаба, сообщил последние новости с фронта, затем предложил им девочек, что было охотно принято.

Глава 4

СТАЯ

Яковлев и его люди устроились в своем старом лагере на другом берегу Десны. За зиму землянки обветшали, для их восстановления потребовались топоры и лопаты. Дозорная служба вновь обеспечила связь с соседними деревнями, вербовку новых партизан и постоянный контроль за работой подпольных партийных ячеек, которые добывали для Гайкина важную, по его мнению, разведывательную информацию.

Люди чувствовали себя несколько дезориентированными и сбитыми с толку. Приход Мити принес им некоторое облегчение. В новой форме, как настоящий солдат Красной армии, он к тому же с гордостью объявил, что принес важные новости.

Это произвело впечатление.

Мартовская встреча под Черниговом собрала военных и политических руководителей партизанских отрядов, действовавших в Белоруссии (в районе на стыке Белорусской ССР (Гомельская область), РСФСР (Брянская область) и Украинской ССР (Черниговская и Сумская области). — *Ред.*). По согласованию с московским ЦК были приняты масштабные решения по восстановлению военной и гражданской власти Советов в освобожденных партизанами деревнях и селах и по организации подпольной деятельности в оккупированных городах. Договорились о целой серии боевых операций. Партизаны должны были получить в качестве усиления большое количество армейских па-

рашютистов, технических средств и специально обученных солдат.

К отряду Яковлева добавили еще четыреста человек, которые присоединились к партизанам его отряда в течение зимы. Яковлев остался комиссаром этого нового отряда, который перешел под командование старого кадрового офицера Мясенко.

Яковлеву недолго пришлось ждать новых товарищей. Люди прибыли хорошо экипированные, основательно нагруженные боеприпасами и продовольствием, в сопровождении группы связи. Их дисциплинированность и вооружение произвели на Яковлева и Ковалева самое благоприятное впечатление.

Командир Мясенко оказался крупным мужчиной, немолодым, с очень широким лицом. Маленькие круглые глазки и огромная физиономия напоминали карикатуру из журнала «Крокодил». Но этот великан отличался поразительной быстротой реакции и сообразительностью. Он был подвержен одной-единственной слабости: войне. Мясенко был также нетерпелив и через полчаса после прибытия приказал собраться на совещание всем командирам взводов и их заместителям по политчасти.

Он говорил прямо: через три дня партизаны должны организовать нападение на Красный Рог, где дислоцирован немецкий гарнизон численностью в триста—триста пятьдесят человек. Нападение должно быть успешным, и он рассчитывает на то, что каждый сделает все, что в его силах, и в первую очередь коммунисты. Для лучшего усвоения плана нападения Мясенко соорудил что-то вроде макета этого небольшого городка.

Строго говоря, Красный Рог не был особо важным населенным пунктом (это была также станция на важнейшей железной дороге на участке Гомель—Брянск. — *Ред.*), но немцы построили там радиопеленгаторную станцию, которая ретранслировала письма с фронта и в особенности сильно затрудняла

радиосвязь между партизанскими отрядами и Большой землей (так именовалась не оккупированная немцами территория СССР).

Городок располагался среди льняных полей, примерно в тридцати километрах по прямой линии от Почепа (также станция на вышеупомянутом участке железной дороги. — *Ред.*). Он вытянулся к северу в сторону небольшого холма, четырех опорных пунктов — долговременных оборонительных позиций, одно из которых, особенно важное, было сооружено на гребне этого холма.

План Мясенко был прост, но требовал безукоризненной координации действий всех партизанских отрядов.

В течение более двух месяцев партизаны, готовившиеся выполнить приказ на атаку Красного Рога, получили массу ценной информации: о конкретном времени смены караулов и их составе; о маршрутах следования дозорных; расположении пулеметных гнезд, артиллерийских позиций, складах боеприпасов. Им поставлялись сведения о расположении различных КП; о домах, занятых противником; именах офицеров. Информация шла от партизан, устроившихся в силы местной вспомогательной полиции, чтобы выявить особенности каждой оборонительной позиции изнутри. Мясенко также знал, что опорный пункт на севере поддерживал радиосвязь со штаб-квартирой в городе по два часа днем и ночью.

Ключ к успеху наступательной операции состоял в быстром захвате этой позиции немцев после очередного сеанса радиосвязи с тем, чтобы позволить партизанам располагать временем для проведения двух других необходимых операций: снятия часовых трех других опорных пунктов, которые прикрывали город, и, главное, закладки мин на обратном склоне северного опорного пункта. На все это отводилось примерно девяносто минут. Нападение должно было осу-

шествляться с запада, юга и востока. Важно было, однако, чтобы партизаны захватили северный форт бесшумно.

Фактически Мясенко рассчитывал воспользоваться тем, что войска гарнизона в течение зимы расслабились и привыкли к спокойной обстановке. Вместо того чтобы сражаться, жертвуя собой, фашисты, как предполагалось, будут пытаться отступить по единственному пути, который им казался безопасным, к холму, и, продвигаясь таким образом, попадут на минное поле. Тем более что советские партизаны будут подавать немцам из захваченного северного укрепления ложные сигналы.

Сам Мясенко должен будет командовать лобовой атакой. Яковлев и Терентьев займут фланги, а Ковалев возьмет на себя ответственность за захват северного опорного пункта.

Затем каждый командир отряда, каждый партизан отработывал в течение нескольких часов на макете маневры, которые должно было совершать его подразделение, и повторял их много раз.

Рядом всегда находился Мясенко, объясняя партизанам без задержки многочисленные подробности: вот заброшенный дом, но этому нельзя доверять, он может быть заминированным. Вот глухой забор: он поможет укрыться. Ночью, когда вы будете атаковать южное укрепление, там будет грязная немецкая свинья по имени Шпренгер, Эмиль Шпренгер. Он изнасилвал мать из семьи коммунистов в Брянске.

Мясенко умело возбуждал боевой дух партизан рассказами подобного рода, реальными или вымышленными. Это уже не имело значения. Если немец виновен, то это некому засвидетельствовать, это еще один солдат, который насиловал, убивал и жег. (К сожалению, выдумывать не было необходимости. Зверства немецких оккупантов и их пособников не знали границ. Обычным делом было сожжение заживо в запертых са-

раях, забивание колодцев убитыми (и еще живыми) малолетними детьми, не говоря уже об обычной практике оккупантов (виселицы, расстрелы, насилия). — *Ред.*)

Все радиоустановки немцев следовало уничтожить посредством взрывчатки: за это была ответственна особая группа подрывников. Каждый партизан должен был собрать оружие и боеприпасы в количестве, которое способен унести.

Что касается гражданских лиц, то их следовало предупредить о штурме партизанами домов, за исключением предателей, которых надо было ликвидировать. Когда речь зашла о возможных немецких пленных, Мясенко безнадежно махнул рукой: это не хотелось обсуждать.

Обрадованный предстоящим боем, Ковалев решил помыться и побриться. Он любил и уважал Яковлева, но такого, как их новый командир, у них еще не было. Ковалев вспомнил трактор, который он водил день за днем на полях у селения Воржны. Возможно, он и был силен в своей профессии, но только на войне почувствовал себя настоящим человеком. Стреляющий пулемет был столь же горяч и подвижен, как женщина. А мина напоминала маленького зверька, который прячется в земле. Старикам, которые прожужжали ему уши своими рассказами о революции и Гражданской войне, пришлось сейчас замолкнуть. Конечно, прошлое лето (когда происходило немецкое наступление) не радовало, и он в глубине души иногда испытывал страх. Но как справедливо говорил Яковлев, «впереди богатый урожай».

Ханс Фертер, находившийся в Ревнах, был огорчен. Один из партизанских отрядов вдруг сорвался с места, и он не обнаружил его следов. Ни один из его агентов не доложил ему об этом, несмотря на настойчивые требования.

Фертер знал, что в последнее время состоялось важное совещание командиров партизан, и, соответственно, его разведывательной сети необходимо было усилить наблюдение: это совещание неизбежно должно было привести к новым боевым операциям партизан, сведения о которых ему надо попытаться добыть. Следовательно, это было не время для неэффективных действий его агентов.

Что касается егерей, то они собрались переправляться на другой берег Десны.

Различные опорные пункты немцев во всем районе регулярно сообщали о стычках, терактах, нападениях на колонны и эшелоны. Исключением был Красный Рог, где обстановка оставалась спокойной.

Поэтому Ханс Фертер определил маршрут движения командос, в зависимости от значимости и частоты вооруженных столкновений, по локализованным партизанским зонам.

Приказы, полученные Клаусом, были формального характера: ему следовало больше внимания уделять разведке, нежели боевым операциям. Он должен был избегать серьезных боев и обращаться за помощью в гарнизоны опорных пунктов, если приходилось ввязываться в бой.

Настроение Ханса Фертера ухудшалось. Он оценивал обстановку лучше, чем кто-либо еще: в тылу, за линией фронта, разверзлась пропасть, которая медленно поглощала людские и материальные ресурсы. А те чины из Генштаба, которые морочили ему голову своим летним наступлением! На каждого пехотинца требовалось пять солдат для обеспечения его безопасности. (У немцев вплоть до конца войны оставались раздутыми службы обеспечения в ущерб подразделениям, непосредственно ведущим бой (наступательный или в обороне). — *Ред.*) А отправка необходимого продовольствия и боеприпасов!.. Обстановка на железной и шоссейной дорогах превратилась в кошмар. С этим

пуповиной была связана боевая жизнь немецкой армии. Каждый прошедший день заставлял Фертера чувствовать непрочность ее положения: как артерии, медленно забиваемые тромбами, дороги мало-помалу выводились партизанами из строя.

Он оценивал количество партизан, действовавших в этом секторе Белоруссии (уже говорилось: на стыке БССР, РСФСР и УССР. В данном случае Брянской области РСФСР. — *Ред.*), в десять тысяч человек: оснащенных, организованных, с семьями, живущими в районе, где они воюют. Психологически это палка о двух концах: близость семей помогала партизанам лучше сражаться, воодушевляясь тем, кого и что они защищают. Но в случае репрессий против гражданского населения они рисковали поставить свои семьи в более уязвимое положение.

И именно в эту «пропасть» Ханс отправлял Клауса и его солдат.

Последние были рады покинуть Ревны, где в результате нескольких инцидентов они поссорились с местными властями. Те, привыкшие к вольной жизни, плохо воспринимали обычные эксцессы военного времени, и Клаус был вынужден ладить с ними во время расквартирования из опасения более серьезных конфликтов. Ха-Йот, в частности, решил взорвать комнату одного фельдфебеля, который увел у него девушку. Карл Вернер и его лесорубы, все люди вполне спокойные, тем не менее серьезно избили патруль.

Коммандос ушли в полночь, по своему обыкновению, в гражданской одежде. На другом берегу реки нужно было позаботиться о приобретении (реквизиции. — *Ред.*) лошадей и телег.

На рассвете 13 апреля 1942 года Клаус и его команда переправились на другой берег Десны.

Чуть раньше Мясенко отдал приказ о выступлении отряда Ковалева. Путь разным подразделениям прокладывали разведчики.

Для Красного Рога это был такой же день, как и все остальные.

В двадцать один час Ковалев с отрядом увидели гребень холма с немецкой укрепленной позицией и антенной. Оставался час для того, чтобы блокировать этот опорный пункт, поскольку атака не могла начаться до сеанса радиосвязи в двадцать два часа. Двигаясь крадучись между деревьями и кустами, сливаясь с рельефом местности, партизаны смогли за сорок минут окружить опорный пункт немцев и добраться до часовых.

Без двух минут десять обычно происходила смена караула. Ковалев с двумя партизанами подползли к обреченным немецким солдатам, еще не привыкшим к ночной темноте и ее звукам, и сняли часовых кинжалами.

В самом опорном пункте двое русских из состава вспомогательной полиции — это были люди Мясенко — ожидали прихода своих товарищей, перед тем как открыть им входные ворота. Во внутренней части опорного пункта имелись два больших помещения: одно использовалось под столовую и казарму, другое — под радиостудию.

Ровно в двадцать два часа семь минут один из партизан на две минуты вырубил электричество. Когда свет погас, партизаны легли на пол и открыли огонь, в то время как Ковалев поднялся с двумя партизанами на крышу и ликвидировал пулеметный расчет. Двое русских из вспомогательной полиции и партизан, который говорил по-немецки, остались возле радио и телефона, собрали оружие убитых немецких солдат. Ковалев и другие партизаны пошли минировать склон холма. До начала атаки оставалось сто десять минут.

Мясенко, Яковлев и Терентьев со своими людьми выдвинулись с целью сближения с противником без всяких затруднений. В течение нескольких недель этот

район оставался спокойным, и немцы, полагаясь на это спокойствие, фактически не осуществляли полноценного патрулирования.

Партизаны, укрывшиеся у Красного Рога, терпеливо выжидали.

Группа, которая должна была ликвидировать часовых, находилась на месте: на одного часового приходилось по двое русских с ножом или топором. Одному молодому коммунисту из Минска поручили ликвидировать Эмиля Шпренгера. То, что рассказал Мясенко о немецком часовом, вызвало столько злобы у этого парня, что он чуть не опоздал со своим ударом. Он хотел, чтобы у Шпренгера было время как следует прочувствовать свою смерть. И вместо того чтобы быстро ударить часового ножом, молодой коммунист набросил часовому на шею большой кожаный ремень и стал медленно затягивать его. Но когда прошло первое мгновение замешательства от неожиданного нападения, гигант Шпренгер освободился от нападавшего одним сильным рывком. К счастью для нападавших, второй партизан заметил опасность и рубанул немца по голове топором.

Затем с трех сторон и сразу партизаны бросились на штурм.

Ночь меняла свои цвета и очертания, когда вспыхнули первые пожары.

Разбившись по пятеркам, партизаны растекались по улицам и вели огонь по каждой двери, каждому окну, где происходило какое-то шевеление, по каждой тени. Позади ударных отрядов устанавливались пулеметы, тогда как минометы брали на прицел радиостанцию.

Северное укрепление на холме оставалось мрачным и молчаливым. Один немецкий младший лейтенант приказал выдвинуть на боевую позицию противотанковое орудие, которое простреливало главную улицу. Партизаны были вынуждены прекратить про-

движение до тех пор, пока один из них не заметил грузовик с бочками горючего. Он сел в него, повел на немецкую огневую позицию и, прижав акселератор камнем, выпрыгнул из кабины как раз перед самым взрывом. Одна из бочек свалилась прямо на орудие.

Партизаны снова повели наступление.

В большинстве домов было два входа. В то время как на некоторых улицах скрывавшиеся во дворах партизаны бросали гранаты, их товарищи следили за бегством оккупантов и уничтожали их пулеметными очередями.

— Внезапность, — рычал Мясенко, — внезапность — это движущая сила войны.

Блестя от пота, с непокрытой головой, он торопил своих партизан, нимало не беспокоясь об опасности, которой подвергался. Некоторое время назад ему тоже пришлось, как этим немцам, позорно бежать ночью из маленького городка у польской границы.

Один партизан бросил на крышу дома справа, где находилось пулеметное гнездо, связку гранат. Раздался взрыв.

В одном из дворов немецкий и русский солдаты, без оружия, лихорадочно искали камень или оглоблю, чтобы продолжить схватку.

Немцы отступали шаг за шагом к радиостанции, которую продолжали обстреливать минометы. Полковник, командовавший гарнизоном, естественно, запросил подкрепления, но было маловероятно, что они придут вовремя. В большом замешательстве он отдал приказ отходить малыми группами к безмолвному холму.

Теперь жители городка присоединились к партизанам, они собирали оружие погибших немецких солдат. О том, что их городок разрушают, зачастую бессмысленно, они даже не думали. Они тоже хотели разделить с партизанами боевую славу. Один партизан на-

грузил телегу взрывчаткой и погнал лошадь, которая, обезумев от грохота и выстрелов, понеслась вправо и остановилась, когда телега ударилась об угол здания радиостанции. Для окончательного штурма Мясенко приготовил бутылки с зажигательной смесью. Так как время теперь играло против него, с наступлением рассвета он должен был находиться далеко от Красного Рога.

Ковалев кусал ногти, видя городок в сполохах огня. Он вглядывался в темноту, скрывавшую ловушку, которую приготовил. Вскоре первая группа немцев напоролась на минное поле.

В тот момент, когда думаешь, что избежал опасности, становишься наиболее уязвимым. Удаляясь в обнадеживающую тьму, немцы ступали на землю, которая взрывалась под их ногами. Обезумевшие, не зная, куда бежать, солдаты, миновавшие мины, попадали под безжалостный огонь автоматов и пулеметов отряда Ковалева.

Но Терентьев, командовавший атакой на город с западной стороны, недостаточно перекрыл свой сектор. Оставался узкий свободный проход, который немецкий полковник быстро обнаружил. Он собрал людей, чтобы провести их через этот проход, и одна группа из состава гарнизона — очень незначительная — смогла прорваться в лес.

В городе разыгрывался поразительный спектакль. Его жители довольно долго занимались трупами немецких солдат. Группа подрывников взорвала радиостанцию. Повесили нескольких предателей.

Мясенко начал беспокоиться об отходе. Хотя ему и нравилась стихийная реакция жителей на появление партизан, он был достаточно умен, чтобы понять, что она вызвана большей частью сложившейся в ходе боя обстановкой. В лихорадке подобного рода самозабвение делает мирных граждан и маньяков героями или заставляет завидовать им. Но начинало светать, и жизнь

брала свое. С рассветом прибывали немецкие подкрепления.

Мясенко не мог заботиться о лишних ртах: поэтому ему пришлось предоставить мирных жителей их собственной судьбе.

Убедившись в надлежащем выполнении акций по разрушению, он приказал отступить.

Сильно нагрузив себя, унося своих убитых и раненых, прихватив оружие и боеприпасы, партизаны отправились лесной дорогой, оставив Красный Рог и его жителей на произвол судьбы. Некоторые из жителей присоединились к партизанской колонне.

Почти в полночь Клаус и его команда были подняты по тревоге Фертером. Но Красный Рог находился в двадцати километрах от их расположения, и в любом случае было маловероятно, чтобы двадцать четыре человека могли серьезно изменить характер боя. Представлялось гораздо более важным организовать охоту на партизан.

Им потребовалось четыре часа, чтобы добраться до городка, который пылал в первых лучах рассвета. Карл Вернер забил тревогу: к ним не без шума приближался какой-то отряд. Коммандос рассредоточились в одно мгновение, спрятавшись за деревьями, кустами, в кучах листьев. Этот шум спас от полного уничтожения в иной обстановке колонну немцев. Все еще не раскрывая себя, Клаус окликнул отряд немцев с целью опознания и спросил, кто они такие. Полковник в одиночку выступил из девственного леса и увидел, как его один за другим окружают люди.

Из Красного Рога смогли уйти тридцать девять солдат и офицеров из трехсот тридцати семи человек, составлявших гарнизон.

Гюнтер взял на себя оказание первой помощи раненым, в то время как полковник рассказывал Клаусу

и Хайнцу, как происходило нападение. Хайнц протянул полковнику свой блокнот, чтобы тот начертил ему план городка.

Немецкие подкрепления должны были вскоре прибыть, и для полковника и его людей безопаснее было бы ожидать их здесь. Впрочем, Клаус не настаивал.

Что касается командос, то они должны были продолжать охоту. После изучения плана, который начертил полковник, Хайнц предложил обойти город с севера. Отряд партизан, занимавший северный опорный пункт, не мог отступать иначе как этим путем, чтобы обойти минное поле.

В укреплении на холме Клаус обнаружил двадцать пять убитых немецких солдат без оружия и одежды. Один партизан-весельчак взял на себя труд заменить портрет Гитлера портретом Сталина. Предусмотрительный Эрнст Райхель снял его и сунул тайком в сумку: портрет может пригодиться.

Следы отступавшего отряда не обнаруживались в пределах двух-трех километров. Но Хайнц не обманывался: Ковалев должен был совершить этот обход, который позволял к тому же прикрыть большую часть партизан от нападения с северо-востока.

Не увидев Красный Рог, егеря без труда представили в своем воображении трупы немецких солдат, лежавших на разоренных и окровавленных улицах города. Они быстро двигались в душевном напряжении, как сбившаяся стая. Увидев хутор, они сделали короткую остановку, и, не обнаружив ничего подозрительного, пошли дальше, разбившись на небольшие группы. Хуторяне, заметив егерей, приняли их за вторую группу партизан и приветствовали их с большим энтузиазмом. Они не замечали своего промаха до того, как все егеря оказались среди них. Установилось невыносимое молчание, пока Хайнц не прервал его грубым голосом:

— Просто великолепно! Даю вам пять минут, чтобы определить направление, в котором ушли партизаны.

Хуторяне стали охать и шептаться.

Возможно, жители Красного Рога в такой обстановке и молчали бы. Но здесь, в этом небольшом затерянном хуторе, в пользу немцев действовал на короткое время закон джунглей. Староста поспешил указать требуемое направление и не посмел солгать относительно численности сил Ковалева.

Яростная охота возобновилась. Люди шли вперед с лицами перекошенными от напряжения, забыв о шуме, который производили. Перед одним крутым и лесистым холмом они не дали себе труда искать более легкую дорогу. Ругаясь, когда спотыкались о камни или когда ломались ногти, они выиграли несколько драгоценных минут у партизан.

За вершиной холма расстиралось широкое, под паром, поле, которое пересекала небольшая речка, вероятно приток Десны. Партизан следовало нагнать как раз перед речкой.

Теперь командос усилили внимание, строго соблюдали дистанцию друг от друга, держали оружие наготове. Что касается Ковалева, то он быстро продвигался к месту сбора, немного досадуя на отставание от графика движения. Но так же как и его партизаны, он не мог избежать соблазна рассказывать о разгроме немцев во всех деревнях, которые они проходили.

По обыкновению, егеря разделились на три группы: первая, увидев партизан, открыла огонь.

Речка находилась примерно в восьмистах метрах, когда немцы атаковали арьергард Ковалева.

Услышав первые очереди, Ковалев понял, что дело плохо. Мгновенно он нашел правильное решение: пожертвовать арьергардом и отступить к реке, избавившись по необходимости от всего того, что обременяло, и как можно скорее.

Яковлев повторял ему много раз, что отход не трусость, когда отряд не готов к бою.

Он сражался не на фронте, но участвовал в необычной войне, где дела и люди становятся важнее боя, может быть, героического, но бесполезного. После ночной нервотрепки партизаны ощущали усталость и оцепенение. Решение Ковалева избавляло их от страха. Это был бросок к реке.

У партизан арьергарда не было времени на раздумья: они стреляли столько, сколько могли, но без особого результата и были быстро окружены.

Другие егеря устремились к реке, спотыкаясь во время бега о брошенные вещи, стреляя по теням. В ходе преследования были убиты четверо партизан. Однако Ковалев, хотя и раненый, добрался с остальными товарищами до реки и бросился в ледяную воду. Из десяти окруженных партизан шестеро застрелились, четверых других допросил Густав Хальгер.

Они стояли с руками за головой, отвечая односложно. Один немец бил их по почкам прикладом. За ним последовали товарищи, но им помешал Хайнц.

Хальгер различал имена Мясенко, Яковлева, Ковалева. Но по общему согласию пленные значительно преувеличивали численность партизан.

Гюнтер с невозмутимым выражением лица наблюдал сцену и ожидал неизбежной развязки. Он внимательно изучал лица четверых русских. Кто из них не выдержит? Хайнц задавал себе тот же вопрос и остановил взгляд на худеньком парне, чья белизна кожи контрастировала с бронзовыми загорелыми лицами других партизан. Этот, конечно, долго не продержится, как остальные партизаны.

Унтер Байер подошел к одному из пленных, поставил его на колени и выстрелил в голову. Через мгновение Манфреду хотелось завывать. Одним толчком Байер вывел вперед другого партизана и снова выстрелил. В этот момент паренек с белой кожей закричал. Его последний товарищ хотел заставить его замолчать, но Хайнц тут же его пристрелил.

Допрос был очень краток. Трясущийся, запинаящийся партизан с очень белой кожей обещал указать немцам дорогу к лагерю. Хальгер говорил с ним спокойно, ободряюще. Конечно, этот тип побережет свою жизнь и послужит им проводником. Но спецгруппа не может атаковать в одиночку отряд партизан, сколь бы это ни было важно. Она дает только некоторые рекомендации, чтобы облегчить последующие боевые операции. Не понимая, что теряет последний шанс выжить, партизан указал Хальгеру нужные ориентиры.

Хайнц предложил парню сигарету, и, когда тот с наслаждением выпустил первый клубок дыма, Байер выстрелил ему в голову.

Теперь надо было срочно связаться с Хансом Фертером в Ревнах. Проведение сеанса радиосвязи заняло немало времени, и егеря воспользовались этим, чтобы перекусить.

Хайнц, Манфред и унтер Байер нанесли на свои карты с помощью Хальгера ориентиры, выданные партизаном перед смертью. Лагерь находился на расстоянии более чем сорока километров, посреди лесов в районе селения Любки.

Клаус объяснил Фертеру текущую обстановку и предложил двигаться к лагерю партизан по выявленным подходам. Но Фертер попросил его пройти сначала к Десне, где воздушная разведка обнаружила подозрительные перемещения. Только после этой рекогносцировки командос вернутся в лесной массив близ Любки, и за этим районом немецкие самолеты отныне будут постоянно наблюдать. Сам того не желая, Фертер помог егерям сохранить свои жизни.

Как только Ковалев встретился с Яковлевым и Мясенко и рассказал им о нападении немцев, командир заставил совершить обратный путь свой собственный отряд. Однако когда партизаны прибыли на равнину, то не обнаружили никого, кроме трупов товарищей.

Полагая, что немцы были не чем иным, как авангардом подкреплений, направленных в Красный Рог, разочарованные и обозленные партизаны вернулись ускоренным маршем в свой лагерь.

Как раз во время повторного возвращения к Десне командос, которых крестьяне приняли за группу партизан, решили играть до конца. Новости о разгроме Красного Рога уже достигли деревни, и егерям не составило никакого труда добыть лошадей. Клаус получил, таким образом, доказательство, что егеря могли бы передвигаться в дневное время в трудных условиях. Но им мешала одна проблема. Теперь надо было опасаться немецких самолетов! И он повернул в лес.

С наступлением ночи командос в первый раз встали лагерем на берегу Десны. Ночь была ясной, река серебристой и спокойной, и люди получили возможность немного отдохнуть.

Гюнтер, Клаус, Манфред и Хайнц укрылись в палатке, чтобы покурить в безмятежной обстановке. Разговор начал врач.

— Почему ты не пощадил несчастного парня? — спросил Гюнтер, повернувшись к Хайнцу.

— Пощадить?.. С чего бы это. Он предал своих и предаст точно так же и нас. Его жизнь не стоила ломаного гроша. Следовательно, можно допустить, что я выступил в роли судьи партизан, — добавил Хайнц. — Кроме того, вы искренне полагаете, что мы можем позволить себе жалость? Вы подумали о том, что один тяжелораненый солдат, которого пытаются спасти — просто из жалости, — может погубить весь отряд, потому что этот отряд станет менее подвижным и быстрым, следовательно, более уязвимым, что бессилие одного может погубить всех?

— Неужели мы обречены быть зверями?

— Мы живем почти как животные... Партизаны тоже... На этой войне не вставляют цветы в дула винтовок, против лесного пожара используют пожар.

— И как далеко мы зайдем в этом идиотском состязании?

— Вы смешны со своими добрыми чувствами, — продолжал Хайнц. — Теперь не время задавать такие вопросы. Они уместны до войны... в мирное время. На войне не остается ничего иного, кроме как умело воевать. Мало кто убивает ради самого убийства. Для этого всегда есть веские причины. Но война не время делать выбор между добром и злом.

Манфред неожиданно рассердился:

— Но протрите глаза, ради бога... Убивают, жгут, разрушают, потому что это война. Но люди разрушают этим самих себя. Как можно это забывать?

Клаус, слушавший до этого беседу, не вмешиваясь, положил руку Манфреду на плечо:

— Ты прав, у людей поразительная способность забывать. По окончании войны победитель не вспомнит о своем героизме и неудачах, об упущенных возможностях.

Фон Ритмар вдруг побледнел до крайности:

— Неправда... Все забыть невозможно... Я не могу забыть людей, которых убиваю.

Хайнц бросил на него озадаченный взгляд:

— Разве мы здесь не для этого... Нет?

— Я убивал людей выстрелом в голову, когда они были безоружны.

— Это случается не так часто... но такие вещи происходят, — сказал Хайнц, пожав плечами. — Что за люди это были?

— Коммунисты и евреи, которых гестапо согнало в Гомеле... Я убивал их десятками.

Все замолчали.

— Как ты впутался в эту историю?

— В начале войны меня направили в одно подразделение сил безопасности, айнзац-команду-4, в подчинение Отто Олендорфу. Он был человеком интеллигентным и культурным... В его активе многие тысячи смертей.

Гюнтер подавил рвотный позыв.

— Ты часто рассказываешь эту историю?

— Не часто... Но я чувствую себя виноватым и за умалчивание того, что убивал.

— Я достаточно хорошо знаю гестаповцев, чтобы понимать, что единственный способ отделаться от них — это покончить с собой... Но разве приемлема одиночная, бесполезная смерть?

— Не знаю.

Гюнтер подошел к Манфреду:

— Теперь тебе нужно сказать... Нас могут однажды осудить за эти казни, и следует понимать, что за эти преступления нам придется отвечать. И потом, мне кажется несправедливым, что ты остаешься единственным, кто не поддерживал то, что мы себе позволяли.

Манфред говорил долго, чувствуя вновь на себе взгляды — последние взгляды — людей, которые ожидали смерти. Желая избавиться от этих ночных кошмаров, он устало замечал, как все глубже погружается в воспоминания.

Хайнц и Клаус перебивали его несколько раз, требуя уточнений административного или специального характера, оправдываясь приказами, которые нужно выполнять.

Гюнтер мрачно спрашивал себя, что произойдет, если они проиграют войну.

С рассветом командос продолжили свой путь. Десну закрывала густая пелена тумана, и лишь ее отдельные разрывы позволяли видеть мрачные воды реки.

Клаус колебался. В таком тумане и пятьдесят партизан могли спокойно прогуливаться, особо не беспокоясь, что их кто-нибудь заметит. Все равно что ловить ветер сачком для бабочек. Подошел Карл Вернер:

— Если мы останемся здесь, то большой пользы не будет. Надо отойти от берега: вода усиливает слышимость.

Клаус согласился и сделал распоряжения: часть людей с автоматами и гранатами цепочкой следуют вдоль реки, а параллельно ей по другому берегу движутся остальные командос с тяжелым вооружением.

Пошли снова медленно и размеренно. Гюнтер, которому поручили уход за лошадьми, и следовавшие за ним в качестве телохранителей Людвиг и Райхель воображали себя на экскурсии.

Какой-то солдат чихнул.

В тот же момент сквозь шум воды послышалось бурчание, и туман прошили несколько автоматных очередей.

Клаус и Хайнц приказали людям залечь. С высокого берега начали бить ручные пулеметы. Что касается Рейнхардта, чье внезапное чихание спровоцировало весь этот шум, то он расхохотался как сумасшедший и шепнул Юргену, лежавшему рядом, что он в самом деле сыграл роль capitoлийского гуся (известное из истории Древнего Рима событие 390 (или 387) года до н. э. — *Ред.*).

Русские перестали стрелять, и Клаус воспользовался этим, чтобы отвести солдат от берегов реки. Ему ничего не оставалось делать, кроме как уповать на то, что солнце разгонит туман.

Через полчаса над Десной, казалось, поднялась золотая пыль, и река стала медленно открываться. Течение стало медленным и спокойным. С биноклями в руках Хайнц и Клаус искали следы присутствия партизан. Тщетно.

Командос продолжили движение параллельно реке, но более чем в тридцати метрах от нее, вдоль крутого берега, который обеспечивал хорошее наблюдение. Примерно в пяти километрах они увидели первую деревню. Дымились несколько печек. Солдаты снова рассредоточились.

В пятистах метрах открыл огонь русский пулемет. Ликвидировать его было не просто, поскольку партизаны установили его внутри одной из изб.

Хайнц собрал несколько егерей и предпринял обход. Это удалось легко. Но огонь пулемета задержал движение командос на десять минут, которые позволили партизанам переправиться через Десну и тихонько уйти. Из троих человек пулеметного расчета двое были убиты, третий получил тяжелое ранение.

Хайнц попросил помочь раненому Гюнтера, весьма удивленного такой снисходительностью. У раненого был двойной перелом ноги, он потерял сознание.

— Ах ты, нечестивец, — бормотал Гюнтер, глядя на Хайнца, — по-дружески предупреждаю тебя, что как только я стану выхаживать этого парня, то запрещу к нему прикасаться.

Хайнц спокойно улыбнулся.

— Валяй, валяй, — говорил он. — Благочестивая Флоренс Найтингейл (знаменитая английская медсестра (1820—1910). Организатор и руководитель отряда санитарок в период Крымской войны 1853—1856 годов. Создала систему подготовки младшего и среднего медперсонала в Англии. — *Ред.*)! Если я к тебе обратился, значит, согласен с тем, чтобы ты им занялся. И потом, это произведет на крестьян нужное впечатление... Но все же учти: твоя забота продлится не слишком долго.

Солдаты мобилизовали двух женщин, чтобы вскипятить горячую воду, а других собрали перед домом, где Гюнтер лечил партизана. Открыли дверь и окно дома.

Клаус выступил с короткой речью перед собравшимися людьми и попросил их похоронить двух русских пулеметчиков.

Смешавшись с толпой, Швайдерт и Хальгер выяснили то, что хотел знать Клаус. Партизаны, обнаруженные посредством чиха Рейнхардта, входят в состав

отряда, который, отступив к Брянску, укрылся в лесу близ селения Любки.

Гюнтер изготовил для ноги раненого что-то типа шины, наложил ее на переломы и заставил его принять снотворное.

К Гюнтеру присоединился Хайнц. Улыбаясь, они торжественно обменялись рукопожатиями.

Вечером командос были уже в пяти километрах к востоку от леса в урочище Любки.

Ханс Фертер во время радиосеанса сообщил им, что утром авиационная разведка наблюдала передвижение людей, что, кажется, свидетельствовало об оставлении Мясенко и Яковлевым лагеря и выступлении в направлении, противоположном тому, где находятся командос. Опасаясь подвоха, Ханс Фертер попросил егерей быть крайне осторожными. Разбившись на четыре взвода, командос возобновили движение, руководствуясь категоричным приказом ограничиваться прослушиванием и наблюдением.

Манфред и его группа обнаружили просеку, за которой, как им показалось, стоило понаблюдать. Самые ловкие егеря взобрались на деревья, другие укрылись за листвой и кустами. Началось долгое ожидание. Манфред думал о Жене и иконе святого. Он дал себе зарок, что когда-нибудь вернется в Миликонец.

К двум часам ночи в лес углубился отряд партизан численностью более пятидесяти человек.

Когда четыре взвода утром объединились, Клаус и Хайнц проанализировали ситуацию. Ночью было замечено десять групп. Недоумевая, Клаус не мог связать появление этих групп партизан с перемещениями, о которых сигнализировал Фертер. Этот лес все-таки не был бесконечным, как бездонная бочка Данаид! Если Мясенко и Яковлев решили его покинуть, значит, это место показалось им опасным. Почему другие группы — и многочисленные группы — приходят, чтобы в нем скрываться? Лес хранит какую-то тайну.

Клаус передал по радио свои соображения Фертеру и предложил остаться еще на одну ночь, понаблюдать. Потом, по своему обыкновению, он собрал командиров взводов для обсуждения этой проблемы. Густав Хальгер предложил походить здесь. Он хорошо говорил по-украински и, так как в лесу было много движения, резонно предположил, что партизаны могли не опознать их. Конечно, это было опасно, но не больше, чем другие предприятия.

Вечером Манфред и его взвод заняли место Хальгера, который вместе со своей командой вел наблюдение предыдущей ночью, а Хальгер, в свою очередь, удалился в лес.

Он выступил в удобное время, постоянно двигаясь параллельно просеке, потому что ему нужно было опередить дозорных партизан, а чтобы опередить, их надо было идентифицировать. Через час в нескольких метрах от него молча прошла группа людей. Он немного подождал и последовал за ней, предварительно убедившись, что другая группа не пасет его с тыла.

В ночной темноте прозвучал хриплый голос. Хальгер подался вперед, пытаясь опознать неизвестного. К счастью, дозорные и партизаны вступили в продолжительные переговоры, которые перемежались приветствиями с благополучным прибытием. Ну, это было бы нетрудно предвидеть, думал Хальгер, делая большой крюк и переходя внешние границы лагеря. Опасаясь, что имеется вторая полоса сторожевых постов, Хальгер продолжал маскироваться, ориентироваться в ходе продвижения на голоса партизан, которые находились впереди и которые, к счастью, переговаривались с часовыми. Попался отряд, который продвигался по команде и с большими предосторожностями. Хальгер задержался немного и сам пустился в путь. Голоса приветствовали вновь прибывших людей, которые растворялись в лесу. Хальгер насчитал до двухсот человек и пошел дальше. Он разминулся с не-

сколькими людьми, которые даже не обратили на него внимания, и вышел на небольшую поляну, где партизаны разжигали костер.

Он сел у дерева, закурил сигарету и стал ждать. Один старик, явно привлеченный сигаретой, подошел и присел рядом с ним. Хальгер протянул ему пачку курева и начал разговор.

— До чего же у меня болят ноги, — сказал он, указывая на свои старые валенки.

— Тебе нужно растереться ружейной смазкой. У меня тоже болели ноги, теперь бегаю, как кролик. Ты что здесь делаешь?

— Хочу повидаться с Ковалевым, — ответил Хальгер.

— Он наверняка скоро вернется. Его отряд выступает сегодня.

На всякий случай Хальгер спросил:

— А ты, когда ты выступаешь?

— Думаю, только послезавтра.

— И куда пойдешь?

— Обыкновенно: вылазка и назад.

Старик улыбнулся про себя и добавил:

— Ничего не скажешь, это ведь Мясенко и Яковлев... Они себе на уме. Что может быть веселее, когда над вами сверху кружатся фашистские самолеты. Конечно, они думают, что наш лес пуст, как выведенное яйцо.

Хальгер в свою очередь рассмеялся.

— И им приходится издали искать, где мы сейчас курим. Вот, — добавил он, — возьми пачку сигарет. Я же поплю немного в ожидании Ковалева.

Хальгер поднялся, отчаянно зевнул, показывая, что разговор закончен, и медленно удалился от старика.

Нужно было срочно возвращаться к своим. Теперь он знал дорогу. Заметил мимоходом, что партизаны начали работы по укреплению лагеря, и прикинул, что лагерь находится в десяти километрах от того места, где он входил в лес.

Увидев Хальгера, Манфред облегченно вздохнул.

Ханс Фертер ругался, как черт, когда Клаус сообщил ему добытую информацию. Он попросил командос продолжать наблюдение за лесом, выявить наилучшие пути подхода и беспокоить партизан короткими рейдами при их возвращении в лагерь или выходе из него.

В течение недели Клаус и его люди спали не более четырех часов в сутки. Столкновения имели место по всему району. Им пришлось вступать в бой около двадцати раз. Это были короткие стычки, которые привели к четырем ранениям в команде, включая Райхеля.

Командос должны были умерить свою активность и провести ночь в деревне, чтобы позволить Гюнтеру подлечить четверых раненых. К счастью, ранения не были серьезными, но они убавили огневую мощь отряда на четыре автомата. На восьмой день егеря совершили нападение на одну из партизанских колонн, которая вышла на операцию, задуманную Мясенко.

У немцев было преимущество во внезапности, но не в численности бойцов.

Партизаны развернулись в боевые порядки и предприняли в ответ обходные маневры. Райхель не мог привыкнуть к пулемету Рейнхардта. Гюнтер укрыл лошадей и с тревогой смотрел в сторону леса.

Клаус тоже наблюдал за поляной. Если подойдут другие партизаны, им несдобровать. Он приказал уходить. Прежде всего, унтеру Байеру, Гюнтеру, лошадям и раненым, затем Манфреду, потом Хайнцу. Он прикрывал их отход своим взводом.

Отход осуществлялся нелегко, поскольку партизаны попытались своими маневрами прижать их к лесу. Все тяжелое вооружение командос было использовано против отряда партизан в сотне метров для отсечения левого фланга русской цепи, и взводы егерей начали отступать.

Клаус и его люди попали в трудное положение и должны были яростно отбиваться, чтобы, в свою оче-

редь, оторваться от противника. Издали возникало впечатление, будто медленно перемещались клубы дыма, в то время как группы Хайнца и Манфреда прижимали своим огнём партизан к земле, чтобы избежать окружения.

Братья Ленгсфельд больше всего не любили отступления, когда слишком много стреляли над ухом. Они смотрели, качали головами и вели огонь из своих невероятных приспособлений — гранатометов. Истovo обнявшись, братья выстрелили перед собой десяток гранат и вместо того, чтобы побережться в бою, остались лежать, подперев головы руками и наблюдая. Серое облако медленно поднималось перед изумленным Клаусом, который видел, как два брата Ленгсфельд поздравили друг друга и, обрадованные, удрали.

Как раз в этот момент автоматная очередь сразила Юргена Эссена. Молодой танкист, худощавый и светловолосый, медленно падал, открыв рот для возгласа, который не мог выкрикнуть. Большой Мартин взвалил его на плечи, Рейнхардт подобрал их оружие, и все они быстро удалились. Итог был неутешительным: один убитый, пятеро раненых.

Сейчас важнее всего было остановиться в какой-нибудь деревне, какая попадется, чтобы позаботиться об уцелевших бойцах. Труп Юргена привязали к одной из лошадей, и командос двинулись дальше, держась настороже, с оружием в боевой готовности. Первая деревня, которую они встретили, состояла из восьми-девяти изб. В то время как егеря заняли позиции, Гюнтер и Клаус помогли поместить раненых в один из домов.

— Сколько времени тебе нужно? — спросил Клаус.

— Добрый час.

— Ладно. Я попробую раздобыть для твоих парней телегу или сани.

Ситуация складывалась не блестяще, потому что при девяти бойцах, выведенных из боя, и недостатке

боеприпасов командос не могли проводить новые нападения. Хайнц, нахмутив брови, внимательно изучал карту: путь на Ревны на сегодняшний день оказался перекрытым. Единственное убежище — и с наступлением ночи не следует медлить — это опорный пункт в семи километрах отсюда. Оставалось надеяться, что их не встретят минометным обстрелом, когда немцы заметят их отряд в штатской одежде. Решили немедленно связаться по радио.

Карл Вернер со своими лесорубами приготовил для раненых примитивные сани, и командос продолжили движение.

В Вяслове их ожидал офицер из опорного пункта, и после обмена опознавательными знаками они, изнуренные, вошли в поселок.

Здесь командовал старый капитан из резерва, выглядевший кротким и печальным. Он произвел очень скверное впечатление на Хайнца, который считал, что подобный тип наверняка останется в России. С могильной землей поверх его наград.

Солдаты бросали на командос пугливые взгляды. Грязные, оборванные, не бритые в течение пятнадцати дней, с потухшими глазами, егеря двигались, сохраняя настороженность и оружие в руках.

Раненых доставили в лазарет, где Гюнтер обнаружил другого врача, не осмелившегося оказать ему помощь. Тогда Гюнтер совершенно разделся, начал тщательно мылить руки и потребовал халат и перчатки. Затем подошел к операционному столу.

После этих трудных недель он на мгновение смутился, получив в свое распоряжение нужные медицинские инструменты. Он приступил к операции не спеша, почти с благоговением.

Что касается раненых егерей, то они тревожными взглядами следили за движениями Гюнтера. Они слепо доверяли врачу в смешных очках, и, когда увидели, что он сам готовится делать операцию, на их напря-

женных лицах засветились улыбки. Это было лучшей наградой для Гюнтера.

Между тем Клаус, Хайнц и унтер Байер совершили обход опорного пункта, в то время как старый офицер давал им пояснения о рубежах обороны. Клаус как можно мягче указал ему, что эта оборонительная система не выдержит и десяти минут натиска партизан. Если бы ему позволили, он внес бы в нее несколько полезных изменений.

Хайнца тяготили мысли о солдатах, заброшенных, как эти, в затерянный уголок и вынужденных сражаться методами, которые применялись в Франко-прусской войне 1870—1871 годов. Чины из Генштаба ничего не понимали и ничего не принимали. Хайнц полагал, что в священном для каждого солдата боевом уставе немецкой армии должен существовать раздел, посвященный обороне маленького города, раздел, которому надо было неукоснительно следовать, но не так, как здесь, где намечалось самоубийство в чистом виде.

Естественно, Клаус обратился за содействием к братьям Ленгсфельд, которые обещали вплотную заняться минированием. Потом, один за другим, были реорганизованы сторожевые посты, изменены секторы обстрела. Клаус держал при себе десять человек в качестве резерва поддержки. Остальные егеря рассредоточились по сторожевым постам.

Людвиг и Райхель занимались бизнесом — обменивали русские пистолеты на табак, алкоголь и мясо. Они задались целью приготовить роскошный ужин для сослуживцев. Манфред между тем устроил душ и обзавелся двумя парикмахерами. Люди казались ему сильно потрясенными, и эти обычные деяния лишь позволяли им расслабиться.

Большой Мартин, Рейнхардт и Карл Вейнер перенесли труп Юргена в один из домов и задумались над тем, что делать дальше.

— Кладбище на родине — не вопрос. Во-первых, Юрген очень не любил эту страну, а эти дикари могут выкопать его, когда мы дадим деру, — сказал большой Мартин.

Карл Вернер предложил все же совершить погребение в ближайшем лесу, в сухом месте, и на могиле не крест ставить, а посадить молодую березу.

Завернутое в палаточный холст тело Юргена, привязанное бечевкой к лошади, в сопровождении трех человек, шагавших вслед за Клаусом, было доставлено и захоронено на опушке леса. Карл Вернер поработал по крайней мере полчаса, чтобы посадить молодое сильное деревце, с которого он срезал несколько веток. Он пояснил, что дерево сажается не в сезон и надо ограничить его рост в течение первого года.

Во время ночного сеанса радиосвязи Ханс Фертер спросил, транспортабельны ли раненые. Если да, то на помощь командос в первой половине дня отправится войсковая колонна. Егерям было приказано прибыть в Ревны.

Ханс Фертер видел, что егеря возвращаются усталыми и беспокойными. Их головы покрывали черные полумаски, на изможденных лицах еще сохранялись едва заметные следы недавнего бритья. Они выглядели нервными, возбужденными и раздраженными. Фертер подумал, что пяти дней передышки недостаточно для восстановления их сил.

И все же у них только пять дней. Уже запланирована новая операция, и Фертер заранее знал, что ее встретят в штыки. Он позаботился о том, чтобы командос по возвращении были удобно обустроены и накормлены. Остальное от него не зависело.

Манфред, убедившись, что его люди размещены как следует, отправился в город. Он ходил бесцельно, со страстным желанием рвануть в Миликонец, кото-

рое сдерживалось глупой стыдливостью и опасением получить отказ со стороны Клауса, не понимающего его чувств. Ему хотелось убежать от войны в его старой крестьянской одежде, с непокрытой головой. Чья-то рука взяла его за рукав. Когда повернулся, перед ним стояла Женя, которая повела его к соседнему дому.

Старуха Усыгина восседала на старом стуле и встретила его набором оскорблений. Он бросился к старухе, поцеловал ей руку, за что снова был обруган, и подошел к Жене.

— Я ждала тебя, — пролепетала девушка.

— Как ты узнала, что я вернулся в Ревны?

Затем, видя, как изменяется выражение лица Жени, он сделал успокаивающий жест:

— Нет, пусть так... я не против... Очень рад тебя видеть.

Они начали разговаривать короткими бессвязными фразами, обращая особое внимание на вопросы, которые не следует ставить, и слова, которые не следует произносить. Старуха Усыгина подогрела самовар. Потом Манфред откланялся:

— Увидимся позже.

— Хорошо.

Направляясь в розовый дом Фертера, Манфред думал о том, что прибытие Жени не может остаться незамеченным. Он опасался, как бы кто-нибудь не опознал ее на улице или узнал о ее присутствии. Кроме того, он чувствовал себя в неудобном положении: насколько в деревне Миликонец он мог самостоятельно контролировать события, настолько здесь действия Жени, а также ее близких могли быть опасными. Он решил посоветоваться с Гюнтером и повернул назад, чтобы пойти в направлении лазарета.

Молодой врач спокойно его выслушал. Он заверил Манфреда, что Хайнц и Клаус уже знают о его романе в Миликонце, и посоветовал ему поговорить с ними.

Вечером в розовом доме отдыхали, если не веселились. Ханс Фертер собрал много записей песен из альбома Бранденбургских концертов. Его гости, насытившись и напившись, забывались.

Хайнц наблюдал за Манфредом, веселый и возбужденный вид которого заинтриговал его с начала вечера. Он не удивился, когда услышал от него о Жене.

— Может, она приехала только для встречи с тобой, — предположил Клаус с некоторым упреком.

— Возможно, — продолжил Хайнц, — но как она узнала о твоём приезде сюда? Ты говорил ей об этом?

— Нет, — ответил Манфред. — Я даже не касался таких вопросов. Думаю, она приехала в Ревны по приказу.

— Мы можем осторожно понаблюдать за ней, — сказал Ханс Фертер. — Но сомневаюсь, чтобы это дало эффект.

— И потом, важно, черт возьми, — вмешался Гюнтер, — что вы о ней знаете. Что касается остального, то Манфред достаточно разумен, чтобы встречаться с ней на свой страх и риск. Во всяком случае, он рискует жизнью меньше, чем в последние недели. Давай, старина, ступай, — добавил врач, подталкивая Манфреда к двери, — и возвращайся к нам целым и невредимым.

Четыре офицера смотрели, как уходит их товарищ, с некоторой завистью. Хайнц вместе с тем полагал, что Манфред шел навстречу многим неприятностям.

Женя и в самом деле прибыла из Миликонца в Ревны по приказу. Мясенко и Яковлев располагали теперь слишком многими доказательствами эффективности командос, чтобы не попытаться их выследить и уничтожить. Эти люди казались им гораздо более опасными, чем любое полицейское подразделение. Новый тип войны — вот что их породило. Гайкин быстро сообразил, что это были те самые люди, которых они вынудили уйти из Миликонца. Название деревни напомнило ему о Жене. Если кто-то и мог их опознать, то только

она. Мите поручили снова сходить в Ревны, куда, согласно добытой информации, периодически возвращались командос. Женя должна была выяснить, кто они, какова их численность, и сообщить партизанам, когда они покинут городок. Девушке поручили также разузнать о войсках, расквартированных в Ревнах, откуда поступали сигналы о прибытии каких-то подкреплений.

Через три дня Гюнтер и Клаус нанесли визит старухе Усыгиной. Жени и Манфреда там не было. Чтобы не тревожить старуху, оба офицера явились в гражданской одежде, захватив шоколад и бутылку водки. Они затеяли со старухой долгий оживленный разговор. Когда в дверь постучали, ни тот ни другой не обратили на это внимания. Вошли два парня плотного сложения и сняли фуражки с большими козырьками. Их пронзительный взгляд на старуху Усыгину встревожил Гюнтера, который поднялся со своего места.

— Ну, ребятки, идите. Я достаточно насмотрелась на вас сегодня. Теперь ступайте. — Она добавила более низким голосом: — И да здравствует Советский Союз, ребята!

Клаус с удивлением взглянул на Усыгину, и все понял. Немцы улыбнулись и протянули парням руки, чтобы проститься. Гюнтера поразило сходство одного из партизан с Клаусом. Он был таким же белокурым, дюжим, плотно сбитым. Немцы ушли не оглядываясь.

Старуха Усыгина боялась. Не за себя, потому что своей жизни ей было не жалко, но за четырех парней.

Ковалев, а это был именно он, сел рядом с ней.

— Было бы неплохо привлечь этих двух молодцов. Тебе нужно направить их к нам, мама.

Старуха приняла задумчивый вид.

— Да, это были бы отличные партизаны... но нужно подумать. Они уже заняты. Ну... теперь поговорим о наших делах.

Она резко дернула подлокотник кресла и открыла маленький тайник.

— Вот численность войск. Прибыли танки и должны двигаться к реке. Против вас готовится крупная операция. Имеется много грузовиков с антеннами. Женя поручила мне также передать вам детали для рации, может, они пригодятся. У меня также есть новые пропуска, они действуют с завтрашнего дня.

— А что с немцами, которые преследовали нас? Старуха сделала паузу...

— Они вернулись в Ревны. Думаю, вы их сильно побили... никто их не видел.

Потом снова сделала паузу.

— Их только пятьдесят человек... Но скажите Яковлеву, чтобы он был крайне осторожен, потому что фашисты готовят внезапный удар. Чуть не забыла: они недавно построили аэродром, недалеко отсюда. Он усиленно охраняется, но у нас там два своих человека. Вам надо было заняться им раньше, но теперь слишком поздно. Скажите также Яковлеву, чтобы он прислал сюда политкомиссара повыше уровнем. Дорого яичко к Христову дню, а мы остаемся иногда без новостей с Большой земли более недели.

Клаус и Гюнтер прогулялись назад в розовый дом, рассказав о своем приключении. Ни тот ни другой не сожалели о содеянном. В конце концов, их поступок был частью функций службы безопасности. Если это их город, они возьмутся за все. Когда они закончили свой рассказ, Ханс Фертер рассмеялся.

— Здесь следует задержать всех гражданских лиц. Так или иначе, они все сотрудничают с партизанами. Лучше всего позволить им действовать, но знать, что они замышляют, чтобы отвести удар. Мы не можем помешать им плести заговоры.

В тот вечер Манфред не понимал, почему его друзья уговорили его так много выпить. Он проснулся утром нездоровым, с тяжелой головой. Гюнтер, опасаясь неприятностей в результате встречи Манфреда с Женей, подсыпал тайком в его стакан водки снотворное.

Для командос эти несколько дней стали спасением. После ужасного пекла предыдущих боевых действий Большой Мартин и Рейнхардт помогли выздоровевшему Райхелю изготовить любопытные металлические изделия, которые можно было одинаково приспособить для устройства носилок, саней, треноги для пулемета и шалаша.

Карл Вернер и его лесорубы соорудили своими тонкими и проворными клинками деревянные приспособления для облегчения веса рюкзаков егерей. Потом, когда пришло лето, они делали ловушки для мелкой и крупной дичи.

Людвиг продолжал плодотворный обмен со службами снабжения, чтобы создать необходимый запас для командос. Он добивался «малого формата питания». Он также находил девушек и общался с ними так часто, что снова заболел гонореей.

Ха-Йот занялся миниатюризацией своей рации, которую считал слишком громоздкой и малопрактичной. При деятельной помощи унтера Байера и двух других приятелей он прибыл на танке в командный пункт одного танкового полка, дислоцированного в окрестностях Ревн, и стащил радиоустановку, в некоторых деталях которой нуждался. Ответственность за кражу звалили на партизан.

Что касается братьев Ленгсфельд, то они изготовили дымовые гранаты и весь день проводили испытания своих новых минных ловушек. Они взорвали несколько гранат, сильно напугав группу артиллеристов, располагавшихся неподалеку, которые бросались плашмя на землю при каждом взрыве. Но артиллеристы почтительно внимали, когда братья, серьезные, как римский папа, объясняли им, что они испытывают новое оружие.

В старой засаленной записной книжке они немедленно классифицировали свои наблюдения: могут взрываться под дождем, годятся для использования в

лесу, взрыв по высоте и ширине, использовать лишь в крайнем случае. Каждое изделие иллюстрировал чертеж, и они любили воображать себя непризнанными учеными.

Густав Хальгер весь день читал русские книги. Он нашел напарника в лице бывшего понтонера Пауля Швайдерта и обсуждал с ним советскую литературу и марксизм. Они встречали Женю с Манфредом, но никому ничего не говорили, довольные тем, что девушка выбрала такого необыкновенного парня.

В последний вечер перед выступлением офицеры вновь навестили Ханса Фертера, который должен был конкретизировать их новое задание.

Добытая в последние недели информация свидетельствовала о том, что весь район активно насыщался партизанами. Регулярная связь с Москвой по воздуху обеспечила их тяжелым вооружением, в котором они особенно нуждались. Штаб группы армий «Центр», встревоженный обострением этой проблемы, решил провести несколько крупных боевых операций. В них приняли участие несколько тысяч солдат с бронетехникой и артиллерией при поддержке авиации. Тактика была проста, даже очень проста: окружали определенный район, потом кольцо окружения медленно сжималось.

Как разъяснял Ханс Фертер, едва грузовики покидали место дислокации, как партизаны начинали передвижения, пользуясь уже подготовленными запасными базами. В сеть попадала, таким образом, лишь мелкая рыбешка. Единственная конкретная польза от операции на данный момент заключалась в том, что, пока партизанский отряд перемещался, он не мог осуществлять взрывы мостов и диверсии на железных дорогах. Кроме того, это, возможно, оказывало благотворное влияние на отношение населения.

Клаус заметил, приводя в пример лес урочища Любки, что использование бронетехники не даст результата. Нельзя допускать проникновения танков в

лес без прикрытия, разве что для заготовки дров. Танки могут служить, следовательно, лишь для оцепления. Находчивый боец может пролезть ночью между гусеницами танка так, что экипаж не заметит. Впрочем, это — не их дело...

В ходе операции командос будут осуществлять разведку для частей эсэсовской дивизии, которая должна оцепить это место.

Хайнц сразу забеспокоился. Они испугают дичь, но если солдаты, которым они указывают путь, будут недостаточно подготовлены для такой операции, то командос окажутся между молотом и наковальней.

Ханс Фертер, которого волновал отряд Мясенко и Яковлева, поинтересовался у офицеров, примет ли командир отряда бой или уклонится.

Для Хайнца ответ был ясен. Силы, по крайней мере, равны. Мясенко даст решительный ожесточенный бой, который обойдется дорого, потому что русские сражаются на своей земле и имеют преимущество. Потом отряд выйдет из боя.

Гюнтер поднял вопрос о промежуточной зоне, то есть о населении, оказавшемся в окружении.

Ханс Фертер воздел руки к небу. По его мнению, все зависело от офицеров.

В полночь они попрощались. Манфред, по обыкновению, исчез. Когда он покидал Женю рано утром, она поднялась, чтобы взять с кресла пакет и передать ему. Она спросила, вернется ли он вечером. Он ответил утвердительно.

Вернувшись в комнату, Манфред сорвал бумагу: это была икона с ликом святого, и он вдруг испугался смерти.

Глава 5

ПАРТИЗАНСКОЕ ЛЕТО

В августе 1942 года по приказу генерал-майора Краузена три полка, усиленные танковым взводом, зенитным полувзводом 815-й воздушной эскадрильи (пушки калибра 40 мм), моторизованным взводом связи, приготовились к одному из самых крупных сражений против партизан (штаб группы армий «Центр» планировал на этот период более тридцати операций).

Клаус Штюмме и его люди, несколько расстроенные тем, что попали в регулярную армию, без энтузиазма присоединились к полкам, которым они были приданы.

Кольцо окружения казалось надежным, за исключением двух районов: района реки Лососина со сравнительно крутыми берегами, позволявшими легко выбраться из окружения, и района к северу от леса урочища Любки, где передвижению немецких войск мешали болота.

Хайнц и Манфред со своими группами были приданы полку Линкмана с самого начала столкновений. В душе каждый егерь более или менее сожалел о расставании с товарищами. Коммандос действовали малыми группами, отдельно от войск, доходя до того, что отказывались принимать вместе со всеми пищу. Другие солдаты смотрели на них как на экзотических животных, ни на что не годных. Людвиг стащил для братьев Ленгсфельд то, что им не хватало — и о чем они дали ему знать, — запальные шнуры и брикеты

трута. Что касается комполка Линкмана, то он холодно разъяснял Хайнцу и Манфреду, что раз уж их подчиненные и они сами являются добровольцами, то он не откажется от использования их для всяких надобностей. И его недружелюбный вид заставлял Хайнца напрягаться.

Начало напоминало большие маневры. Вышестоящий штаб сотворил чудо, и между ротами распределили каждую деревню, каждую ближайшую дорогу. Но до леса урочища Любки было еще далеко...

Два взвода командос осуществляли впереди разведку, не рискуя появляться в деревнях. На третий день Манфред и Хайнц знали, что все пойдет не так, как надо. Следуя за наступающими войсками, подразделения полиции собирали всех людей в возрасте от четырнадцати до шестидесяти пяти лет и бесцеремонно отправляли их в тыл. «Для допросов», — соизволил пояснить офицер СД. Потом последовало несколько женщин, отправленных на неизвестно какие работы. По мере продвижения войсковой цепи деревни почти пустели, в поле никто не работал. Обнаружили пять совершенно разрушенных колодцев. Для преодоления первой небольшой речки понтонерам пришлось соорудить переправу, поскольку моста не было. Столкновение произошло, как всегда, самым непредвиденным образом. Становилось очень жарко, и солдаты, не привыкшие к столь продолжительным переходам с полным комплектом снаряжения за спиной, в том числе противогоазом, стремились несколько удлинить полуденный привал. Выходы под палящим солнцем сразу после полудня были медленными и беспорядочными. Когда в жаре раздались вой мин и пулеметные очереди, началась паника и давка. Партизаны, заняв глубоко эшелонированную оборону, сразу же вывели свою первую линию из-под ответного удара немцев. Несмотря на призывы Хайнца к сдержанности, комполка Линкман отдал приказ преследовать противни-

ка, и немецкая пехота напоролась на вторую линию обороны партизан. Русские снова отступили, не дожидаясь серьезного боя, и укрылись в безопасном месте, в то время как немецкая артиллерия посылала свои залпы, слишком запоздалые и в никуда.

Коммандос спокойно расположились в стороне. Как выразился Большой Мартин, «с идиотами можно схлопотать по шее ни за что».

Комполка Линкман вызвал Хайнца и Манфреда, согласившись перед лицом трагедии (его полк потерял двадцать пять человек убитыми и шестьдесят ранеными) спросить у них совета. Сохраняя, насколько возможно, спокойствие, Хайнц дал понять офицеру, что сейчас единственный выход состоит в том, чтобы продвигаться безостановочно вперед с целью войти в соприкосновение с партизанами, которые не успели скрыться. Войска левого и правого флангов следует уведомлять об этом продвижении так, чтобы не было разрыва в кольце окружения, необходимо также подтянуть, насколько возможно, танки и артиллерию.

Рекомендации Хайнца оправдались. В девять вечера коммандос — естественно, в авангарде войск — атаковали партизан. Бой был коротким. Хайнц управлял по радио огнем артиллерии, и немцы окружили и расстреляли практически в упор партизан, которые не успели выйти из боя.

Комполка весьма гордился успехом. Вечером — когда коммандос расположились под открытым небом — он продиктовал приказ на завтрашний день:

«В связи с усилением сопротивления, которое оказывают партизаны силам безопасности, становится очевидным, что полк вступил в зону, полностью контролируемую коммунистами. В соответствии с этим каждая деревня считается отныне мятежной и подлежит соответствующему обращению. Офицеры и унтер-офицеры получают необходимые распоряжения непосредственно».

Когда на завтрашнее утро возобновилось наступление, Хайнц с удивлением обнаружил, что командос передвигаются вместе с войсками: впереди не велось никакой разведки. Он сразу понял причину. Перед первой деревней артиллерия и тяжелое вооружение были выведены на огневые позиции и залпами боевых и зажигательных снарядов разрушали и поджигали дома. Что касается жителей, то, согласно расчетам комполка Линкмана, их не должно было существовать. Некоторые жители стали уходить до артобстрела, чего нельзя было предусмотреть, и их расстреливали за попытки к бегству.

Солдатам такие методы ведения войны нравились: в конце концов, работа выполнялась, и в этот день не было ни одного раненого, лишь одно растяжение связок на лодыжке.

Хайнц был взбешен.

— Тот или другой метод — мне все равно. В конце концов, это война... Но этот хмырь не отдает себе отчета в том, что мы теряем на этой фигне драгоценное время. Строго говоря, уничтожать дома и людей — пустая затея, потому что мы даем противнику время нащупать наши слабые места... И они аккуратно проскользнут между нами.

Манфред не ответил. Он думал о Жене. Думал также о том, что на войне действительно очень нелегко.

Ответный удар партизан не заставил себя долго ждать.

Продвижение бронемашин по дороге, пересекавшей реку, при выходе на мост было остановлено минометным огнем. Люди попрыгали с машины, чтобы залечь на обочине дороги. Она была заминирована: семеро погибших.

На отрезке в пять километров, который отделял Словны от Бродского, дорога была разворочена двенадцать раз. Роте понадобилось три часа, чтобы провести технику.

Телеграфисты занимались ремонтом на ходу, поскольку по мере продвижения войск телефонные линии оказывались перерезанными. Один солдат подошел к столбу, чтобы вскарабкаться на него, и все, кто его сопровождали, подорвались на mine.

Солдаты нервничали, стреляли на малейший подозрительный шум.

Усталость немцев, отсутствие достаточного сна и безопасности предоставляли партизанам большие возможности вырваться из окружения.

На одиннадцатый день показалась опушка леса урочища Любки. Комполка Линкман сомкнул ряды наступающих немцев и приказал командос разведать подступы. Хайнц предложил дожидаться ночи, но его доводы не убедили комполка.

Хайнц собрал своих людей. Задание было опасным, потому что партизаны оставались не на опушках, но больше всего в укрытиях, куда они скрытно перемещались. Хайнц особенно тревожился за солдат, которые двигались за егерями. Их нервозность, возбуждение представляли опасность для его группы.

К лесу продвигались медленно и в напряжении. Периодически вели пулеметный огонь, чтобы отвлечь внимание партизан на другие участки местности. По своему обыкновению, командос передвигались группами по три человека, расчетливо и крайне осторожно. С наступлением ночи добрались потихоньку до первых деревьев. Разведчик Вольфганг Ленгсфельд медленно полз, припоминая статью о йоге из журнала «Сигнал», из которой он вычитал, что дыхание поможет преодолеть любые неприятности. Он счел, что наступил подходящий момент для эксперимента, поскольку чувствовал тихий ужас. Он знал, что партизаны там и караулят его. Он чувствовал их всеми мышцами своего живота, тиком под глазом и болью в затылке. Прижался к сырой траве и попробовал дышать закрытым ртом. Думал, что задохнется. Сердце билось так сильно, что возникало

ощущение, будто он ничего не слышит, кроме этого глухого ритмичного стука. Он вытер потные руки о гимнастерку и продолжил ползти.

Заметив русских, он вздохнул с облегчением: наконец, ожидание кончилось. Теперь он мог что-то делать.

Партизаны показались, несколько человек: вероятно, дозор. Он сымитировал — вполне прилично — крик совы и повернул назад. Через пять минут рядом с ним появился Хайнц, все егеря были созваны на встречу.

Вырисовывался вполне определенный сценарий. Запускаются осветительные ракеты, которые всякий раз вызывают огонь противника. Огневые точки засекаются, и начинается свистопляска. На этот раз все проходило так, как предполагалось. Только огонь открыли немецкие солдаты позади егерей. По ним.

Не успел Манфред пустить опознавательные ракеты, как Ха-Йот связался по радио с ближайшим постом, в его группе оказались один убитый и двое раненых.

В этот раз — только в этот — Хайнц даже не проверил наличие тел убитых партизан.

Когда вновь установилась тишина, командос поползли назад и вернулись в расположение немецких войск. Егеря шли молча. Хайнц шагал во главе, расстегнув куртку на голой груди и неся в руках оружие погибшего и раненых.

Когда прибыли на первый опорный пункт, один солдат захотел помочь раненому. Он получил удар прикладом. В полном молчании командос направились в лазарет. Наблюдать уход за ранеными поручили Манфреду. Хайнц отправился на КП комполка Линкмана, который располагался теперь в первом эшелоне. Значит, думал Хайнц, он в курсе дела. Войдя в палатку, откуда командовали операцией, оказавшись среди этих безупречных блестящих офицеров, Хайнц бросил

на землю принесенное оружие. Воцарившееся молчание нарушил комполка:

— Bravo, голубчик, русское оружие, полагаю?

— Вглядитесь лучше... это оружие, которым ваши солдаты убивают моих. Ну, посмотрите лучше. Это хорошее оружие, за которым отлично ухаживали.

— Лейтенант Прост, потрудитесь вести себя как следует и доложите по форме.

Хайнц огляделся и увидел вокруг себя лишенные сочувствия, смеющиеся румяные лица. Он небрежно застегнул куртку и шелкнул каблуками.

— Лейтенант Прост. Вернулся с патрульной службы. Убитый и двое раненых выстрелами... с немецкой стороны.

— Лейтенант, до нового приказа вы находитесь под арестом, — гаркнул Линкман. — Уведите его с моего КП и посадите на гауптвахту.

Через десять минут об этом узнали все командос. Ха-Йот немедленно связался с Хансом Фертером, а тот, в свою очередь, предупредил Клауса Штюмме.

Ночью у Хайнца было много посетителей, его снабдили сигаретами и бутылкой вина, выкраденной из запасов Линкмана. Манфред с помощью Ха-Йота успокаивал людей, особенно братьев Ленгсфельд.

Рано утром Штюмме явился на КП Линкмана, и после бурной дискуссии Хайнц был освобожден, но на него был отправлен рапорт по инстанции.

Коммандос похоронили молодого парня из Майнца, отказавшись от помощи других солдат. К участию в траурной церемонии был допущен только пастор.

Когда Линкман с обычной напыщенностью сел в бронемашину, она проехала всего три метра. Затем задний мост машины с нелепым грохотом целиком рухнул на дорогу.

Полк Линкмана теперь служил наковальной, которой следовало оставаться на своих позициях, в то вре-

мя как кольцо окружения будет стягиваться. Следовательно, командос здесь делать было нечего.

Клаус забрал всех своих людей с собой.

На пятнадцатый день операции стало ясно, что большинству партизан удалось вырваться из ловушки. В этом районе оставили батальон пехоты, остальные войска вернулись к местам дислокации.

На обратном пути Клаус получил необычную депешу от Ханса Фертера. Его попросили подождать со своими егерями в трех километрах от городка Ревны вестового, который доставит ему очень важное письмо. Прибыв в условленное место, Клаус действительно обнаружил огромного шваба с круглой головой, беззаветно преданного Фертеру, с кратким посланием.

«Три сотрудника гестапо ожидают вашего возвращения, чтобы арестовать радиста Ха-Йота. Каково бы решение ни было вами выбрано, гарантирую свою помощь».

Клаус вызвал Хайнца, Манфреда и Гюнтера, показав им письмо. Затем попросили прийти Ха-Йота.

Маленький радист побелел как полотно.

— Я знал, что все этим кончится. Но могу вам сказать, что я никогда не занимался политикой, потому что мне на нее наплевать. Разумеется, я знал, что мой отец коммунист, но все равно не осуждал его, нет... Что теперь делать? Я подчинюсь вам, господин капитан.

— Сейчас ты закроешь свой рот и никому не будешь рассказывать эту историю. И позовешь ко мне братьев Ленгсфельд.

Четыре офицера посовещались еще немного и решили, что Клаус, Хайнц, унтер Байер и братья Ленгсфельд поедут в Ревны. Остальные егеря будут ожидать их возвращения.

Сотрудники гестапо остановились у Фертера, единственной связи командос. Вот почему Клаус с Хайнцем заявили именно к нему. Они засвидетельствовали свое уважение и понимание.

— Вы знаете, конечно, — сказал Клаус, — что, как командир одного из подразделений роты, я несу ответственность за жизнь и смерть моих подчиненных. Не скажете ли мне, в чем провинился мой радист?

— Вопрос простой, вы знаете. Его отец уже в концентрационном лагере, и было бы неправильно позволить сыну этого подлого коммуниста смяться.

— У вас есть против него реальные улики?

Один из гестаповцев похлопал рукой по папке и сказал насмешливо:

— Пока немного. Но будьте спокойны, после допроса досье станет полным.

— Да, конечно... Беда в том, что наша группа находится за городом. Но мы приведем его к вам. Пока же можно выпить.

И Клаус вытащил из кармана бутылку водки.

Фертер пошел за кружками, не переставая внимательно наблюдать за гостями. Разговор упростился. Говорили о войне, Берлине, женщинах. Клаус и Хайнц, казалось, не торопились, угощали русскими папиросами. Потом в дверь постучали, и явился унтер Байер, впервые надевший форму СС. Он молодецевато щелкнул каблуками и объявил, что командос надо возвращаться в расположение своей части.

Клаус и Хайнц поднялись, уже спокойные.

— Если хотите пойти с нами... Кажется, это ваш «мерседес» стоит у двери. Мы покажем вам дорогу.

Братья Ленгсфельд открыли дверцы автомобиля (где они его нашли, спрашивал себя Хайнц). Гестаповцы влезли в свою собственную машину, и два транспортных средства поехали по дороге, выходящей из Ревен. Через два километра раздался взрыв. Черный «мерседес» разлетелся на куски. Пятеро егерей выскочили, чтобы выяснить состояние взорвавшейся машины, и подобрали досье. Они оставили горящую машину, как раз то, что и требовалось, а унтер Байер, все еще в эсэсовской форме, дал сигнал поторопиться.

В тот же вечер начальник комендатуры послал в гестапо Минска уведомление, сообщив, что одна из машин ведомства была уничтожена в результате диверсии партизан. Все сотрудники гестапо погибли. Выполняя служебный долг, добавил он. Он также вернул несколько досье, которые смогли подобрать. Среди них найдено досье на Ха-Йота, в нижней части которого напечатана на машинке неразборчивая надпись: «Не имеет перспективы».

Братья Ленгсфельд заслужили право на получение тройной порции алкоголя, которую они поспешили обменять на новые противотанковые гранаты.

Эта скверная история случилась вовремя.

Если Ха-Йот выполнил приказ держать язык за зубами, то братья Ленгсфельд не могли удержаться от разъяснений своей мастерской проделки. И командос, сплотившись еще больше, охотно воображали, будто они создали свой особый мир с присущими ему законами.

Но операция по окружению — и гибель их товарища — оказала влияние на состояние умов людей. Они не хуже других понимали, ощущали кожей, что группе могло захватить стремление к слепому и разрушительному насилию: например, из-за гибели товарища. Тем не менее они не принимали — или принимали с трудом — беспричинные разрушения и убийства как систему. Если бы солдаты чувствовали кожей страх...

В течение месяца они яростно сражались на своей особой войне с противником, который стал наконец понятным. Устанавливались правила, человеческие правила. Если бы их поймали, то смерть была бы единственным выходом. Когда они сражались, ни танк, ни самолет не могли помочь им. Вечером они удалялись под защиту города. Им приходилось бо-

роться с холодом, голодом, усталостью, с самими собой, когда были подавлены и измотаны.

Мало-помалу Клаус и его команда кончили тем, что потеряли из вида конечную цель кампании и все больше вели войну в масштабах региона, в котором жили. Их мир ограничивался Десной, городком Ревны, лесными чащами... которые становились их постоянным местом обитания, их домом.

Гюнтер с беспокойством следил за психологической эволюцией группы, которая все больше и больше обособлялась, замыкалась в себе. Именно благодаря ему, и только ему, люди обретали себя. В изоляции они чувствовали себя уязвимыми и беззащитными.

Егеря приобрели привычку вспоминать девушек, с которыми они вступали в связь просто так, без проблем. Но едва к ним пытался приблизиться солдат другого подразделения, они свирепели. Когда почтальон раздавал письма, ни один из них не проявлял интереса к этому, и письма исчезали нераспечатанными в их карманах.

Они совершенно утратили чувство собственности, ревностно заботясь только о своем оружии. Общим достоянием группы были бритва, кусок мыла, куртка, часы и сигареты. Превосходная пара сапог подобным же образом служила обувью всем егерям по очереди. Правда, сапоги быстро стащили.

Именно в это время среди них в обороте появились первые странные слова, которые понимали только они: партизаны стали партошами; граната — сливой; ракета — телескопом; пулемет — болидом. Деревня, занятая партизанами, называлась дансингом; минирование — целованием руки. Люди как будто соблюдали обряды какого-то тайного общества: когда надо было выходить на операцию, запрещались определенные действия. Они сильно привязались друг к другу, а к командирам, которых сами выбирали, относились несколько панибратски, не так, как принято в армии.

Хайнц, как и Клаус, был неоспоримым командиром, потому что он был красив, силен, всегда доступен и на своем месте. Солдаты любили говорить с ним, спрашивали у него совета, восхищались его находчивостью. Перед операцией он никогда не принимал алкоголь. Этого не делал никто. Попойка допускалась один-единственный раз — при каждом возвращении в Ревны. Каждая группа, по очереди, упивалась до смерти и полагалась на своих товарищей. Все они также взяли моду носить русские фуражки с большим прямоугольным козырьком и гимнастерки.

Гюнтер наблюдал за всем этим с чувством ученого-биолога. И если даже он подвергался сильному давлению со стороны группы, то его работа и роль не позволяли ему поддаваться искушениям, свойственным другим. Но он гордился их доверием, их предупредительностью по отношению к нему. И если, по крайней мере сначала, это внимание было расчетливым, то теперь он знал, что оно спонтанно, потому что группа воспринимала его не как врача, но как человека.

Однако Гюнтер сохранял настороженность и бдительность, опасаясь, как бы в этой искусственной стене, которой он отгородился от искушений, не появилась первая брешь.

Глава 6

ЛЕС УРОЧИЩА БРАНИЛЕЦ

Зажав зубами мундштук трубки, полковник Брандт рассматривал с тревожным выражением лица и чрезвычайным вниманием штабную карту совершенно нового района, который попал под его командование. Клаус, Хайнц и Манфред бурно дискутировали, и он остановил взгляд на мгновение на большой нервной руке Клауса, выглядевшей великолепно на плоской карте. Прекрасная человеческая рука. Его собственная культя показалась ему безобразной.

— Наша артиллерия должна располагать возможностью вести заградительный огонь с пяти опорных пунктов. Вот база. Важно надежно удерживать все основные пути проникновения, а командос обеспечат окружение и охоту, — объяснял Клаус. Затем, повернувшись к полковнику, он добавил: — Вы не думаете, что мы могли бы реабилитировать Ханса Фертера?

— Не беспокойтесь, это уже сделано. Фертер запросил новое назначение.

Четыре офицера возобновили обсуждение.

Их оперативная зона располагалась в излучине Десны между селениями Бороденка и Бранилец, затем тянулась дугой вокруг высоты 214, отстоящей от реки на тридцать километров.

Множество речушек, несколько болот, четыре озера, малое число дорог, пригодных для автотранспорта, притягивали к этому району партизан, которые могли перемещаться отсюда в четырех важных на-

правлениях: на Брянск, Мглин, Унечу и Новгород-Северский.

Военная судьба, потеря полковником Брандтом руки воссоздали команду егерей такой, какой она была год назад. Больше не надо было бросать танки к сердцу Украины. Теперь боевые действия велись изо дня в день.

КП полковника размещался в Яролишеве, база командос — в Алешенке, на расстоянии шести километров. Четыре укрепленные деревни и пять опорных пунктов составляли основу обороны и оперативную зону.

Потребовалось десять дней, чтобы обустроиться на новом месте. Клаус и Хайнц обошли все опорные пункты и тщательно выстроили систему оповещения ракетами и по радио. Со своей стороны, братья Ленгсфельд проверили расположение всех защитных минных полей.

Теперь можно было начинать рейды.

Одним из важных мероприятий, предпринятых Брандтом с подачи Клауса, было введение выборов старост — а не назначение вермахтом — в наиболее важных деревнях. Он провел также своего рода перепись населения. Но она проходила не просто, потому что недоверчивые и пугливые жители деревень скрывались или являлись в регистратуру и давали фальшивые имена. Манфред, со своей стороны, предпринял попытку переписать весь домашний скот. Если предположить, что партизаны с приближением зимы будут нуждаться в мясе, то важно лишить их столь необходимого питания. Эрнст Райхель ставил тавро на животных, которое сам изготовил.

Что касается Гюнтера, то он вслед за Людвигом, ставшим поваром-медсестрой, ввел регулярные консультации для жителей пяти опорных пунктов. Но как говорил Большой Мартин, все это самообман. И партизаны не будут наблюдать со слезами на глазах за действиями всех этих «служек» с автоматами на плече.

Перемирие продолжалось между тем потому, что партизаны провели полную реорганизацию. Перед наступлением на лес урочища Любки Мясенко получил из Москвы приказ разделить свой отряд на два. Сам он должен был отправиться в Клетню, где принять командование над новым отрядом численностью девятьсот человек. Яковлев и его бывший отряд отправлялись на юг для обустройства в лесу урочища Бранилец.

Перед расставанием два командира подвели итог действиям за последние недели. Они оказались достаточно благоприятными. Разрозненные группы партизан были объединены в формирование, достаточно многочисленное, дисциплинированное и боеспособное. Сто восемьдесят убитых и двадцать один пропавший без вести — это не очень высокая плата за такой результат.

Они отметили, что массовые казни мирного населения и разрушения, осуществлявшиеся фашистами, производят противоположный эффект. Немцы думали, что это вызовет страх и приведет к покорности. Но это было ошибкой, за которую они уже дорого заплатили. Отныне в каждом городе, в каждом доме некоторое безразличие в поведении многих рядовых людей замещалось активной ненавистью. Люди ничего не забывали.

Прибыв в свой новый лагерь, Яковлев должен был провести полное военное и политическое обустройство. Нужно было заново рыть землянки, наладить связи, организовать наблюдение за дорогами. Крупные операции немецкой армии в августе имели фактически единственным результатом трату времени на партизан. Их невозможно было заставить исчезнуть.

Гайкин, ответственный за разведку, был удивлен добытой им информацией об организационных мероприятиях, проведенных немцами. По его мнению, только у солдат из деревни Миликонец могли возникнуть такие идеи. Вскоре его догадка подтвердилась, и,

когда Яковлев узнал об этом, он потирал руки от удовольствия, довольный тем, что выяснил.

Район их нового пребывания был спокойным. Урожай, как правило, собирали под присмотром вооруженных групп. Деревенские жители, хотя и с некоторой неохотой, изъявляли желание сидеть смирно.

Вначале Яковлев приказал уничтожить пять чересчур активных старост. Так как ему нужно было произвести впечатление на жителей, он решил, что пять убийств следует совершить в одну ночь.

Группа из десяти партизан отправилась из лагеря в деревни. Одним из пунктов назначения был Яролишев. Но оттуда передали информацию: убийство совершила сама жена старосты.

Пять убийств никого особенно не удивили: ни немецких солдат, ни тем более жителей. Когда старосту Яролишева обнаружили в постели с перерезанным горлом и табличкой на груди «Предатель Родины», люди качали головами и после выражения соболезнований вдове ждали дальнейшего развития событий.

Ханс Фертер занялся расследованием. По зрелом размышлении он счел убийство преступлением соседей, если не убийством из ревности. Правда, имелась табличка, но в военное время она могла послужить отличным алиби. Вместе с Густавом Хальгером он допросил соседей, обыскал дом, побеседовал с вдовой убитого. Не надо было обладать большим умом, чтобы убедиться в ее виновности. Через двое суток вдову публично судили. Выяснилось, что у нее было много любовников. Ее приговорили к казни и повесили.

Крестьяне были озадачены, Яковлев взбешен, а Фертер ожидал второго тура.

Полковник Брандт полностью отказался от вспомогательной полиции и сохранил в своем распоряжении полуроту казаков (из формирований предателей, созданных немцами при содействии таких деятелей, как генерал царской армии и атаман войска Донского в

1918 году П. Краснов (1869—1947; повешен). — *Ред.*), постоянно осуществляющих верхом на лошадях тщательное наблюдение. Десять из них угодили в засаду. Их ужасно изуродованные трупы партизаны поместили в корзину и принесли под стены опорного пункта номер два. Когда об этом узнали соратники погибших, они организовали карательную экспедицию, которой Ханс Фертер не мог помешать. Он смог лишь отобрать трупы убитых мирных жителей, чтобы оставить только мужчин — умерщвленных женщин и детей похоронили тайком — и с табличками «Партизаны» на шеях поместить в ту же корзину и показать в деревнях.

Ханс Фертер отлично понимал, чего хочет добиться от немцев Яковлев: вовлечь в цепную реакцию репрессий, чтобы разрушить возникшую видимость спокойствия. В этой игре партизаны будут всегда выигрывать. Поэтому нужно было начать новую охоту до наступления зимы.

В Алешенке, где базировались командос, насчитывалось сто пятьдесят жителей, большинство из которых — женщины. Они жили по-солдатски. Вермахт содержал их, но взамен они должны были обрабатывать свои огороды и сады (идея Людвига) и сохранять стада коров и овец деревни. Все это делалось, чередуя смены караулов и учебные стрельбы.

Покидая Ревны, Клаус набрал одиннадцать солдат, чтобы полностью укомплектовать свои взводы. Все они были привлечены из спецподразделений, которые входили в начале лета в другие дивизии и были предназначены для формирования будущих команд егерей. Один из новобранцев выделялся среди других — парень из Оденвальда (низкие горы на стыке Баварии, Гессена и Баден-Вюртемберга. — *Ред.*) Антон Брахт, который прогуливался с флейтой. Братья Ленгсфельд возмущались!

Егеря подкормились, пообщались с женщинами (унтер Байер вел строгий учет, потому что должен был

знать двадцать четыре часа в сутки, где находится каждый солдат). Хайнц выбрал худенькую брюнетку, особенно удобную в постели, когда их любовные игры переходили в бешеную страсть. Она успокаивалась и смирялась только на время готовки пищи и стирки белья.

Манфреда впервые не устраивала такая безмятежность. Отстраняясь все больше и больше, становясь судьей и арбитром, он полагал, что два противника, как на ринге, взяли передышку, наблюдая друг за другом. Но такое ожидание не сулило командос ничего хорошего: напротив, оно вредило им. В такой войне оно было неприемлемо.

Когда Ханс Фертер потребовал возобновления патрулирования, Манфред почувствовал некоторое облегчение. Другие фактически тоже. Людям, хорошо натасканным на спецоперации, не хватало серьезных дел, чтобы в полной мере воспользоваться тем, что им может предложить жизнь.

К северу от Алешенки, на другом берегу реки Трескины, располагались две укрепленные деревни, которые решили именовать № 1 и № 2 из-за их ужасно сложных названий. Из них наблюдали за лесом урочища Бранилец. Сообщалось обо всех подозрительных перемещениях. Клаус решил послать туда взводы Манфреда и Хайнца.

В течение недели оба взвода патрулировали район днем и ночью, лишь на несколько часов возвращаясь в опорные пункты за информацией и коротким отдыхом. Все это не вызывало большого интереса. В последний день, по чистой случайности — или по убеждению, — Манфред и его люди задержали на дороге к укрепленному пункту № 1 телегу, везшую троих мужчин и одну женщину. Возможно, ничего бы не произошло, если бы один из русских не проявлял чрезмерного испуга. После этого телегу обыскали. Нашли сотню листовок. Женщина выглядела — или казалась — полной дурой,

но она была связана с тремя мужчинами, поэтому их всех повели по дороге к Алешенке.

Тщательный обыск испугавшегося крестьянина позволил обнаружить чертеж опорных пунктов, преграждавших дорогу к лесу, и что-то похожее на план атаки. Этого крестьянина допрашивали достаточно основательно, после чего он, наконец, признался.

В ходе допроса Ханс Фертер делал записи, которые противоречили его предыдущим заметкам, и он невольно совершил первую ошибку.

Полковник Брандт, введенный в курс дела, разрешил Клаусу действовать, и командос в большом возбуждении начали готовить Яковлеву засаду.

Согласно плану, изъятому у партизана, первую атаку, намечавшуюся через шесть дней, нацеливали против опорного пункта № 2, который образовывал вершину треугольника, одну сторону которого составляла река Трескина, а другую — дорога из Яролишева.

Клаус решил перебросить туда всех командос и сначала изучить обстановку.

Отъезд состоялся после полудня, чтобы добраться до опорного пункта с наступлением ночи. С общего согласия решили воспользоваться дорогой.

Погода была отличной. Люди в прекрасном настроении вспоминали о больших прошлых боевых делах, а Хайнц подгонял их. К семи вечера они пересекли мост. Сразу за ним дорога шла по каменистому участку, довольно необычному в этой местности. Валуны, кустарник, желтоватая земля, где ничего не могло цвести. Вышли на простор, ландшафт был красив, но любоваться им долго не пришлось.

Перед ними гроыхнул мощный взрыв. Дорога, казалось, раскололась надвое и вздыбилась до неба. В тот же момент со всех сторон сразу зазвучал астматический шум стрелявших русских пулеметов и вой мин, выпущенных из минометов. Ха-Йот опустился в яму на дороге и быстро задействовал свою рацию. Ползя

по сухой потрескавшейся земле, егеря постарались укрыться, чтобы ввести в бой свое оружие, в то время как взвод унтера Байера отступал к реке. Но прежде чем они до нее дошли, взорвался, в свою очередь, мост.

Хайнц сжал зубы: они плохо начали. Под вопросом успешный исход операции. Надо было рассредоточиться, и побыстрее.

Большой Мартин собрал окровавленными руками все камни, какие можно было достать, для укрытия своего пулемета. С другой стороны, нашлось время, чтобы выстроить оборонительные стенки и уверенно стрелять из-за этого надежного укрытия.

Унтер Байер осмотрел то, что осталось от моста. Два егеря прыгнули в воду, чтобы собрать как можно больше досок. Двое других начали крепить веревки с обоих берегов реки, чтобы наладить переправу под прикрытием пулеметов.

Клаус предупредил по радио гарнизон опорного пункта № 2. Он считал, что ни отвага, ни оружие не спасут их шкуру, и всего несколько минут могут оказаться роковыми для него и его людей. Унтер Байер должен был предупредить его о своих приготовлениях, но возможность самостоятельного успешного отхода командос была исключена. Может, в последнюю минуту они предпримут попытку прорыва, когда уже нечего будет терять...

Хайнц, тесно прижавшись к земле, внимательно наблюдал за огневыми точками русских. Ему показалось, что партизаны медленно разбивались на две группы и в центре дороги появилось свободное пространство.

Пятнадцать егерей присоединились к Ха-Йоту и превратили воронку от взрыва в настоящий опорный пункт. Они вели непрерывный огонь, чтобы любой ценой помешать партизанам перейти в наступление, иначе худо дело.

Едкий запах расплзался по обожженным скалам. В результате взрывов снарядов разлетались на куски камни. Слышались крики, за ними — стоны. Пулеметы на время прекращали стрельбу, чтобы дать возможность вынести убитых и раненых, и вновь продолжали вести огонь.

Первые бронемашины с подкреплением появились в момент, когда огонь партизан стал ослабевать.

Затем — прямо театр какой-то — все исчезло. Клаусу показалось, что он помешался или совершенно оглох.

В них больше никто не стрелял с противоположной стороны. Егерям и солдатам подкрепления понадобилось несколько минут, чтобы убедиться: партизаны ушли совсем.

Увы, о немедленном преследовании не могло быть и речи. Под прикрытием бронемашин эвакуировали убитых и раненых: пятеро погибло, одиннадцать ранено. Отличный результат. Руку Манфреда слегка поранило осколком. Лицо Клауса, не замечавшего ранения в щеку осколком камня, было в крови.

Люди расспрашивали друг друга, переговаривались в полном замешательстве.

Быстро приходили в себя.

С севера донесся грохот ожесточенной перестрелки. Вторая группа партизан атаковала опорный пункт.

Пока солдаты собирались, пока заботились о раненых, партизаны сожгли и разграбили опорный пункт № 2 и без особого труда вернулись в лес урочища Бранилец.

На тлеющие руины опорного пункта спустилась ночь, когда Клаус с командиром подкрепления решили его восстановить. Несмотря на усталость, люди стали копать окопы, сооружать пулеметные гнезда и позиции для легких орудий, заграждения из колючей проволоки. Увы, боеприпасов оставалось мало, потому что склад их взлетел на воздух вместе со всем остальным.

К счастью, полковник Брандт сообщил по радио, что придут новые подкрепления.

Посоветовавшись с Манфредом и Хайнцем, Клаус решил послать дозор, который сам и должен был возглавить. Набралось двадцать добровольцев. Их отбирал Хайнц, потому что участвовать в рейде хотели все.

Опорный пункт № 1, ближе к лесу, теперь остался в изоляции, и именно с этой стороны нужно было сейчас провести рекогносцировку.

Двадцать командос разделились на две группы и двинулись по обочинам дороги: по левой — группа Клауса, по правой — во главе с Хайнцем.

Егерей поглотила ночь, ее тишина успокаивала. Они быстро продвигались, ориентируясь по отчетливой линии дороги, которая вилась змеей, уводя в лесную тьму.

Шедший впереди Карл Вернер заметил темное пятно. Дерево, неподвижное транспортное средство? Он дал колонне сигнал остановиться. Соблюдая чрезвычайную осторожность, командос залегли. Пятно перед ними зашевелилось, оно деформировалось, как амеба. Послышались глухие звуки и шепот. Полдюжата партизан минировали дорогу, полностью изолируя также опорный пункт № 1.

Хотелось захватить этих типов, но времени было в обрез, и дорогу следовало сохранить неповрежденной. Командос открыли огонь. Раздались крики, потом пятно на дороге застыло без движения. Если были дозорные, они либо сбежали, либо их убили. Взрывчатка должна была остаться. Клаус позвал братьев Ленгсфельд. Задание было не слишком увлекательное, но у них не было выбора.

Ловкость и точность движений братьев восхищала Хайнца. Каждое их движение было осторожно, выверено и в целом эффективно. Нужно было сохранять хладнокровие, точно слышать каждый шум, каждый щелчок, чувствовать подушечками пальцев каждую

деталь. Не делать ошибок и учиться выжидать. Братьям понадобилось двадцать минут, чтобы разминировать дорогу.

После того как братья убедились в полном устранении всякой опасности, они дали знак командос приблизиться и стали проверять взрывчатку партизан. Вольфганг в особенности внимательно изучал минную ловушку, затем вынул записную книжку и зарисовал ее схему.

Убитых партизан обыскали, раздели и положили на обочине дороги.

Отряд егерей двинулся дальше, совершил длинный обходной путь вокруг опорного пункта № 1, где, видимо, все было спокойно, и с первыми признаками рассвета вошел в укрепленную деревню. Через несколько минут люди заснули в крытом гумне, даже не позавтракав.

Через сутки командос отправились в Алешенку.

Ханс Фертер чувствовал за собой вину в связи с тем, что не разгадал ловушку. Что касается задержанного партизана, у которого обнаружили пресловутый план, то его повесили в тюремной камере в день выхода командос.

Клаус, Хайнц и Манфред укоряли себя за то, что поверили на мгновение, будто выиграли партию и будто дороги принадлежат им. Хайнц был прав, думал Клаус, когда говорил, что войны не выигрываются благими делами. Впрочем, их благие дела развеял осенний ветер. Крестьяне, которым партизаны, безусловно сообщили о засаде и о том, что опорный пункт № 2 сожжен, стали крайне агрессивными. Только за двадцать четыре часа Гюнтер провел семь консультаций — в основном для детей, — в ходе которых осматривал в среднем тридцать—сорок больных.

Полковник Брандт собрал всех офицеров.

Клаус и Манфред выглядели усталыми и подавленными.

— Господин полковник, — отрапортовал Клаус, — семь месяцев усилий ничего не дали. Мы пришли к тому же, с чего начали в предыдущем марте.

— Не к тому же, — перебил его Фертер. — Не надо иллюзий. Это уже не те банды, которые скрывались в лесах прежде, но армия, структурированная и сознающая свою силу.

— Значит, это провал?

— Стратегически и психологически безусловно.

— Мы, по ошибке, несколько искусственно разделяем проблемы гражданского населения и партизан, — сказал Хайнц. — Но мы не сможем решить по-настоящему первую проблему, если упустим из виду вторую. Сегодня мы окажем плохую услугу мирному населению, если будем жалеть парня, который приходит из-за того, что получил взбучку. Я не верю, что он пришел за защитой... Я уже однажды говорил, что на войне нет права, кроме права того, кто сильнее. Помните, как в июле 1941 года приветствовали наши танки в ряде деревень! И потом, прекратите вопить о захоронениях, — продолжил Хайнц, — война еще не закончилась, насколько мне известно.

— Признайте, однако, что все это выглядит довольно парадоксально. 6-я армия практически вышла к Волге (23 августа севернее Сталинграда к Волге прорвался 14-й танковый корпус Виттерсгейма. — *Ред.*), на Эльбрусе водружен немецкий флаг (21 августа немецкие горные стрелки под командованием капитана Грота установили флаги на обеих вершинах Эльбруса (5642 и 5621 м). — *Ред.*), а в тысяче километрах от этих мест приходится гоняться за бандой крестьян.

Ханс Фертер молча слушал своих товарищей. Он думал о том, что Яковлев наконец добился от них того, что хотел: полагаться на силу, а не пропаганду. Механизм разогнался. На один удар последует ответ двумя другими до того момента, когда оба противника истощат силы. И в ходе этой недостойной смертонос-

ной игры на весы положены не бездушные вещи, но люди. Фертер почувствовал головокружение, когда представил, что ожидает сотни тысяч русских...

Полковник Брандт раздал конфиденциальные инструкции штаб-квартиры группы армий и громко зачитал некоторые параграфы, которые счел полезными.

«Совершенно секретно
Приложение к приказу № 1615/42
Командованию сухопутных войск <...>
Совершенно секретно
<...>

Тема: Борьба против партизанских банд.

Фюрер получил донесения, свидетельствующие о том, что некоторые воинские формирования, ведущие борьбу с партизанскими бандами, должны быть привлечены к ответственности за свое поведение во время боевых действий. В связи с этим фюрер приказывает:

1. Противник использует в войне партизанские банды фанатиков, которые образуют коммунистические формирования и которые не останавливаются ни перед какими актами насилия.

Теперь борьба с ними больше, чем когда-либо, становится вопросом жизни и смерти. Эта борьба не имеет ничего общего ни с рыцарским духом солдата, ни с Женевской конвенцией.

Если не использовать в борьбе с партизанскими бандами на Востоке или на Балканах крайне жестоких мер, мы не сможем в ближайшем будущем справиться с этой чумой. Поэтому войска имеют право и должны без всяких ограничений использовать в этой борьбе все средства, в том числе против женщин и детей. Только это условие приведет к успеху.

Всякое попустительство является преступлением в отношении немецкого народа и солдат, сражающихся

на фронте, которым приходится выносить все последствия нападений банд партизан. Поэтому нельзя прощать малейшую жалость к партизанским бандам и их пособникам.

При осуществлении инструкции «О борьбе против партизанских банд на Востоке» необходимо руководствоваться этими принципиальными положениями.

2. Ни один немец, участвующий в борьбе против партизанских банд и их пособников, не может быть привлечен ни к дисциплинарным санкциям, ни передан военному трибуналу за такие действия в данной борьбе.

Командиры подразделений, участвующие в антипартизанской борьбе, должны принять меры к тому, чтобы все их офицеры были в курсе требований этого приказа, чтобы о нем немедленно были проинформированы юристы и чтобы любой приговор, противоречащий этому приказу, не был приведен в исполнение.

Подписано: *Кейтель* (начштаба ОКВ — Верховного главнокомандования вермахта. — *Ред.*)

Копия заверена в Генштабе сухопутных сил
Подпись (неразборчиво)».

Это никоим образом не было решением проблемы, так как немецкие войска крайне нуждались в мирном населении оккупированных территорий. Политика систематических репрессий могла только осложнить положение. Солдаты нуждались в минимуме мер по обеспечению безопасности, если продолжительная напряженность ситуации не пробуждала в них страх и не высвобождала стремления убивать и разрушать. Просто так. Ни за что.

Клаус с трудом поднялся, чтобы посмотреть большую настенную карту. Важно заставить партизан выйти из их логова, потому что гоняться за ними не было смысла: у полковника Брандта не было достаточно

войск для обеспечения операций по окружению в августе. Как слепой, ищущий тротуар или стену, Клаус машинально водил своими длинными нервными пальцами по дорогам и рекам на карте. Он позвал Хайнца и Манфреда, чтобы разъяснить им свой план.

Для начала войска были приведены в боевую готовность. Три танковых взвода в сопровождении артиллерии на механической тяге патрулировали дороги с утра до вечера, обеспечивая повсеместный контроль. В десять часов вечера полковник Брандт организовал во всех опорных пунктах проверку документов. Задерживались все гражданские лица, не значившиеся в списках жителей деревень, независимо от возраста и пола. Ханс Фертер посоветовал снять с них отпечатки пальцев. Он понимал, что это бесполезно без соответствующих технических средств, но, зная психологию, рассчитывал на проявление рефлекса страха.

Заново произвели перепись голов крупного рогатого скота и на центральных площадях деревень вывели большие стенды с указанием числа животных.

В это время командос перевязывали свои раны, готовясь выступить из Алешенки в укрепленный пункт № 2. Специалисты инженерных войск восстановили мост через Трескину, который в значительной степени прикрыли минными полями, и по всей длине дороги вырубали вдоль обочин деревья, засыпали кюветы.

Помимо своих людей, Клаус повел с собой артиллерийский дивизион, предназначенный для укрепления пункта № 2, и около тридцати местных жителей, отобранных во время проверки документов.

В шести километрах до укрепленного пункта он обнаружил то, что искал: деревню, расположенную на холме, которую с трех сторон окружал лес. К северу она выходила на большой равнинный участок местности. Все жители этой деревни Кучино были переселены в

Яролишев — в том числе информаторы Яковлева. И командос занялись строительными работами, чтобы блокировать подход к деревне с этой равнины. Люди построили большой блокпост, выходящий на равнинный участок, а по флангам два слегка забетонированных дота. Местные жители рыли грунт, прибегая к помощи взрывчатки, заливали цемент, пилили деревья в обстановке возбуждения и криков командос. Им потребовалась неделя, чтобы завершить все работы.

В это время каждую ночь десять человек командос проникали в лес урочища Бранилец, составляли план местности, минировали определенные участки. Два три раза в день орудия укрепленного пункта № 1 обстреливали лес урочища Бранилец по наводкам Клауса. На следующую ночь дозорная группа определяла ущерб от артиллерийского огня и наносила его на карту. Затем, по окончании работ, местные жители охотно вернулись в Яролишев.

Каждое утро в шесть часов подъем флага сопровождался настоящей церемонией с горном и трубами. Весь день в деревне и вокруг блокпоста царило тревожное возбуждение. Ночью тишину нарушал лишь звон караульного колокола, который звучал каждые полчаса. И наступало ожидание.

Теперь настала очередь партизан нервничать, ходить кругами. Более половины их информаторов были арестованы или погибли. С приближением зимы осложнялось продовольственное обеспечение. Между тем партизаны теперь были уверены в победе, и Яковлев решил покончить с командос.

Местные жители, работавшие в Кучине, естественно, много болтали. Некоторые даже ходили в лес урочища Бранилец. Получив от них некоторые сведения, Яковлев решил осмотреть это место, чтобы выяснить наилучшие условия для нападения. В сопровождении Ковалева и Гайкина он провел одно долгое утро с биноклем в руке, объясняя Ковалеву все мелочи,

которые можно было использовать. Прежде всего он указал ему точные секторы обстрела со стороны блокпоста. И они были дьявольски большими. К счастью, вокруг был лес.

По возвращении в лагерь Яковлев, вспомнив методы Мясенко, также построил макет деревни. Затем он решил послать дозорных, чтобы те разведали фланги. Разведчики доложили ему результаты своего наблюдения. С каждой стороны на пятьсот метров вокруг деревни протянуты два ряда колючей проволоки, вероятно чтобы затруднить подходы.

Но с юга немцы оставили открытый проход. После обстоятельного обдумывания и обсуждения с соратниками Яковлев остановился на следующем плане. Тридцать партизан будут атаковать блокпост в лоб в целях создания шумного эффекта и отвлечения внимания противника. Пятьдесят человек вместе со специалистами по преодолению препятствий попробуют прорваться с двух флангов. Большая часть отряда будет атаковать с юга, после того как резервная группа блокирует подступы с каждой стороны опорного пункта, чтобы помешать доставке подкреплений. Отход к лагерю предполагался к западу, в направлении высоты 214, делая большой крюк.

9 сентября с наступлением ночи Яковлев и его люди выступили из партизанского лагеря.

В то же время командос всем составом покинули Кучино, как это делали каждый вечер. Яковлев не знал, что уже более десяти дней в деревню скрытно малыми группами прибывало подкрепление — пехота Брандта. Они и составили надежный гарнизон. Именно они звонили каждую ночь в колокол.

Клаус и Манфред, по обыкновению, расположились к западу, в лесу, в месте предполагаемых передвижений партизан. Хайнц и унтер Байер несли дозорную службу к востоку, связываясь по радио с двумя другими группами.

В одиннадцать часов вечера гарнизону сообщили о первых передвижениях партизан. Клаус привел в состояние боевой готовности артиллерийский дивизион укрепленного пункта №1.

Установить численность партизан было нелегко. Рейнхардту и Людвигу, которые уселись на одном дереве, было не до смеха, когда они увидели, что под ними крадутся советские партизаны.

— Ни тебе кашлянуть, ни чихнуть, — пробурчал танкист, поднимаясь выше по дубу. — Должно быть, случится что-то невероятное...

У каждого егеря была своя конкретная задача. Но больше всех были заняты делом братья Ленгсфельд. Прежде всего они позаботились о блокпосте, где не было никого и ничего, кроме шикарного фейерверка, который можно было запустить по собственному желанию с командного пункта. Что касается двух малых блокпостов, то они были до краев заполнены взрывчаткой. И когда она взорвется, там ничего не останется. Братья предусмотрели также вспышки бенгальских огней к моменту, когда артиллерия откроет заградительный огонь по единственному свободному проходу с южной стороны, где планировался главный удар партизан.

Когда передвижения, казалось, завершились, Хайнц и его группа повернулись спиной к намеченному месту боя и направились в лес Бранилец: у них было задание точно определить местоположение лагеря партизан.

Унтер Байер и его люди оседлали дорогу, ведущую к опорному пункту. Манфред и Клаус последовали за партизанами, избегая малейшего шума. Целые ночи командос кружили вокруг этого участка леса. Они оставили много меток, заметных только им, и каждый егерь ориентировался по ним как в ясный день.

Когда прозвучали первые очереди, как раз на юге, Клаус включил свой хронометр. Ровно через пятна-

дцать минут пулеметы, установленные в центре, повели огонь разрывными пулями по охапкам соломы, которые солдаты разложили в тридцати метрах от проволочных заграждений, служивших только для корректировки огня. Кроме того, это угрожало лесным пожаром, и, если бы поднялся ветер, досталось бы всем. Большой или меньший риск в эту несколько сумасшедшую ночь не имел значения.

Потом все пошло очень быстро.

Большинство партизан, скопившихся на южной стороне, продвигалось к опорному пункту, не обращая внимания на спорадическую, странную стрельбу. Как обычно, прозвучал звон колокола, и Ковалев, остановившись, сморщился. Должно быть, фашисты были до смешного уверены, что их комедия будет продолжаться!

Клаус ждал нападения, находясь позади партизан, Ха-Йот, со своей стороны, был готов дать знать артиллерии.

Сигнал Яковлева совпал по времени с пулеметными очередями, имевшими целью поджечь солому. Крайне удивленные, партизаны бросились в атаку, несколько встревоженные этими необычными проблесками.

Клаус позволил партизанам начать атаку, затем дал знак Ха-Йоту и посмотрел в свой бинокль. Через пятьдесят секунд разорвался первый снаряд.

Егеря оставались на месте, выжидая.

Яковлев выругался.

Абсолютно необходимо было вырваться из этого огневого мешка, и единственное логичное решение заключалось в том, чтобы прорваться через укрепленный пункт. Немецкая артиллерия должна была прекратить обстрел, чтобы не поразить своих собственных солдат.

Яковлев поднялся и выкрикнул приказ.

Партизаны приостановили на короткое время атаку, поняв, что их единственное спасение в проникновении в эту проклятую деревню. Там снаряды не станут их искать.

Как раз этого и ожидал Клаус.

Коммандос открыли огонь по врагу изо всех видов оружия. На востоке загорелся лес. Синеватые сполохи пожара освещали группы дезорганизованных советских партизан, которые рвались вперед и орали как одержимые.

В центральном опорном пункте солдаты стали проявлять беспокойство. Разумеется, Клаус объяснил, что могло произойти. Но одно дело — просто ожидать, и другое — видеть, как на вас прет вся эта масса. Они неуверенно стреляли, боясь случайно повредить сложную систему, которую братья Ленгсфельд оставили на их усмотрение.

Один солдат вспомнил приключенческий фильм, в котором неслось стадо диких слонов, не оставляя позади себя ничего.

Ковалев сновал повсюду, ободряя людей, перемещая на новые позиции пулеметчиков, побуждая двигаться вперед. Затем он сформировал боевую группу, чтобы поддержать арьергард.

Советские партизаны пересекли деревню, непрерывно стреляя, и направились вниз к блокпосту, оставшемуся безмолвным: Унтер Байер уже давно отбил атаку тридцати партизан, призванных имитировать нападение. Последние, не зная, что делать после почетного поражения, отступили на восток.

Когда взорвались два малых блокпоста, это стало настоящим бедствием. К счастью для партизан, солдаты гарнизона, ошеломленные событиями, взорвали блокпосты слишком поздно.

Артиллерия прекратила стрелять, как только взводы Клауса и Манфреда оказались в зоне обстрела. Коммандос бросились преследовать партизан, но те разбились на малые группы и растворились во тьме.

Впервые охота завершилась пленением тридцати раненых партизан, которых соратники не смогли взять с собой. Оставив Манфреда и Байера следить за поряд-

ком на месте и наблюдать за пожаром, Клаус отбыл в лес, к намеченному ранее пункту встречи с Хайнцем.

У того была другая задача. Слишком заметные следы партизан вывели командос к границам их лагеря к двум часам ночи. Перед тем как снять пять часовых, которые, конечно, не предполагали дерзкого нападения этой ночью, лагерь обложили со всех сторон, землянку уничтожили гранатой. Воспользовавшись лошаадьми партизан, Хайнц и его команда встретили Клауса в седлах.

Но сейчас нужно было уходить из леса, где рыскали партизаны. Оба офицера согласились двигаться прямо на восток, к дороге, и в дальнейшем вернуться в Кучино.

Ковалев и Яковлев получили ранения. С помощью своих людей им удалось добраться до леса и скрыться на несколько часов в убежище для отдыха.

Митя, со своей стороны, принял командование над группой примерно в тридцать партизан и спешно, словно за ним гнался черт, отправился к лагерю. По прибытии он обнаружил две группы людей, которые ранее атаквали немецкий опорный пункт с флангов и из-за пожаров вышли из боя. Яковлев и Ковалев отсутствовали, но партизаны заверили их, что командиры живы.

На развалинах землянки они восстановили огневые точки, чтобы продержаться до возвращения их товарищей. Когда, наконец, после полудня появились Яковлев и Ковалев, предусмотрительный Митя приготовил около двадцати носилок. Его инициативу приветствовали, поскольку Яковлев приказал немедленно уходить на запад. Осталось лишь несколько человек, чтобы сориентировать партизан, самостоятельно добравшихся до прежнего лагеря.

Измученные, не спавшие и не евшие сутки, Яковлев и его люди прошли в ночи еще тридцать километров. Затем устроили привал, и Яковлев разрешил, наконец, людям отдохнуть.

В Кучине командос все восстановили. Клаус сурово отчитал солдат центрального опорного пункта и получил резкую отповедь их командира, пехотного гауптмана (капитана), который сказал, что он и его люди здесь не для этого.

Хайнц от волнения даже выронил сигарету.

— А можно ли узнать, господин гауптман, для чего вы в России?

— Чтобы воевать, лейтенант, но не этими бандитскими методами.

Но ведь у него были пленные. Пехотный гауптман пожелал расстрелять их на основании приказа ОКВ от 18 августа. Хайнц не возражал, но заметил, что казнь без зрителей не будет иметь практического значения. Важно, чтобы пленные, по крайней мере, принесли какую-то пользу! Клаус составил собственное мнение по этому вопросу. Он решил отправить их в Яролишев.

Благодаря присланным полковником Брандтом грузовикам командос быстро переместились на базу, где их с нетерпением ожидал оживленный Ханс Фертер. Но как сказал ему Клаус, перед встречей с ним им нужно сначала умыться, поесть и поспать. Хайнц нашел перед сном необходимое время для выхода своего гнева. Но, успокоившись, он безмятежно проспал двенадцать часов подряд. Людвиг и другие также легли спать...

Допрос пленных дал разочаровывающие результаты, информация, полученная от них, Хансу Фертеру была известна. Слушая, что они говорят, и рассматривая свои записи, офицер думал о том, что эта операция всего лишь капля в море. Сколько времени будет ждать Яковлев, чтобы отдать новый приказ о нападении? Как долго сохранится спокойствие? Сколько дней продлится эффект от этой эфемерной победы?

Он с удивлением констатировал степень преображения партизан: они больше не были теми неуклюжими

крестьянами, как предыдущим летом, но стали закаленными солдатами, уверенными в себе, дисциплинированными и решительными. Партийные кадры неплохо поработали.

Густав Хальгер и Пауль Швайдерт в качестве переводчиков долго разговаривали с одним офицером по имени Гайкин, который был ранен, прикрывая бегство Яковлева.

Гайкин рассказал им о партизанских базах в лесу, о солидарности русских людей, о своей абсолютной уверенности в конечной победе. Его спокойный, медленный голос вызывал в воображении двух немцев огромное пространство, другое измерение жизни, которое невозможно понять.

Оставалась неразрешенной одна проблема: что делать с пленными? Брандту претило выполнение официального приказа. Он видел, как егеря приносят русским сигареты и хлеб, спорят с ними, стараются выяснить, когда они могли до этого стрелять друг в друга. Гюнтер, ответственный за содержание пленных, замечал черты сходства между пленными и его товарищами. Тех и других роднила одинаковая суровая непритязательная жизнь, глубокая любовь к лесам и свободе, где нет никаких законов, никакого прошлого.

И врач, может в силу предрассудков, подумал, что у русских появился шанс остаться в живых. Он предложил, чтобы им сохраняли жизнь для обмена в день, когда, возможно, понадобится вести переговоры с партизанами.

Только Хайнц не проявлял абсолютно никакого интереса к пленным, но здравый смысл, который содержался в этом предложении, заставил его согласиться.

Когда жители деревни узнали эту новость, в Алешенке с невероятной быстротой распространилось ликование.

Братья Ленгсфельд, ставшие в определенных обстоятельствах пиротехниками, изготовили разноцвет-

ные ракеты. Партизанам это понравилось. Разумеется, фейерверк вызвал серию панических звонков, и несчастные дневальные испытывали особую неловкость при объяснении того, что происходило.

Едва восстановив силы, Яковлев собрал всех коммиссаров и командиров отрядов. Перенесенный провал был слишком серьезен, чтобы его замолчать и ограничиться самокритикой.

Он судил себя беспощадно.

Настоящий коммунист не имеет права предаваться ни тщеславию, ни гордыне, ни иллюзорной вере в то, что он вообразил после первых успехов, будто район вернулся под контроль партизан. Яковлев сказал, что ему не хватило перспективного видения, стратегического мышления.

И, несмотря на огорчение Ковалева, он объявил, что передает решение вопроса о командовании на суд партизан: им самим решать, что ему делать.

На мгновение все затихли, затем проголосовали. Большинство голосов Яковлев сохранил свой пост. В этот момент люди поднялись с мест, чтобы похлопать его по плечу, обнять, обругать. Затем один партизан запел, другие хором подхватили длинную и унылую песню, в которой говорилось о пшеничных полях и тракторах (чувствуются «глубокие» познания автора о русских — сквозь плохо скрываемую ненависть. — *Ред.*).

Потом состоялось серьезное обсуждение вопроса о том, что делать дальше. Гайкин в плену, теперь надо назначить нового начальника разведки. Выбор пал на молодого коммуниста из Минска Степана Строева.

В Москве, узнав о ходе боя, приняли ряд решений. Во-первых, Яковлев должен был найти и подготовить взлетно-посадочные полосы, чтобы принять подкрепления людьми и боеприпасами, в которых нуждались

партизаны. Во-вторых, ему запретили нападать на опорные пункты немцев, по крайней мере в ближайшее время. Наконец, лагерь следовало переместить в другое место.

Яковлев предложил перейти в лес урочища Праня, на берегу притока Десны. Там построили три лагеря: базовый лагерь, где можно было всем собраться, и два небольших лагеря, которые можно было использовать во время перемещений.

Партизанам потребовалось четырнадцать дней, чтобы выбраться из леса Бранилец. Выйдя за высоту 214, они вступили в новую зону. Вновь пришлось становиться землекопами, лесорубами и плотниками, искать надежные дороги и минировать подступы к лагерям. Затем надо было искать удобные места для приземления парашютистов.

Во время трудного перебазирования партизаны возмещали потери лошадей, муки и оружия. К ним присоединялись местные мужчины и женщины. В лесу урочища Праня с началом осенних дождей обосновался отряд численностью четыреста человек.

Глава 7

МАНФРЕД

Большой Мартин, глядя в небо, охотно сравнивал его с огромным серым слоном, который пытается без задержки запихнуть вас в пасть. Непрекращавшийся дождь поливал деревья, дороги, дома, из труб которых выходили длинные шлейфы сизого дыма.

Клаус благоразумно воздержался на несколько дней от операций, вопреки советам Ханса Фертера и Хайнца, которые считали, что партизаны после разгрома их лагеря должны перебазироваться на новое место. Можно было попытаться их перехватить. Дозоры каждый день выходили из укрепленных пунктов № 1 и № 2 в лес Бранилец за новой информацией: в старом партизанском лагере не осталось никого. В течение нескольких дней не отмечалось никаких передвижений, информация поступала очень скудно. Группы партизан по пять—десять человек проходили деревни, направляясь на запад или север. На этом этапе Ханс Фертер смог поверить, что отряды Яковлева рассеялись.

В Алешенке налаживался странный, искусственный быт общины, где в крестьянских дворах возрождалось подобие социальной жизни. Ранним утром солдаты рубили в лесу дрова, чтобы отнести их в свой дом. Клаус открыл детскую школу. Женщины заботились о егерях, готовили им еду, штопали их одежду, а по вечерам принимали в свои постели иноземных солдат. Единственными мужчинами в деревне были коман-

дос, а также постоянная группа охраны, которая препятствовала бегству жителей. Алешенка под жесткой охраной приняла вид средневекового городка, где время текло в ритме, заданном часовыми.

Клаус поддался, наконец, тому, что он называл физиологическими потребностями. Но молодая русская женщина, которую он выбрал, потом жаловалась на него подругам в том смысле, что Клаус, верный своим принципам, рассматривал половой акт как некую гимнастику, аккуратную и контролируруемую. Это исключало всякую нежность.

Манфред, ощущая себя все хуже и хуже, решил съездить в Ревны. Он обратился к Гюнтеру с просьбой помочь ему получить необходимое разрешение, на которое Клаус с сожалением согласился при условии, что Манфред будет отсутствовать не больше трех дней, включая время на поездку. Он должен был отправиться в мундире, но захватить для переодевания свою старую одежду.

Если старая Усыгина вела себя как обычно, то напряженная и нервная Женя отвечала на вопросы Манфреда кратко. Но когда ночью они вместе легли в постель, молодая женщина забыла о своем беспокойстве. Манфред сообщил ей об иконе, которая всегда была при нем, и извинился за свой неожиданный отъезд.

Два дня прошли почти в полном счастье и радости.

В грузовике, в котором Манфред возвращался в Алешенку, он вдруг испытал сильный приступ волнения, который вызвал у него прерывистое дыхание и обильный пот. Его силы медленно подтачивали бессилие перед обстоятельствами жизни, неопределенное будущее, воспоминания о Гомеле.

Гюнтер увидел, как Манфред вошел в лазарет с осунувшимся лицом, напряженным более, чем когда-либо. Машинально порывшись в кармане, он обнаружил

письмо, в котором Женя сообщала о своем окончательном отъезде из Ревен и попрощалась с ним.

Ничего не сказав, Манфред сжег письмо, попросил у молодого врача снотворное и отправился в постель.

Снова начинались боевые действия.

Клаус организовал систему глубокой разведки. Два дозора выходили с промежутком времени в полдня практически в одном направлении, поддерживая в этот раз радиосвязь между собой и с базой.

В этот день зона разведки располагалась на другом берегу реки Синей, южнее высоты 214. Болота и густой лес делали переход для командос особенно трудным.

С наступлением ночи они расположились лагерем на узкой прогалине, которая настолько пропиталась водой, что понадобилось нарезать и стелить огромные охапки веток, чтобы люди не спали в грязи. Ближе к полуночи Большой Мартин, обернутый холстом палатки, на который капала вода, не знал, как избавиться от ее студеной струек, которые текли под его одежду. Он собрался закурить сигарету при помощи одного средства, изготовленного Эрнстом Райхелем с целью избежать нежелательных вспышек, когда увидел низко летящий самолет. Он не особенно любил парней из люфтваффе, но надо быть довольно лихим летчиком, чтобы летать в такую ночь.

Монотонный гул самолета словно повис над головой.

Мартину показалось, что он заметил неясный силуэт, который скользил в облаках, и решил разбудить лейтенанта. У Хайнца была бесценная способность переходить от глубокого сна к пробуждению в доли секунды. До того как Большой Мартин заговорил, он уже слушал гул самолета, откинув полог палатки.

— Если это наш самолет, то парень свихнулся, а если он хочет приземлиться, то наломает дров, — проворкотал Мартин.

— Слушай, болван, он глушит моторы... нет, он возвращается.

Он вынул карту, быстро укрыл ее и при свете фонарика нанес на ней курс самолета.

— Буди остальных... У этого парня наверху точно нет черного креста на фюзеляже.

В несколько мгновений командос поднялись, собрались и углубились в лес. Дождь усиливался все больше и больше, и людям хотелось разорвать эту темную пелену, о которую, им казалось, они могли сильно ушибиться.

Лишь с первыми проблесками света, сделав несколько кругов, дозорный сообщил о наличии продолговатой поляны. Погасшие костры, пепел, еще сохранивший теплоту, несмотря на дождь, свидетельствовали о том, что ночью здесь высаживался десант.

Клаус, поставленный в известность Хайнцем, послал в лес на несколько дней другие взводы в полном снаряжении. Люди ворчали и кашляли, но продолжали свои поиски. Днем они спали в сырых и грязных шалашах из веток, ночью ходили по мокрому и холодному лесу.

Через день снова прилетел самолет, но в другое место. Небо, значительно очистившееся, позволяло его заметить. На следующий вечер Хайнц решил разжечь костры на партизанском аэродроме, который они обнаружили прежде. Только четыре человека караулили десант, другие оцепили аэродром, поджидая партизан.

Самолет не прилетал ни в эту, ни в следующую ночь.

Командос неустанно продолжали жечь костры, пока однажды ночью русский пилот не поспешил сбросить парашютистов и грузы.

Положение осложнялось, потому что на командос натолкнулись партизаны. Клаус дал такой приказ: постараться захватить живьем одного-двух парашюти-

стов и уйти, не дожидаясь подхода крупных сил партизан.

Большой Мартин, Людвиг и двое егерей, держа нос по ветру, наблюдали за небом. Двух парашютистов не насторожили приближавшиеся к ним четыре человека в крестьянской одежде, тем более что они давали понять, что нужно залечь, указывая руками на место перестрелки.

Парашютистов быстро повалили и связали. Командос удалились с двумя пленниками, надежно привязанными к одной жердине, которую несли два солдата. Весь сброшенный груз остался неповрежденным, за исключением разбившегося о землю контейнера с папиросами, которыми Большой Мартин набил карманы.

Яковлев счел за лучшее немедленно информировать об инциденте Москву. Главное, что груз доставлен. Что касается парашютистов, то двумя больше, двумя меньше...

Ему просто следует найти запасной аэродром и в первую очередь разработать более надежную систему оповещения световыми сигналами.

Ханс Фертер не произнес ничего, когда увидел двух советских парашютистов. Допросил их для видимости. Оба пленных были в форме солдат регулярной Красной армии. Фертер отослал их полковнику Брандту, чтобы не вытягивать из каждого разведывательную информацию.

Офицеры егерей собрались, чтобы провести вечер вместе. Это был довольно меланхоличный вечер, во время которого все они слишком остро ощущали, что определенный период войны для них завершился. Они вовсе не считали эти спокойные дни потерянными и не достойными включения в календарь.

В первые часы следующего дня в Алешенку, словно ураган, ворвался полковник Брандт с плохими новостями.

Диверсанты взорвали основной склад горючего в Бороденке. Это обездвижило на несколько дней более половины подвижного состава. В Добрянке взорвалась мина, заложенная напротив солдатской столовой: пятеро убитых и двадцать один человек ранен. В деревне близ Яролишева повешены пять крестьян (пособников немцев. — *Ред.*), которые часто сопровождали немецкие обозы. Брандт полагал, что им устроили засаду, когда они возвращались в свою деревню. Взорван мост через речку Синюю, и, наконец, железная дорога между Почепом и Красным Рогом подорвана в пяти местах.

Партизаны являлись по ночам и свирепствовали на расстоянии десятков километров. Всеми офицерами вдруг овладело смутное ощущение безысходности. Хайнц встряхнулся первым и предложил установить оцепление на протяжении всей речки Синей, поскольку ему показалось, что Яковлев со своей бандой притаился в лесу урочища Праня, где было обнаружено место десантирования. Но как заметил Манфред, для эффективного оцепления не хватит всех наличных войск. Он указал на карте все возможные пути отступления партизан. Поскольку русские действовали малыми группами — а это, несомненно, так, — вся стратегия оцепления была, по его мнению, иллюзорной. Приближались холода, в таких условиях лучше всего было перемещаться без задержки от одной деревни в другую, запасаясь продовольствием, лошадьми, санями и всем, что могло пригодиться партизанам.

Зима 1942/43 года наступила особенно рано. С первых дней ноября стояли трескучие морозы, повалил снег.

В День поминовения усопших три взвода егерей под командованием Клауса, Хайнца и унтера Байера бродили вдоль берегов Синей, где братья Ленгсфельд предложили установить минные поля. В действительности настоящих мин заложили немного, в других ме-

стах минами послужили лишь собранные снаряды без заряда, которые восстановили в Яролишеве. Главное, их заложили достаточно заметно — для того, чтобы партизаны не решились проходить в этих местах.

Нанесли также на карту возможные проходы на расстоянии более двадцати километров. Проклятая работа. Один солдат пробрался сквозь кустарники на берег реки. Должно быть, он поскользнулся и вскоре барахтался в водах реки, течение которой быстро его уносило. Солдат не очень хорошо плавал и, замерзнув, утонул до того, как кто-нибудь из товарищей мог оказать ему помощь.

Клаус был обескуражен до предела:

— До чего идиотская смерть!

— К сожалению, умной смерти на войне не бывает, — ответил ему Хайнц со злостью в голосе.

Остальные участники дозора помрачнели, и не потому, что за ночь смогли вернуться в Алешенку. Там их поджидала дурная весть: один солдат пропал без вести.

Карла Вернера отправили с пятью его лесорубами в Яролишев за снаряжением. Вечером он вернулся на похищенном мотоцикле: один из его соратников пропал без вести. Расспросив его, Манфред выяснил, что люди из команды Вернера, располагая некоторым свободным временем, решили повидаться со своими девушками. Только один пропал, добавил Вернер. Военная полиция прочесала все окрестности, но до сих пор поиски не увенчались успехом. В раздражении Манфред вернул гессенцев и посадил их под арест. В это время прибыли остальные командос.

Прошли день и ночь.

Ханс Фертер старался изо всех сил расшевелить своих информаторов, угрожая, раздавая деньги и продовольствие, отменяя отпуска. Наконец, ему удалось добыть одну зацепку: один партизанский политработник устроил митинг в деревне, расположенной в два-

дцати пяти километрах к востоку от Яролишева. Все жители вдруг покинули свои дома.

В волнении командос не находили себе места. Два взвода отправились проверить эту информацию. В самом центре застывшей брошенной деревни они обнаружили труп раздетого лесоруба, которого повесили за ноги. Партизаны оставили надпись: «Такая участь ждет всех фашистов».

Труп отправили в Алешенку. Ночью Карл Вернер и его гессенцы прошли караульные посты — их научили, что делать, и они прекрасно усвоили урок — и дошли до деревни, расположенной ближе всего к той, где был обнаружен труп.

Гранатами и пулеметными очередями они уничтожили всех тех жителей, которые не смогли скрыться достаточно быстро. Когда на следующий день об этом узнали, Ханс Фертер был озадачен. Что касается Хайнца, то он не обманывался ни на минуту. Вызвал Карла Вернера и жестоко избивал его, пока тот не сознался.

Ответственность за убийства повесили на партизан.

Во время очередного патрулирования дезертировали Пауль Швайдерт и Густав Хальгер. Гюнтер обнаружил письмо, которое эти двое оставили на его постели. Оно было кратким.

«Русские правы. Мы хотим иметь впереди будущее. Сейчас вы остались единственным порядочным человеком».

После откровенного разговора с полковником Брандтом Клаус ограничился тем, что объявил их пропавшими без вести во время выполнения дозорной службы. После этого он собрал всех егерей.

— Нам нужно обсудить последние события, — сказал он. — Ведь фактически Карл Вернер и его подчиненные поступили с точки зрения стратегии и тактики глупо. Террор порождает ответный террор. Ставки растут с каждым разом. А сейчас крестьяне больше бо-

ятся репрессий со стороны партизан, чем с нашей стороны. Результат будет тем эффективнее, чем чище наши действия. Никоим образом крестьяне впредь не пойдут на риск сотрудничества с нами, потому что у партизан тяжелая рука, и они предпочтут скорее умереть героями, чем предателями. Усвойте хорошенько, что мы не можем существовать без мирного населения. Если, когда вам приносят попить воды, вы будете бояться, что она отравлена, если, укладываясь спать, вы будете бояться, как бы ваш сон не стал последним, если каждое действие повседневной жизни, о котором вы не задумываетесь в данный момент, будет становиться поводом для беспокойства, то мы не сможем выпутаться из ситуации. Именно на это рассчитывают партизаны.

Больше я не потерплю репрессий или, скажем, сведения счетов без моего категорического приказа.

Что касается двух солдат, пропавших без вести, то, независимо от их мотивов, как солдаты они заслуживают смертной казни без всяких формальностей. Мы все поддерживаем друг друга, они, следовательно, отвергли все то, что каждый из нас для них сделал. Вам не следует их жалеть.

Завтра в семь вечера на операцию выходят четыре взвода. Командирам взводов собраться на моем КП.

Гюнтер, присутствовавший на сборе вместе с другими, печально покачивал головой: сегодня командос больше не ощущали себя ни победителями, ни даже уверенными в победе. Он все больше отдалялся от окружающего мира. Чтобы больше никогда уже не видеть, не слышать, не чувствовать сколько-нибудь эти квадратные километры России, которые начали белеть под первыми снегопадами.

На следующее утро Клаус попросил полковника Брандта обговорить на КП дивизии возможность бомбардировки взлетно-посадочных полос в лесу урочища Праня. Сведения, которыми он располагал, были

достаточно точными, чтобы бомбардировка прошла успешно. Полковник в крайнем раздражении ответил, что это невозможно. В Сталинграде идет грандиозное сражение, и туда отправлены все самолеты. Для Клауса это было неожиданностью. Он понял вместе с тем, что практически ничего не знает о событиях на фронте, и попросил разъяснений. Насколько было известно Брандту, Красная армия предприняла несколько часов назад контрнаступление к северу и югу от Сталинграда. Он ожидал новой информации.

Клаус вернулся в Алешенку, разочарованный тем, что ему отказали в бомбардировке. Он встретился с Манфредом, Хайнцем и Гюнтером, когда те яростно переругивались.

— Гюнтер прав, — кричал Манфред, — это полный провал. Партизанам помогает весь народ... Война может продолжаться двадцать лет. И они всегда могут рассчитывать на поддержку. Мы же... у нас ничего нет, возможно, есть добрая воля, но все эти люди нас ненавидят, потому что мы ничего им не дали. Кроме кровопролития. Даже здесь партизаны дают больше, чем мы.

Хайнц, помедлив, вскочил:

— Допустим, вы правы. Тогда что делать? Дезертировать?.. Запереться в своем городке с добрыми женщинами и ждать весны?.. А все погибшие ребята за что сражались?..

— Успокойся, — вмешался Клаус. — У нас серьезные неприятности с авиацией. Русские начали контрнаступление под Сталинградом. Мне неизвестны все подробности, но в Генштабе, похоже, считают, что обстановка серьезная. Надо послушать Москву, чтобы узнать больше.

Манфред не успокоился:

— Я надеялся благодаря вам всем забыть хотя бы на мгновение убийства в Гомеле. В конце концов, вы, возможно, правы. В политической или идеологиче-

ской войне цель в конечном счете оправдывает средства. Но сейчас, в этой войне, с кем мы ее ведем? С коммунизмом? Не уверен... Или, может быть, мы были не правы, и русский народ весь состоит из коммунистов и доволен своей жизнью, и надо было принять серьезные меры предосторожности. Даже если мы выиграем эту войну, я задаюсь вопросом, что мы будем делать с победой...

— Видишь ли, — сказал Гюнтер, — думаю, если бы можно было воевать так, как мы воюем — командос против банды Яковлева — и без того, чтобы страдало мирное население, то я считаю, что это было бы разумно.

Хайнц улыбнулся:

— Ты смелый парень, Гюнтер. Но если война не будет вестись так, как мы ее ведем, то сомневаюсь, что она продлится долго. Мы в конечном счете станем слишком похожими на других в силу того, что столкнемся с теми же проблемами, реакциями, усталостью... К сожалению, мы не одиноки, и нас теперь ничто не может остановить: надо идти до конца.

Потом, повернувшись к Клаусу, Хайнц спросил:

— Ты что решил?

— У нас небольшой выбор. Без сомнения, нам не удастся в этот раз выбить партизан с их позиций, потому что мы малочисленны. Думаю, нам следует беспрерывно патрулировать в этом месте, делать то, что советовал Манфред: захватывать все то, что может послужить на пользу партизанам. И охотиться...

— Ребята, любите в эту ночь крепче, мы вступаем в период воздержания!

Весь следующий день был занят подготовкой снаряжения и лошадей. Теперь командос должны были перемещаться быстро, предпочтительно по ночам, появляться в деревнях в два-три часа ночи.

Они разделились на две группы, которые охотились самостоятельно, но в одних и тех же направле-

ниях, собираясь в условленных местах через определенные промежутки времени. Клаус и Манфред выступили одновременно, Хайнц вел за собой взвод унтера Байера. Братья Ленгсфельд находились иногда в одной группе, иногда в другой. Однако чудак, игравший на флейте, проявил в конце концов недюжинные способности в работе с взрывчаткой. Рейд планировался на восемь—десять дней. Гюнтер остался в Аленшенке вместе с Людвигом и постоянной группой наблюдения.

Два первых дня прошли без приключений. Коммандос наведались примерно в двадцать деревень. Крестьяне, разбуженные глубокой ночью, собирались на холодных улицах, в то время как егеря обыскивали дома, закалывали свиней и овец, жгли зерно и муку, оставляя жителям на пропитание минимум продовольствия. Большое число крестьян получили сильное расстройство желудка, потому что предпочли съесть много быстропортящегося мяса уничтоженного немцами скота. (Что произошло с этими жителями суровой зимой при оставшемся, как выразился автор, «минимуме продовольствия», можно догадываться — очевидно, до теплых дней многие, особенно дети и старики, не дожили. — *Ред.*)

На третий день — или, точнее, на третью ночь — в месте, определенном как пункт сбора, разведчики заметили, как из одной деревни выехали запряженные телеги. Коммандос открыли огонь, но безуспешно. Рядом был лес, и, когда его достигли, следов беглецов обнаружено не было. Клаус решил сделать в этом месте привал. Ранним утром егеря обнаружили узенькую, хорошо замаскированную дорогу, где виднелись следы колес и отпечатки конских копыт.

Вместо того чтобы последовать по этой дороге, Хайнц предложил идти вдоль нее на безопасном расстоянии. И правильно сделал, потому что дорога была заминирована. Минные растяжки заметил Вольфганг.

Дорога углублялась в лес на несколько километров и уходила в болото, где ее следы терялись. Две брошенные телеги указывали на то, что ими пользовались партизаны. На одной из них виднелись большие пятна крови.

Егеря осторожно расположились у болота. Грязная ледяная вода вызывала отвращение, и Клаус сморщился при мысли о том, что в ней придется барахтаться.

Карл Вернер срезал ветку, чтобы измерить глубину болота. Он с удивлением обнаружил, что глубина велика. Или партизаны пользовались лодками, или были чемпионами по плаванию, притом высококлассными.

Большой Мартин — остерегавшийся идеей Клауса — предложил соорудить плот. По крайней мере, не придется шлепать по этой мерзкой грязи. К большому облегчению всех егерей, Клаус согласился, и в течение часа было построено два весьма примитивных плота. Десять человек, по пять на каждом плоту, отчалили без всякого энтузиазма. Их первая остановка была на своеобразном островке. Карл Вернер, который остановил один из плотов и одновременно несколько раз промерил глубину, нащупал веслом твердую землю. Это выглядело довольно странно. Объяснение нашлось после высадки на островок, где вновь появились следы от колес и копыт лошадей. Должно быть, сюда вела своеобразная дорога из бревен, уложенных вровень с поверхностью воды. Она обеспечивала легкий проход. Партизаны ее разрушили, когда заметили преследование. С другой же стороны острова подобное сооружение должно было существовать. Клаус, войдя в курс дела, приказал заложить мины на острове (братья Ленгсфельд заглянули в свои записи в маленьком блокноте, чтобы найти наиболее подходящие способы минирования) и поставить минные растяжки на плотках.

Потом егеря отдыхали, ожидая в ночи то, что могло произойти на другой стороне болота. Хайнц записал в своем блокноте, что было бы неплохо добавить к снаряжению командос надувные лодки, если они будут не слишком много весить. Но затем покачал головой: сейчас это не нужно — вскоре лед позволит пересечь болото без проблем.

В следующую ночь они преследовали две подводы. Люди, которые управляли лошадьми, были убиты. Егеря обнаружили муку, картошку и пачку листовок, одну из которых Клаус перевел:

«Советские люди!

В специальном коммюнике от 22 ноября из Москвы говорится, что несколькими днями раньше наши доблестные войска начали наступление на Сталинградском фронте. Калач-на-Дону снова стал советским. Две немецкие линии снабжения перерезаны в Советском и Абганерове. Фашисты понесли огромные потери: 14 000 убито и 17 000 взято в плен.

Запомните, товарищи, этот день!

Вспомните также слова товарища Сталина, сказанные в выступлении 7 ноября, о том, что скоро и на нашей улице будет праздник.

Да здравствует наша Советская Родина!

Да здравствует Сталин!

Да здравствуют доблестные защитники Сталинграда!»

Закончив чтение, Клаус сжег листовки, но несколько из них сунул в карман.

Если и были следы на другой стороне болота, то их стерла плохая погода. Командос, не располагая новой информацией, пустились в обратный путь, останавливаясь во всех деревнях, которые встречались на пути.

Манфред заметил оживленный вид крестьян, которые, казалось, насмешливо глядели на егерей. Все было чертовски хорошо организовано.

По прибытии в Алешенку командос с удивлением наблюдали необычное возбуждение. Навстречу Клаусу выбежал Людвиг:

— Пропал врач, господин капитан. Видимо, его похитили партизаны. Также убиты три хорошенькие женщины (очевидно, особенно активно «дружившие» с оккупантами. Таких население оккупированных территорий называло «овчками». — *Ред.*).

Среди командос воцарилась мертвая тишина. Затем Клаус, Хайнц и Манфред отправились к Хансу Фертеру.

Явно усталый и бледный, офицер разведки нетвердо встал, чтобы поприветствовать гостей.

— Пока ничего не ясно. Имеются следы лошадей, которые сразу теряются на выходе из деревни. У них, должно быть, было время, чтобы обернуть тканью копыта лошадей. Но кое-что меня беспокоит и мало обнадеживает. Гюнтер ушел не с пустыми руками, прихватил с собой набор инструментов и медикаменты.

— Это имеет какое-либо отношение к убийствам?

— По-моему, прямое. Партизаны использовали свое пребывание здесь для ликвидации коллаборационистов, или, если точнее выразиться, коллаборационисток.

— Что посоветуешь?

— Сейчас ничего. Но думаю, можно будет произвести обмен. Если, как я надеюсь, Гюнтер похищен с целью использования его медицинских услуг, у нас остается небольшой шанс вернуть его, предложив за него партизанам некоторых пленных. Проблема состоит только в том, чтобы найти подходящего посредника. И я придумал, кто им будет: старуха Усыгина.

Эта женщина много путешествует!.. Мне сообщили, что она находится в Сарочеве. Если вы согласны, предлагаю вам послать туда Манфреда.

— Я немедленно займусь этим. Дайте мне координаты старухи и скажите, как далеко я могу пойти в своих предложениях.

— В случае необходимости можно обменять всех партизан. Но пусть вернут нам Гюнтера.

Егеря с оружием в руках слонялись по улицам Алешенки, заглядывая в каждый угол, отгоняя всех, кто хотел к ним приблизиться. Когда Манфред вышел из КП, все бросились к нему с озабоченными лицами.

— Мне нужны две хорошие лошади.

Карл Вернер привел их к нему уже оседланными. Пришли, в свою очередь, братья Ленгсфельд и передали ему свое последнее изобретение: миниатюрные гранаты с большой силой взрыва, которые Манфред старательно рассовал по карманам.

Через час он уже пришел к старухе Усыгиной, которая, к его удивлению, не стала ругаться.

— Серьезное дело, бабка. Нашего врача вроде похитили. Мы хотели бы дать им знать, что готовы обменять Гюнтера на пленных партизан, и особенно на офицера по имени Гайкин. Ты можешь нам помочь?

Старуха попросила сигарету, которую выкуривала, неуклюже пуская маленькие клубы дыма.

— У тебя не табак, а сено... Если я тебе помогу, кто поручится, что вы не сыграете с нами злую шутку?

— Если Яковлев захочет, я пойду, чтобы занять место Гюнтера в их лагере до тех пор, пока его не доведут до Алешенки. Потом я останусь заложником до тех пор, пока к партизанам не вернуться все пленники. Я — офицер, бабка, и это что-то значит...

— Ты уверен, что Гюнтер еще жив?

— Нет, но можно узнать об этом.

— Это будет нелегко сделать, потому что из Москвы прибыл какой-то чин, думаю, из высокого начальства... А они далеки от наших несчастий, не всегда понимают, что жизнь отдельного человека что-то значит.

— Послушай, я принес официальную бумагу, напишу записку. Постарайся передать это, а я подожду здесь их ответа.

Манфред написал записку, текст которой согласовал с Клаусом, передал бумагу старухе, подробно переведа каждое слово.

Он сделал паузу.

— Где Женя?

— Она там, с ними.

После трех часов езды связанный Гюнтер с кляпом во рту кипел от ярости, несмотря на усталость и боль оттого, что веревки впивались в тело. У него было ощущение, будто он переживает пошлую мелодраму, но такую мелодраму, в которой уже пострадали три человека.

Четыре партизана ворвались в его комнату, когда он спал. Они утащили с собой, тщательно связав, трех деревенских женщин, напуганных до смерти.

Один из партизан, говоривший по-немецки, потребовал от Гюнтера следовать за ними. В партизанском лагере имелись раненые и больные, которые крайне нуждались в опытном враче и санитаре: ему не причинят никакого вреда.

Они относились к нему без агрессии, и Гюнтер спрашивал себя, как можно было помочь женщинам.

«Ты пришел по собственной доброй воле, не давай им повода для тревоги, и все будет хорошо. Не захочешь сотрудничать, они убьют женщин. Ты знаешь, что после этих трех они будут искать других...»

Несмотря на то что кинжалы были приставлены к горлу каждой из бедных женщин, Гюнтер считал, что партизаны блефуют. Но пока он наблюдал за происходившим, один из партизан, не говоря ни слова, вонзил кинжал в горло одной из женщин, и кровь хлынула потоком.

«Надо же, прямо в сонную артерию», — подумал Гюнтер, подчиняясь профессиональному рефлексу.

— Перестаньте, я иду... У вас есть инструменты, медикаменты?

Партизан с готовностью дал ему исчерпывающую информацию. Гюнтер приготовил пакет медикаментов, взял свой набор инструментов. С большой предупредительностью русские его связали и вывели наружу. Перед отъездом один из партизан дал знак: не оставлять за собой следов.

Клауса больше всего раздражал мягкий и дружелюбный тон, которым его похитители разговаривали с ним всю долгую дорогу. Он попросил развязать его и обещал вести себя смирно. Но партизаны сказали, что ничего нельзя сделать: они подчиняются приказу.

Когда прибыли в партизанский лагерь, день уже занялся. С прежней предупредительностью Гюнтера отвели в землянку. Его наконец развязали, и, отчаянно жестикулируя, чтобы усилить кровообращение в онемевших членах, врач начал всех ругать. В ответ прозвучал громкий смех, и он остановился в изумлении.

— Отлично, лекарь! Люди говорят, что ты хороший врач — добрый с детьми, — но почти как настоящий русский, когда злишься. На, выпей, когда успокоишься, поговорим о наших делах.

Гюнтер взял стакан, выпил и осмотрелся.

Он находился в землянке, вытянутой в длину метров на двадцать. Она слабо освещалась лампами на жидком масле или жире. В землянке присутствовало около тридцати человек. В конце длинного стола стоял его собеседник, небритый великан.

— Меня зовут Яковлев. Нам нужен врач, и я думаю, ты хорошо справишься с этим делом. Видишь, к нам приехал из Москвы человек, член ЦК, и, надо же, заболел. Придется тебе им заняться.

Яковлев поднялся, за ним — Гюнтер. Они направились в своеобразное спальное помещение в ниж-

ней части землянки, закрытое, по желанию больного, грязной занавеской. На ложе из мха и листьев лежал человек в форме командного состава. Он выглядел лет на сорок, несмотря на изможденное лицо и черные круги под глазами.

Гюнтер потребовал переводчика и начал тщательный осмотр больного. Диагноз установить было легко, но обязанность лечить ущемленную грыжу в чаще русского леса выглядела довольно комично.

Гюнтер объяснил, что нужна срочная операция. Он мог бы ее сделать, поскольку часто практиковался.

Лежавший человек постоянно стонал, уставившись в лицо врача тревожным взглядом. Вот подлинное равенство, подумал Гюнтер... когда люди боятся околеть.

Он попросил Яковлева, чтобы тот распорядился вскипятить большое ведро воды для стерилизации инструментов.

Пока ведро с водой стояло на огне, партизаны прибавляли к потолку землянки почти чистые холсты, под которыми был установлен длинный стол. Его следовало обработать креозотом. В землянке сразу стало душно, невозможно дышать. Затем собрали все источники света, какие только нашлись.

Гюнтер снова воспользовался сильно разбавленным креозотом, чтобы дезинфицировать кожу больного. Под местным наркозом он приступил к осторожному рассечению грыжевого мешка. Если кишка была защемлена долго, положение осложнилось бы. Но у больного был шанс. После тщательного осмотра, медленного прощупывания пальцами сегмента тонкой кишки, ущемленного в грыже, Гюнтер смог вправить его в брюшную полость. Закрытие брюшной стенки представляло проблему, так как мышцы были слабыми.

Через час пациента перенесли в его угол, где он заснул.

Обернувшись, Гюнтер удивился тому почтению, которое оказывали ему люди. Ему предлагали папиросы, накрыли стол и угостили его миской густого ароматного супа.

Яковлев сел перед ним и, пока немец ел, внимательно следил за тем, чтобы Гюнтеру без задержки подносили то, что ему нужно.

— Ну, поскольку я здесь, чтобы за тобой присматривать, голубчик, сообщи мне, когда будешь готов лечить других больных... или раненых. О-хо-хо, лекарь... Почему ты, такой славный парень, служишь в фашистской армии?

— Потому что я немец.

— Но почему ты сохраняешь ей верность сейчас?.. Ты должен пойти с нами. Если же твой пациент выздоровеет, тебя наградят орденом Красной Звезды.

— У меня тоже есть товарищи, и я остаюсь с ними. Ну, веди меня к своим больным.

В течение двух часов, не прекращая наблюдения за пациентом, Гюнтер осмотрел около пятнадцати партизан. Среди них была женщина, раненная пулей в икру ноги. Врач обходился без комментариев. Другой раненый бросился к нему на шею и поцеловал в губы, как принято у русских. Этого партизана Гюнтер лечил несколько месяцев назад. У него был двойной перелом ноги. Она выглядела сейчас короче. Но как сообщил ему партизан, хромота не мешала ему пользоваться автоматом, а также целоваться.

Последним Гюнтер проконсультировал Яковлева. У него образовалась язва на месте старого ранения. Она болела и мешала совершать переходы.

Гюнтер почесал затылок.

— Тебе следует посыпать ее порошком сульфамида, но у меня его больше нет.

— Тем хуже, придется похитить в каком-нибудь лаварете.

— Что будет со мной?

— Это зависит от твоего пациента, но знай: все будут довольны, если ты останешься с нами.

— Понятно... Я посплю немного. Разбудите, если надо.

Врач проспал три часа.

Когда он проснулся, его вызвал пациент. Гюнтер удивленно смотрел на него: это был как будто другой человек, гладко выбритый, самоуверенный.

— Полковник Наликин. Считаю, что ты, товарищ, отлично сделал свою работу. Это большая удача для тебя, потому что твоя жизнь стоила в это время не дороже, чем моя, я уверен, даже меньше.

Гюнтер не ответил и начал осмотр офицера.

— Когда, ты думаешь, я смогу выбраться отсюда?

— Если пешком, то не раньше чем через добрых две недели.

— Пешком — это безумие, но можно воспользоваться самолетом.

— В этом случае надо подождать четыре-пять дней при условии, что вы воспользуетесь носилками.

— Жаль, что я вышел из строя не от ранения пулей, — подумал вслух Наликин. — Меня немедленно повысили бы в звании и наградили по возвращении в Москву. Но это кое-что, — сказал он, выпячивая живот. — Я сам принял решение провести несколько дней среди этих простых людей. Никогда не думал, что они так воняют... Видишь ли, товарищ врач, ты ведь образованный человек, сейчас как раз тот момент, когда чувствуется разница.

Вполне удовлетворенный тем, что сочинил дурной каламбур, Наликин усмехнулся. Затем он перешел на конфиденциальный тон:

— Да, они храбры, но не умеют использовать благоприятные моменты. Уверен, что вы не забыли солдата, которого мы повесили за ноги. Это весьма поучительный опыт для всех. Настолько поучительный, что к

партизанам присоединяются все жители деревень. Это успех, не так ли?

Ошеломленный, Гюнтер продолжал смотреть на Наликина. «Он серьезен, как унтер-инструктор на стрельбище», — подумал он.

Потом Наликин долго рассказывал ему о Москве, об офицерах, с которыми был знаком, о женщинах, за которыми ухаживал.

— Послушай, лекарь, операция, которую ты мне сделал, не помешает любви?

Гюнтер дал понять, что не помешает, затем прервал разговор под предлогом необходимости осмотреть раненых. Наликин покровительственно разрешил ему это.

Врач прошел через землянку в поисках Яковлева. Ему было душно, он нуждался в свежем воздухе. Он встретил великана у двери в явном ожидании. Они вместе вышли. Яковлев, присутствовавший в начале разговора с Наликиным, казалось, чувствовал себя неловко.

Гюнтер похлопал его по плечу:

— Все в том же духе, ты знаешь.

Оба мужчины рассмеялись и направились к большому костру, где на длинных вертелах жарили куски мяса.

Когда глаза привыкли к свету пламени, врач огляделся вокруг. В пяти метрах он увидел женщину, стоящую рядом с большим светловолосым парнем, и узнал Женю. Их взгляды встретились, но и он и она не сдвинулись с места. Гюнтер, чтобы не выдать волнения, спросил Яковлева:

— Зачем вы держите женщин?

— Они такие же прекрасные советские люди, как и мужчины. А женщина незаменима в стирке, штопке и стряпне. И потом, она помогает мужчине устроиться более удобно. Поэтому он сражается с большим энтузиазмом.

Вечер прошел спокойно. К двадцати трем часам Яковлев сообщил Гюнтеру, что все собираются послушать информацию из Москвы. Это было время, когда окружили 6-ю армию в Сталинграде.

По окончании радиосообщения раздался взрыв восторга. Все радовались, целовались, потом запели «Интернационал». Гюнтер трясущимися руками прикурил сигарету, потрясенный на этот раз красотой революционной песни, которую он плохо знал. Он был напуган той народной мощью, которую ощутил.

На следующее утро он сменил повязку Наликину, воспользовавшись рубашкой одного партизана, которую тщательно постирала одна женщина. Самоуверенный и совершенно одиозный, Наликин приказал Гюнтеру спороть нашивки с мундира: они здесь не нужны. К счастью, прежде, чем Гюнтер послал его к черту, пришел Яковлев за медицинской консультацией.

Женя стала третьей пациенткой. Молодая женщина очень нервничала.

— Мне нужны не твои услуги, а советы. Я беременна и предпочту скорее умереть, чем родить ребенка, которого заподозрят в том, что он немец. Я вернулась к партизанам и выхожу замуж за парня, невестой которого была еще до войны. С какого месяца беременности ребенок может родиться и жить?

— Через восемь месяцев... семь с половиной...

Женя произвела в уме быстрый подсчет и покачала головой.

— Но почему тебе не сделать аборт?

Молодая женщина опустила голову.

— Я хочу его сохранить... Ладно, товарищ врач, прощайте. Я знаю, что могу вам доверять.

Гюнтер посмотрел ей вслед.

Закончив консультации, он вышел из землянки и смешался с партизанами. Услышанное сообщение советского радио их возбудило, он слышал разговоры о боях, об убитых немцах. Он также чувствовал замеша-

тельство оттого, что соответствующие наставления Наликина медленно приносили плоды. Нужно было ожесточить людей, подавить в них жалость, и статьи в газетах, которые он читал — за подписью некоего Эренбурга, — призывая к убийствам, насилию, грабежам, воздействовали на них гораздо больше, чем жестокость и героизм Яковлева. «Женщины и дети, молодежь и старики, — писал Эренбург, — должны отплатить за преступления немецкой армии на территории нашей Родины» (Сталин не поддержал выдержанные в ветхозаветном духе призывы таких, как И. Эренбург, и сказал, что «гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». — *Ред.*). Что произойдет, если все эти люди хлынут на немецкую территорию?

К полудню внезапный ажиотаж привлек внимание врача. Лагерь пересек разведчик верхом на лошади и направился к землянке Яковлева.

Гюнтер направился к ней из любопытства. До него доносились голоса разговаривавших Наликина и Яковлева, но подойти ближе мешал часовой, прохаживавшийся вокруг землянки.

Минут через двадцать вышел явно разгневанный Яковлев и подошел к немцу:

— У меня для тебя новости, лекарь. Твой офицер предложил обменять тебя на пленных, которых вы захватили. Я хотел бы тебя сохранить у себя, но еще больше мне нужны мои тридцать парней. Стоило держать тебя здесь для такой прогулки! Но даже при всем этом я был рад твоему присутствию. Ну, что скажешь?

Гюнтер опустил голову, не отвечая. Он думал о тех пленных, которым спасал жизнь и которые, в свою очередь, спасут его от смерти или, по крайней мере, от невыносимого плена.

— Один из твоих товарищей займет твое место здесь и будет оставаться заложником до тех пор, пока ты не вернешься в Алешенку. Потом вернутся наши.

Гюнтер нахмурил брови и представил себе то, чего это могло стоить Клаусу. Нет, не Клаус придумал эту идею, скорее Ханс Фертер. И единственным, кто мог предложить себя на обмен, был Манфред. Его охватило тревожное ожидание.

Манфред прибыл в лагерь партизан с завязанными глазами и связанными руками. Точно так же, как это было с Гюнтером. Он сидел в седле с непокрытой головой.

Их радость от встречи была бурной, и партизаны удовлетворенно качали головами, видя, как они хлопают друг друга по плечам.

В этот раз Манфред выглядел спокойным и расслабленным.

— Нам нельзя терять ни минуты, пока все идет как надо. Что я прошу тебя, так это скрупулезно выполнять мои указания. Как только будешь в Алешенке, передай мне весточку о твоём благополучном прибытии. Передай ее немедленно партизану, который будет тебя сопровождать, для последующей переправки ее, в свою очередь, мне сюда.

Не раньше чем через полчаса после твоего прибытия ты вручишь Клаусу письмо, которое я тебе дам. Но прошу тебя, в знак нашей дружбы, выдержать этот срок.

— Согласен, не беспокойся. А пленные?

— Их должны будут освободить через час после твоего прибытия. Мы уже договорились о месте, где выпустим пленных, чтобы партизаны их забрали.

В некотором сомнении Гюнтер спросил, не будет ли обмана. Манфред заверил, что все будет хорошо. После осмотра в последний раз Наликина и объяснения партизану, работавшему в лазарете, как ему следует производить перевязки, Гюнтер приготовился уходить.

Яковлев сопровождал его и, когда тот сел в седло, крепко пожал ему руку. Потом он взглянул врачу в глаза и сказал:

— Видишь, теперь если я тебя встречу, то должен буду убить. Но дело не в этом, ты мне понравился.

На первые километры Гюнтеру завязали глаза, потом была продолжительная, приятная и смелая поездка.

По прибытии в Алешенку он, не теряя ни секунды, отправился в лазарет, написал записку для Манфреда и передал партизану пакет медикаментов, включая коробку лично для Яковлева.

Точно выполняя указания Манфреда, он выждал время для передачи письма Клаусу.

Начал падать снег.

Манфред ходил взад и вперед перед землянкой Яковлева под пристальным наблюдением партизан.

Если его подсчеты правильны, разведчик должен вернуться минут через десять. Он напряженно вглядывался в деревья, небо, прислушивался к приглушенным голосам.

С прибытием разведчика был созван общий сбор. Он передал Манфреду письмо и пакеты.

Увидев пакеты, Манфред не удержался от улыбки: врач был решительно неисправим. Он прислал Яковлеву, с которым сблизился, коробку сульфамида для лечения язвы ноги и медикаменты для партизанского лазарета. Затем прочел письмо.

«Я разжег костер, чтобы забить тучного теленка по случаю возвращения блудного сына. Поторопись. Мы ждем тебя».

Манфред передал письмо Яковлеву.

— Когда мы выступим навстречу нашим? — спросил гигант.

Манфред взглянул на часы и ответил спокойно:

— Через час.

Русские, ожидавшие посылку с медикаментами, завели разговор с Манфредом. Обсуждали Сталинград,

и возбужденные партизаны слушали, как немецкий офицер подтверждал их скорую победу.

На Манфреде был мундир, но он надел куртку Клауса, а не ту форму СД, что носил в Гомеле. Он постоянно следил за временем и попросил попить.

Около двадцати партизан начали седлать лошадей. Их подбадривали радостные крики товарищей. Другие разжигали огромный костер, готовясь к вечернему пиру.

Оставалось еще десять минут.

В этот момент Манфред заметил Женю. Несколько секунд он смотрел на нее, потом удалился.

Потом в тишине прозвучал его повелительный голос.

— Ваши приготовления бесполезны: ваши товарищи не придут, потому что я лично отдал приказ и прибыл представить вам доказательство.

Манфред тяжело дышал, засунув руку глубоко в карман и наклонившись вперед.

А затем раздался взрыв, и его тело рухнуло в снег.

Партизанами овладела ярость. Пинками сапог, ударами прикладов, палок и лопат они превратили труп в кровавое месиво.

Яковлев выждал некоторое время, затем приказал сжечь на костре эти окровавленные останки, чтобы они исчезли навсегда.

Женя, ухватившись рукой за овчинный тулуп Ковалева, смотрела жестким взглядом, как к небу поднимаются сполохи яркого пламени.

После того как прошло полчаса с того момента, как он вернулся от партизан, Гюнтер передал Клаусу письмо Манфреда. Тот обеспокоенно распечатал его в некотором удивлении. Скользя взглядом по первым словам, он поднялся с мертвенной бледностью на лице и продолжил чтение вслух громким голосом.

«Дорогой Клаус!

Я глубоко обдумал нашу проблему. Если мы совершим обмен, безопасность командос будет поставлена под вопрос. Эти тридцать партизан, которых мы выпустим, знают нас в лицо, наши приемы, наш образ жизни. Кроме того, нас не оставит тревога.

Хайнц сказал однажды, что жалость ничего не дает и что для спасения одного ставится под угрозу вся группа. Именно это и случится, если мы выполним до конца то, о чем договорились. Вот почему я решил изменить игру. Я обеспечил гарантии возвращения Гюнтера, потому что знаю, насколько он ценен для нас.

С того момента, как Гюнтер окажется среди вас, больше ничего не предпринимайте.

Братья Ленгсфельд дали мне две свои миниатюрные гранаты, и я полностью уверен, что они гарантируют мою смерть.

На войне не бывает умной смерти. Но иногда она может быть полезной. Считаю, сегодня тот самый случай.

Необходимо также, чтобы вы отказались от расстрела пленных, потому что будет прискорбно, если вам придется вновь столкнуться с той же проблемой. Не забывайте: они теперь представляют постоянную угрозу для вас всех.

Вот и все. Прощайте. Ваша дружба составляет единственную истину на этой войне.

Р. С.: Женя находится в лагере, куда я иду умирать. Прекрасные трагедии в замках на берегах реки Неккар... тоже абсурдны?»

Хайнц первым протянул к Клаусу руку, чтобы взять и перечитать письмо. Гюнтер плакал, бесшумно и не таясь.

Людвиг, готовивший вечерний стол, подошел к офицерам, и Клаус ввел его в курс дела.

— Ублюдки... Нам нужно отомстить им, господин капитан. А пленные — их пристрелить сразу?

— Пока не знаю. Скажи унтеру Байеру, чтобы привел командос в боевую готовность и удвоил караулы.

Снаружи снег падал крупными и тяжелыми хлопьями. Солдаты оделись в свои белые маскировочные комбинезоны, оставшиеся с прошлой зимы.

На следующее утро все командос в полной форме отдали последний долг Манфреду. Унтер-офицер Вернер установил ночью крест с надписью:

МАНФРЕД ФОН РИТМАР

(1919—1942)

Погиб в бою 25 ноября 1942 года

Глава 8

ОДИНОКИЕ ВОИНЫ

Через двадцать четыре часа прибыли три офицера СД расследовать гибель Манфреда фон Ритмара.

Они поставили в вину Клаусу содержание пленных вопреки официальному приказу ОКВ и потребовали немедленно доставить к ним захваченных партизан. Кроме того, к командос, согласно официальным предписаниям, был приставлен новый офицер службы безопасности СС в Брянске.

Ночью Хайнц решил позволить Гайкину бежать. Он объяснил ему, в чем дело. Русский офицер спросил, почему он его освобождает.

— Видимо, по глупости. Но кое-кто отдал жизнь за всех нас. Я передаю тебя твоим, чтобы эта смерть не оказалась полностью бесполезной. Но она будет таковой, если твои не поймут, почему теперь пленных должны казнить.

Гюнтер выдал свидетельство о смерти для оправдания исчезновения русского офицера, а офицеры СД повели на расстрел пленных, смирившихся со своей судьбой.

28 ноября среди командос появился лейтенант СД Вальтер Заукен. Светловолосый, довольно коренастый, с правильными чертами лица, он произвел на всех приятное впечатление, но не на Гюнтера, которого настораживали слишком извилистая линия рта вновь прибывшего, его бегающие глаза и большие дряблые руки. Заукен проявил похвальное усердие в изучении обстановки и карт района. Но он порицал расхлябанность

солдат, фамильярные отношения между офицерами. А вечером, когда Клаус, Ханс Фертер и Хайнц собрались послушать московское радио, он вышел из комнаты, хлопнув дверью. Клаус вскочил и окликнул его резким тоном:

— Приказываю вам оставаться в комнате. Вот бумага и карандаш, пожалуйста, составьте донесение о советской сводке. Мы увидим, соответствует ли ваше знание русского языка заявленному уровню.

Прослушивание радио было прекрасной практикой: помимо информации, которую из него извлекали, офицеры упражнялись в знании языка. По окончании сводки в момент, когда началась передача песен для партизан, Клаус нажал кнопку выключателя и повернулся к Заукену:

— Я вас слушаю...

С едва сдерживаемой неприязнью офицер СД начал читать:

— Оборонительные бои на Дону и Чире. По периметру Сталинграда наши войска предприняли атаки на несколько оборонительных линий противника. В окруженном городе...

Заукен запнулся и бросил со злостью свой листок бумаги на пол, после того как три офицера начали смеяться.

Весь следующий день учебные стрельбы проводились особенно придирчиво. Жизнь каждого командос зависела от его быстроты и точности стрельбы очередями. И Клаус регулярно проводил проверку способностей своих солдат в этом жизненно важном для них деле.

Клаус внимательно следил за действиями Заукена, и, если последний показывал плохие результаты, он ждал, когда тот поднатаскается.

Во время ужина Клаус окликнул Заукена:

— Вы наказали одного из моих людей. Напоминаю, что в спецподразделении только командир имеет

право налагать взыскания. Впредь вы обязаны объяснять мне мотивы взыскания, и я — только я — вправе определять их обоснованность.

С другой стороны, было бы неплохо, чтобы вы помнили, что каждый егерь сейчас более подготовлен и умел по сравнению с вами. Может, кто-то из них будет прикрывать вас в бою, потому что, судя по стрельбам после полудня, вы промахнетесь, стреляя в корову, которая застряла в воротах. Хорошо вбейте себе в голову, что в этом подразделении командос в данный момент вы ничего не значите. У вас нет никакого опыта. Это вы должны подняться на уровень других егерей.

Заукен опустил голову:

— Слушаюсь, господин капитан.

Офицер СД был неглуп. Узнав историю Манфреда, он усомнился, что будет принят группой в качестве нового соратника. Кроме того, до пребывания в подразделении командос он ни на мгновение не представлял себе, что сможет вести подобную жизнь охотника. Когда в Брянске оперативный отдел СД потребовал добровольца для отправки в Алешенку, он предложил себя, частью из тщеславия, частью из желания выбраться из города, но потом горько раскаялся.

Ему не нравилось все — люди, их работа, умонастроения, наконец. Подача рапорта на эту группу ничего не даст. С одной стороны, капитан Штюмме располагал связями в верхах, с другой — командос имели такую репутацию, что Заукен рисковал получить серьезный нагоняй. Он решил делать хорошую мину при плохой игре.

К 15 декабря возобновилось патрулирование по прежней схеме: два дозора через два часа в одном направлении и два других дозора,двигающиеся параллельно, с пунктами сбора через интервалы в шесть—десять часов. Мороз и снег затруднили передвижения. Но снег сохранял следы лучше, чем грязь, и братья

Ленгсфельд напичкали тропинки в лесу невероятным количеством минных ловушек.

По их рекомендациям Карл Вернер изготовил очень тонкие планки, длиной сорок сантиметров, которыми накрывали ямки, выкопанные на тропах; на дно ямок брата Ленгсфельд помещали гранаты. Планки, аккуратно присыпанные снегом, под весом человека ломались, и происходил взрыв.

Имелось также то, что Вольфганг называл «дублем». В одном проходе он установил маленькую деревянную коробку, снабженную сегментом антенны. В ящике содержался только маленький зенитный снаряд без заряда, вполне безвредный. Зато с каждой стороны он расположил настоящие ловушки из гранат. Во время первой закладки он попросил десяток человек симитировать продвижение партизан. В момент, когда передовой разведчик увидит мину, что будут делать другие? Вольфганг скрупулезно отмечал то, каким образом рассеивались солдаты, и, повторив эксперимент несколько раз, он понял, где заложить гранаты.

Коммандос подождали четыре-пять дней, перед тем как проверить свои ловушки и отметить число убитых партизан.

Хайнц, со своей стороны, неустанно отмечал все опасные места. Подобно морякам он разделил район на небольшие квадраты: отметки стали менее сложными, а радиосвязь с Фертером значительно упростилась.

Но оставалась другая насущная проблема. Частые осенние рейды, несомненно, лишили партизан важных источников продовольствия. К несчастью, коммандос косвенно тоже пострадали от этого. Более того, обеспечение продовольствием в деревнях сократилось до полуголода. И когда они останавливались в какой-нибудь деревне, сохранение лошадей становилось столь же важным, как и забота о людях. Придет время, когда им нужно будет расстаться со своими

упряжками, меньше пользоваться санями. К тому же надо кормить животных.

Заукен, удрученный такой изнурительной жизнью, заметно похудел и во время остановок падал от утомления. Его обычная неловкость дошла до такой степени, что Клаус решил оставлять его в Алешенке до возвращения командос с задания.

Обстановка была неблагоприятной. Фактическими хозяевами ночи были партизаны, которые свободно перемещались по дорогам. И с наступлением сумерек все немецкие воинские подразделения укрывались в укрепленных деревнях и опорных пунктах, не выходя за их пределы. По утрам формировались обозы в крупных населенных пунктах, расходящиеся по разным уголкам района для доставки продовольствия и боеприпасов.

Не проходило и дня, чтобы партизаны не совершали диверсий на автогужевых или железных дорогах, не взрывали складов продовольствия и боеприпасов. Была взорвана комендатура Добрянки. Войска теснились в блокированных населенных пунктах, а солдаты, находящиеся в изоляции, подписывают себе смертный приговор.

Что могли поделаться в этом водовороте четыре взвода командос с противником, который быстро и легко перемещался, который буквально растворялся среди местных жителей? Только благоприятный случай или чрезвычайно ценная разведывательная информация позволяли Клаусу и его команде проводить операции.

Когда Клаус, разочарованный скромными результатами долгого патрулирования, решил вернуться в Алешенку, он выбрал прямой путь. Его следовало проделывать в один переход и ночью.

Между тем лагерь находился в двухстах метрах от дороги, в лесном выступе, откуда открывался великолепный обзор.

К десяти часам вечера часовые сообщили о прохождении в северном направлении десятка партизанских саней. В несколько минут командос готовились к охоте. Последовал приказ преследовать партизан, открывая огонь лишь в случае крайней необходимости.

На последних санях Хайнц, сидевший рядом со съездившимся Заукеном, наблюдал за дорогой. Приглушенное восклицание одного из егерей вывело его из состояния беспечности.

— Черт! Позади нас какие-то типы.

Навострив слух, солдаты отчетливо услышали металлический скрежет полозьев многочисленных саней и топот копыт лошадей.

— Нас хорошо обслуживают сегодня вечером спереди и сзади!

— Имеется в виду сэндвич, — проворчал Людвиг.

— Может, партоши примут нас за своих дружков. В конце концов, не опознавать же себя светящейся свастикой.

— Заткнитесь, сейчас не время демонстрировать свое остроумие.

Заукен, встревоженный возбуждением людей, сильно испугался. Хайнц вовремя это заметил и отвесил ему удар кулаком, чтобы тот не закричал от ужаса. Перед тем как он вытянулся на санях, Хайнц запихнул ему в рот кляп. Один из егерей побегал предупредить сани, ехавшие впереди, а также другие, вплоть до головной упряжки.

Должно быть, прошло четверть часа, перед тем как новость узнал Клаус.

Пока он размышлял над тем, что нужно делать, впереди появилось темное пятно деревни, и Клаус приказал следовать с той же скоростью.

У въезда в деревню сани партизан остановились по обочинам дороги, образовав для командос что-то вроде почетного караула.

Клаус решил попытать счастья. В конце концов, партизаны знали, что за ними шла другая группа. Следовательно, можно тихонько проехать. Его сани достигли холма, где стояли первые русские. Он помахал рукой и произнес несколько невнятных слов.

Когда Большой Мартин понял, что нужно проехать, он начал насвистывать «Интернационал»: это стоило того!

Крайне удивленными выглядели Хайнц и его парни, проезжая, как на параде, под носом у партизан, в самой их гуще.

По выезде из деревни Клаус прикинул, что прошло пять—восемь минут до того, как вторая группа партизан достигла, в свою очередь, места, где остановилась первая группа, и обман открылся. Он соскользнул с саней на дорогу, пропустил мимо себя колонну и оказался рядом с Хайнцем, который похлопал его по плечу в восхищении.

— К счастью, никто не знал тех, кто приедет, иначе не думаю, что мы смогли бы удрать. Ну... а сейчас?

— Они начнут нас преследовать... Поэтому надо продолжить движение. Особенно потому, что их добрая сотня, по-моему, и сейчас они разобрались, в чем дело. Я не считаю разумным играть в солдатики. — Клаус повернулся к Вольфгангу Ленгсфельду: — В твоём вещмешке имеется какой-нибудь сюрприз для задержки Красной армии?

Ленгсфельд посмотрел на него с укоризной:

— Видите ли, господин капитан... Если спешиться, сделаем все, что хотите, но на марше мы взлетим на воздух вместе с моими изделиями.

Оханье Заукена привлекло внимание Клауса.

— В чем дело? — спросил он.

— Я думал, он начнет выть как собака, и заставил его притихнуть.

— Не делай больше этого.

Затем они услышали отдаленные крики, несколько выстрелов, и Клаус понял, что не ошибся в своих расчетах. Партизаны бросились в погоню ровно через шесть минут.

— Как ты думаешь, наши люди смогут немного побегать рядом с санями, всего лишь несколько минут? Тогда мы поедem гораздо быстрее.

Сейчас не надо было сохранять молчание. Хайнц прокричал приказы. Наиболее крепкие из егерей, ухватившись рукой за сани, побежали, и скорость движения увеличилась.

Затем установили на санях пулеметы и стали ждать.

Вольфганг Ленгсфельд повернулся к Клаусу:

— У меня идея. Если мы подожжем какие-нибудь из своих саней, пламя напугает лошадей партошей. Может, выиграем немного времени. Положим в сани все, что может гореть, и запас бензина. Я добавлю несколько гранат... Будет большой пожар.

Хайнц передал приказ доставить на последние сани одежду, которая не использовалась, охапки хвороста и соломы. Было нелегко перемещаться от передних саней к задним и стараться побыстрее занять свое место в колонне.

— Господин капитан, что делать с нытиком?

Клаус подошел к Заукену и рывком вырвал кляп из его рта.

— Послушайте, Заукен. Вы можете пробежать несколько минут?

— Не знаю.

— Вам нужно это сделать, иначе вы взорветесь.

На мгновение тот сел, свесив ноги к обледеневшей дороге, затем, подгоняемый Клаусом, устремился к саням, ехавшим впереди. Поравнявшись с Заукеном, Штюмме сильно толкнул его в спину, и Заукен распластался на дощатом настиле саней.

Между тем Ленгсфельд приготовил свою горючую смесь. Он предложил всем отойти в сторону, оставив

рядом с собой только Большого Мартина и еще одного солдата.

Когда все было готово, Большой Мартин с помощником обрезали поводки лошадей, которые прочно держали их недоуздки. Ленгсфельд, не прекращая бега и держась в стороне на дистанции примерно двадцать метров, швырнул две зажигательные гранаты. Сильный взрыв разорвал тишину, и большие сполохи красноватого пламени осветили дорогу. Затем командос без промедления последовали своим путем.

Головные сани партизан, очевидно, остановились. Лошади встали на дыбы и рванули в сторону. Опасаясь, что обочины дороги заминированы, русские тщательно проверили местность в стремлении обойти место пожара. Когда преследование возобновилось, они потеряли еще десять минут.

Командос быстро приближались к Алешенке. Люди, на грани истощения, побросали в сани все свое оружие, потом свои полушубки. Большому Мартину показалось, что его ноги превратились в лопасти ветряной мельницы, которые вращались сами по себе.

У первых изб Алешенки Клаус дал предупредительный сигнал, и люди повалились на снег, хрипло дыша и обливаясь потом.

На сигнал прибыли Ханс Фертер и Гюнтер. Врач начал поднимать людей пинками и заставил их одеться. Потом он занялся Заукеном, который неподвижно лежал в своих санях. Он клацал зубами и, казалось, бредил. Сочувствуя, Гюнтер велел двум солдатам отнести Заукена в лазарет. Те были настолько взбешены, что готовы были свернуть пациенту шею. Ханс Фертер приказал принести горячий суп, крепкий кофе, сахар и сигареты, поскольку сейчас не было сомнений в необходимости передышки. Было бы странно, если бы основная часть партизан подошла к деревне.

Яковлев хорошо продумал, как преследовать командос до конца, но времени до рассвета оставалось

недостаточно, а ввязываясь в бой, он нарушил бы приказы из Москвы. Партизаны повернули назад, диверсионные проекты, задуманные на ночь, не осуществились.

На следующий день Гюнтер сообщил Клаусу, что у Заукена двустороннее воспаление легких и что, несмотря на сульфамиды, его состояние не очень обнадеживает. Нужно срочно предупредить отделение СД.

Когда об этом сообщили Хайнцу, он сокрушенно покачал головой:

— Умереть на носилках — вот все, что может сделать этот бедняга. Наконец-то мы от него избавимся. Но пожалуйста, Клаус, выбирай следующего кандидата лучше.

Как только в Брянске узнали о болезни Заукена, с первым же конвоем в Алешенку прибыли два офицера СД. Состояние больного сильно ухудшилось, и, с выражением лиц, соответствующим обстоятельствам, они пришли побеседовать с Клаусом. Тот заявил им, что если в его группу пришлют такого же офицера, как этот, то он немедленно отошлет его обратно. Ему нужны хорошо подготовленные, обученные люди в хорошем физическом состоянии, а не хлюпики. Раздосадованные, офицеры СД заверили Клауса, что сделают в Брянске все, что необходимо, но, по их мнению, из-за зимы руководство СД временно воздержится от посылки другого офицера. Ночью Заукен умер, и его похоронили без траурных церемоний. Курта Рейнхардта, произведенного в унтер-офицеры, назначили командовать бывшим взводом Манфреда.

С приближением Рождества в районе, казалось, установилось подобие перемирия, и люди при поощрении Гюнтера начали строить планы.

Людвиг и Эрнст Райхель много передвигались, не заботясь о приказах и правилах. Они тайком присоединились к одному обозу и привезли назад какие-то безликие мешки, которые поспешили спрятать. Жен-

щины, также захваченные предпраздничной атмосферой, делали уборку в домах, расчищали от снега проходы к избам.

Гессенцы срубили в лесу несколько елей, украсив их бумажными цветами. Вечером в сочельник в большом теплом амбаре все командос — солдаты и офицеры — праздновали Рождество. Часовые менялись каждые полчаса, чтобы все егеря смогли временно забыть в эту ночь лес, снег и насилие.

Через минуту Ха-Йот включил, не подумав, радиоприемник и произвольно поймал передачу из Москвы:

«Утром 24 декабря 2-я гвардейская армия и 51-я армия окончательно отбили наступление фашистских войск Манштейна и Гота. Немцы повсюду отступают, и, несмотря на яростные контратаки, их танковые силы отброшены за реку Аксай. Последняя надежда немцев на деблокирование своих войск в Сталинграде только что рухнула навсегда. Час возмездия близок. Наши корреспонденты на передовой сообщают, что фашистам больше нечего есть, их раненые умирают десятками тысяч. В этом районе установился сильный мороз и дуют сильные ветры. 6-я армия потеряла...»

Хайнц и несколько солдат, услышав эти новости, выпили залпом по большому стакану водки. Клаус, желая спасти несколько часов забвения, повернул валик настройки на Берлин. Это было катастрофой. Мужественный голос говорил с волнением о доблестных воинах Сталинграда. В этот вечер в каждом доме немцы, собравшись вокруг традиционного рождественского стола, думают о тех, кто вдали от родины защищает цивилизацию от свирепых большевиков и...

Удар ноги заставил приемник подпрыгнуть. Люди начали ругать Гитлера, генералов, Сталина, красивых женщин, Красную армию и национал-социализм.

Клаус был вынужден накричать на них, чтобы во дворить тишину. Что касается ужасно пьяного Большого Мартина, то он бросился в постель, бормоча со слезами в голосе:

— К счастью, мы, по крайней мере пока, свободные люди.

В Рождество, в восемь утра, полковник Брандт поднял командос по тревоге. В засаду попал обоз, и Клаус с людьми должны были немедленно срываться с места.

Унтеру Байеру следовало сделать отбор самых боеспособных людей, но они явно не могли держаться на ногах.

Большой Мартин, все еще выдыхавший пары алкоголя, пожелал отправиться немедленно и появился со всем оружием, но без штанов. Его длинные костлявые и волосатые ноги, высунувшиеся из крохотных фиолетовых в полоску трусиков, вызвали гомерический хохот. Понадобилось не менее двух человек, чтобы увести его.

Примерно тремя взводами командос тихонько и без большого энтузиазма пошли дорогой в район Добрянки. Они прошли Яролишев, где собрались другие подразделения, чтобы принять участие в операции. Шесть грузовиков с солдатами проехали мимо них как бы в насмешку. Курт Рейнхардт, сидя в первых санях, наблюдал за их отъездом с философским спокойствием.

Вскоре в трех километрах от них головной грузовик подорвался на mine. Когда прибыли Клаус с людьми, шестеро убитых и двенадцать раненых немецких солдат лежали рядком на обочине дороги, в то время как грузовик пылал.

Офицер, командовавший подразделением, бросился к Клаусу, который впервые надел на шерстяной шлем форменную фуражку.

— Господин гауптман... Это в Рождество... ужас...

— Должно быть, потому, что никто не предупредил их, — прорычал Клаус. — Немедленно отправьте в Яролишев раненых и убитых на пригодном грузовике. Вы же и ваши люди присоединяйтесь к командос.

— В пешем строю, господин гауптман?

— Ну и что? Согреетесь. Соберите все свои вещи — и в путь.

Колонна выступила. В этот раз ее вел Карл Вернер, который правил первыми саними при помощи очень длинных вожжей, позволявших ему находиться на дистанции в десять метров от головы лошади. Если бы попалась мина, то восемьдесят процентов взрывной силы досталось бы лошади.

Хайнц в последний раз бросил на него взгляд и рассмеялся, наблюдая за необычным темпом передвижения колонны. Затем он замедлил ход, увидев, как несчастные пехотинцы, тяжело дыша и спотыкаясь, стараются поспеть за командос.

Понадобился час, чтобы добраться до места партизанской засады. Здесь все закончилось, и солдаты, выжившие после нападения партизан, установили вокруг сожженных машин проволочные ограждения. Лейтенант, с рукой на перевязи, отдал Клаусу честь.

— Девять раненых, десять погибших и семь пропавших без вести, господин гауптман!

— Как это произошло?

— Они стреляли в нас с возвышенности по последним машинам. Затем, во тьме, сомкнув ряды, мы попали к востоку на минное поле: именно там нас поджидали партизаны. Потом им удалось блокировать три последних грузовика, живая сила которых вынесла на себе основную тяжесть боя и понесла самые большие потери, конечно.

— Сколько времени это продолжалось?

— Четверть часа, двадцать минут... Не знаю.

— Вы можете показать, где их стрелковые позиции?

— Могу, некоторые. Но если хотите, можете спросить солдат.

Коммандос снова помогли погрузить раненых и убитых, прошли мимо апатичных, дрожавших от холода солдат. Это было действительно жалкое зрелище, и Хайнц попросил Людвига выдать им шнапса, который всегда держал при себе повар.

Потом подошли подкрепления, и Клаус с егерями, которым здесь делать было нечего, отправились на запад искать следы партизан. Пришлось расстаться с лошадьми и санями, которых оставили под охрану солдат и одного егеря.

Клаус руководствовался отметками огневых точек, сделанными офицером. Снег, еще мягкий, проваливался под ногами, и это сильно затрудняло движение. Менее чем через километр передовой дозорный дал знак, что обнаружил странную вещь. Егеря рассредоточились и начали медленное продвижение.

Перед уходом партизаны взяли на себя труд оставить большое полотнище, на котором корявыми буквами было написано: «Сталинград».

Хайнц схватил автомат и дал длинную очередь.

Клаус пытался определить маршрут партизан по карте, разостланной перед ним. Они должны были снова уходить в те проклятые болота, которые егеря обнаружили осенью.

Клаус с пятнадцатью егерями был абсолютно не готов углубиться в этот район, особенно днем. После некоторых колебаний он обратился с просьбой к полковнику Брандту дать приказ о возвращении.

В двадцати минутах хода отсюда находилась деревня. Клаус решил пройти к ней. Не видя никого на главной улице, егеря начали проверять избу за избой. В каждом доме грелась семья, и при виде солдат все ее члены становились спиной к стене и поднимали руки вверх. Клаус и Курт Рейнхардт, войдя в один дом, с удивлением увидели, что все члены семьи вы-

строились не у печки, но сгрудились на некоем подобии старого ковра в углу дома.

Стонала одна женщина, и Клаус, несколько заинтригованный, подошел ближе. Очевидно, происходили роды, и развязка была близка.

Пожав плечами, он собрался уходить, но внезапно обернулся и посмотрел более внимательно. В тот же момент рядом с ним оказался Рейнхардт.

— Выстрелы из деревни Воржны, — пробормотал себе под нос Клаус. — Рейнхардт, сбегай приведи ко мне двух-трех парней.

Через несколько секунд на подмогу прибыли Людвиг и Ха-Йот. Рейнхардт выгнал всех обитателей дома наружу, сорвал ковер, на котором была оставлена женщина, и, как ожидалось, они увидели крышку погреба.

— Можешь идти, Рейнхардт. Они наверняка не станут прятать в этой крысиной норе крепких парней.

В сырой темноте подполья лежали пять человек, видимо тяжело раненных. Их вытащили без особой осторожности. Последним оказался немецкий солдат. Он был связан.

Клаус быстро осмотрел его. На плече солдата виднелась загноившаяся рана, должно быть, он потерял немало крови. Партизаны, зная о том, что их преследуют немцы, избавились от этого балласта, затруднявшего их движение. Пленник, очнувшись в норе, стал кричать от страха. Русские же раненые упорно молчали.

Тяжелораненых русских вытащили наружу. На них наставили автоматы. Клаус затруднился скомандовать. Но Хайнц дал очередь первым. За ним последовали другие.

— Это рождественский подарок для тех солдат конвоя, которые превращаются сейчас в глыбы льда, — сказал Хайнц хриплым голосом.

В это время Людвиг помогал русской женщине произвести на свет младенца. Тот издал громкий крик, нарушивший молчание людей. Потом, услышав возбужденные голоса, Людвиг выкрикнул:

— Мальчик!

Все захотели взглянуть на него, поздравляя мать и всю семью. Ха-Йот, растроганный до отупения, снял свой шарф, положив на младенца. Затем, осмотрев убитых партизан, командос направились в Алешенку.

Вечером за ужином Клаус рассказал о происшествиях Рождества Гюнтеру и Хансу Фертеру.

— Вы уверены, что не мечтали о рождении ребенка? — спросил Гюнтер.

Удивленный Хайнц взглянул на врача:

— Глупый вопрос, дорогой. Зачем его задавать?

— Рождение, которое позволит — почти — стереть жестокосердие, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Иногда я спрашиваю себя: если систематически не выдумывать волшебные сказки, уводящие от реальности, заставляющие забытья, то рано или поздно возникнет опасность, что реальность станет вам поперек горла.

— Ну, хватит, — крикнул Хайнц, вставая с напряженным выражением лица. — Я согласен с тобой, что преступник обречен постоянно повторять те же самые преступления. Я уже говорил вам однажды, что войну следует обсуждать с довоенного времени. Если бы эти партизаны удосужились сражаться, мы были бы героями. Нам не везет, мы приходим слишком поздно. Заметьте, что в государстве, где они жили — и не могли извлекать пользу из своего труда, — мы, несомненно, оказали им услугу тем, что сократили их страдания (интересная логика оккупантов — «освободили» от мучений жизни при Советах. — *Ред.*). Чего я не могу понять в твоей позиции, так это момент, с которого начинаются запретные действия! Ты искренне веришь,

что русских волнуют такие проблемы. Пропавшие без вести немецкие военнослужащие — а я напомним тебе, что мы нашли одного солдата задушенным, — с ними будут обращаться согласно Женевской конвенции о правах военнопленных? Конечно нет... Пытаясь сделать войну гуманной — а как можно сделать гуманными дикость и жестокость, — вы лишь позволите ей продолжаться без конца. Мы унаследовали рыцарство (что унаследовали солдаты вермахта, было наглядно продемонстрировано начиная с 22 июня 1941 года — попрание всех норм, зверства и насилия. — *Ред.*)... но в настоящую эпоху нет таких людей, которые способны вести честный бой или благородный турнир, когда требовалось сохранять жизни противников для возобновления борьбы... Давайте внесем ясность: гуманность — это запрет на убийство. К несчастью, война осуществляется для убийств, но, по-твоему, нужно соблюдать хорошие манеры... Однако взгляни вокруг, — одна сторона действует так же, как и другая, — и скажи честно, разве мы не похожи, разве мы не признаем смерть единственным критерием успеха?

— Если я тебя хорошо понял, война оправдывает все убийства, без исключений?

— Нет, конечно... исключения составляют мирные жители, которые не вовлечены непосредственно в боевые действия... и еще... бомбят не только порты и заводы.

— Если бы пришлось все начать сначала, — сказал Клаус, — я бы никогда не ввязался в такую авантюру. Когда ты солдат подразделения регулярных войск, то подчиняешься приказам, у тебя нет выбора, ты не рассуждаешь. Твой танк движется без того, чтобы ты беспокоился о том, что впереди или над тобой. Но здесь, в наших реальных условиях, где эти нравственные ограничения? Партизаны фактически действуют, как мы, но мы — захватчики, и мы, естественно, не можем воспользоваться их оправданиями. Согласись, стари-

на, что, со своей стороны, мы опустились не так низко, чтобы соответствовать тому, что ты осуждаешь.

— Я вам не судья, — сказал Гюнтер, — просто хочу, чтобы вы не заходили слишком далеко. Стараюсь убедить вас от того, чтобы вы стали зверьми.

— Короче говоря, если я правильно понял, — продолжил Хайнц, — мы не должны были убивать этих русских?

— Я думаю, так.

— А когда партизаны убивают пленных, это нормально?

— Нет, это тоже ненормально... Разве может быть нормальным убийство пленных?

— Вот... Поэтому другой стороне нужно делать то же самое.

— Глупый разговор, — вмешался Ханс Фертер. — Насколько вы готовы признать, что война — это отнюдь не прекраснородушные поступки и медали за героизм? Когда кто-то говорит, что получает наслаждение от занятия любовью, ему не требуются рекомендации, как достичь оргазма. На войне то же самое: ее делают.

— Может, нравственные ограничения, которые мы все время ищем, заключаются в отсутствии организации. К примеру, когда убивают тех, кого считают врагами, систематически и в установленном порядке — и я думаю так, как нам рассказывал Манфред, — это преступление, — сказал Клаус.

— А когда ты спокойно управляешь танком, чтобы его гусеницами раздавить солдата, который прячется в окопе, то ты не преступник, — возразил Хайнц. — Нет, я более радикален, чем вы: не допускайте больше войн, не делайте героев, и у вас не будет проблем с оправданием убийств.

Некоторое время все молчали.

Закурив трубку, Гюнтер окинул взглядом товарищей и произнес с тревогой, как в последний час:

— Вообще, я согласен с Хайнцем. Но тогда придется рассмотреть вопрос об ответственности за развязывание войны.

— Тогда, старина, ты можешь отправляться ко всем чертям, — заметил ему Хайнц. — Мне двадцать три года, и, пока не доказано обратное, меня этот вопрос не интересует. Ты был на военном кладбище? Его посещение весьма поучительно, особенно когда видишь возраст погибших.

— Такой трагичный и неприятный разговор не может привести ни к чему положительному, кроме как к подтверждению, что воевать не нужно. Но какими средствами можно избежать войны?

— Боюсь, — ответил Клаус, — что всегда найдутся идиоты, которые верят, что предназначены быть самыми сильными, самыми умными, а также носителями истины, призванными вершить судьбы мира, используя любые средства. И потом, война — единственная игра, которая осталась у людей.

— Согласитесь, что забавно слышать, как мы осуждаем войну, в то время как изо дня в день стремимся сделать ее эффективнее. Но так как вы любите размышлять, то я открою вам секрет существования надежды на продолжение жизни. Женя ждет ребенка от Манфреда, который погиб, не зная об этом. Вот вам еще один ребенок, которого следует поместить под защиту ваших амулетов...

Трое мужчин почесали головы. Потом Клаус поднялся за новой бутылкой водки и поинтересовался, кто хочет с ним выпить.

На следующее утро Клаус отправился на свой КП с тяжелой головой и в нездоровом состоянии. Штаб дивизии в большом возбуждении запрашивал, обнаружены ли следы партизан и захваченных ими заложников. Клаус указал на слово «заложники»

Хансу Фертеру, который читал депешу поверх его плеча.

— Где прячутся партизаны, известно. Но в нынешнем положении я плохо представляю себе, как их оттуда выбить. Могу попытаться перехватить их при очередном появлении. Конечно, они бродят по ночам, но в настоящее время я могу рассчитывать лишь на благоприятный случай. Что посоветуешь, Ханс?

— Несколько недель у меня нет серьезной информации. Нужно их искать и провоцировать.

— Но как... — не отставал Клаус.

— Вновь организуя рейды и нагоняя страх на население или оказывая ему услуги: пусть, например, Гюнтер ездит по деревням.

— Он не поедет.

— Ты знаешь, что не бывает резкого деления на черное и белое, а Гюнтер будет рад оказывать помощь людям, которые в ней нуждаются.

— Я не верю, что он пойдет, если заподозрит, что мы его используем... Рейды можно попробовать, но сколько людей нужно опрашивать, чтобы получить сколько-нибудь ценную разведывательную информацию?.. А время идет...

В этот момент вошел Хайнц и, уловив суть разговора, предложил довольно революционный план:

— В том месте, где мы находимся, нас больше никто не боится. Если мы будем выполнять план, то оседлаем некоторые маршруты... партизан и в результате изучения обстановки определим в конце концов, что за люди с ними сотрудничают.

— Этот человек безумен, но гениален, — сказал, смеясь, Ханс Фертер. — Думаю, полковник Брандт и Генштаб возглавят дело, если изучат твой проект. И как по-твоему, план сохранится в тайне?

— Как говорил, с сожалением, Гюнтер, командос представляют собой подобие тайного общества. Когда все, что мы делаем, все, что мы думаем, остается вну-

три группы, не выходя наружу, может, в силу суеверия. Таким же образом масоны не выдают секретов своих начинаний и заседаний.

Клаус дал согласие на реализацию плана.

Вслед за долгим днем отдыха командос пошли с энтузиазмом разыгрывать роль партизан.

В двадцати километрах от Яролишева находился опорный пункт № 4, затем, перед тем как достичь окрестностей Добрянки, дорога тянулась до Синеи. Хайнц выбрал место поближе к реке. Оно давало ряд преимуществ: гарнизон опорного пункта не мог ни побеспокоить их, ни быть потревоженным взрывом, а на следующий день подкреплениям из Добрянки не понадобится слишком много хлопот, чтобы возместить ущерб. Наконец, на другом берегу Синеи, по соседству, располагалась зона базирования партизан, где командос рассчитывали укрыться.

Клаусу понадобилось много сил, чтобы сдерживать стремление братьев Ленгсфельд, задумавших вывести из строя дорогу как минимум на шесть месяцев. Он должен был объяснить, что хочет больше шума, но отнюдь не разрушений.

При ниже десяти градусов мороза, ясной ночью, братья Ленгсфельд показали в наставительной манере, как эффективно привести в негодность дорогу, не применяя, к счастью, своих обычных методов. Затем в два часа ночи командос переправились через совершенно замерзшую речку Синюю и углубились в лес урочища Праня. Перед первыми домами прошел лишь один взвод, остальные двинулись стороной. У третьей деревни им показалось, что ее жители наблюдают за ними, но немцы продолжили свой путь пешком до скалы, у которой Клаус решил сделать привал и подо-

ждать развития событий. Егеря выкопали под снегом землянку. Они догадались возвести ветрозащитные стенки.

Утром Хайнц вывел десять человек на дорогу, чтобы убедиться в том, что с немецкой колонной, которая обнаружила повреждения и должна была их устранить, все благополучно.

Совершенно неподвижные в снегу, в тридцати метрах от дороги они видели, как подъезжали грузовики под прикрытием бронетранспортеров. Рядом с Хайнцем лежал Большой Мартин, они тоже наблюдали с торжествующим видом.

— Поработайте, приятели. В такую погоду работа разгоняет кровь. Когда задница постоянно на сиденье, это вредит здоровью. И потом, если появятся партизаны, может быть очень жарко, — бормотал Мартин.

Хайнц, в свою очередь, улыбался. Действительно, забавно находиться по другую сторону баррикады, даже смеха ради. И, наблюдая пушки, направленные в их сторону, пулеметы на огневой позиции, он не испытывал никакого особого страха. Если партизаны чувствовали себя так же, то он понимал, почему все это грозное оружие в конечном счете не давало ничего! Потом он начал спокойно анализировать ситуацию, чтобы прикинуть, сколько понадобится людей для уничтожения войсковой колонны и что нужно сделать, чтобы свести к минимуму ущерб со своей стороны. С присущей ему дотошностью он подсчитал огневые точки, время операции и пришел к выводу, что уничтожить колонну довольно просто.

В это время Клаус, оставив одного егеря охранять временный лагерь, начал посещать соседние деревни. Карл Вернер, Людвиг и гессенцы появились перед жителями, тогда как остальные командос оставались в укрытии, готовые вмешаться.

Они рассказывали всем одну и ту же историю без особых подробностей и указывали неопределенно, где устроились. Как раз в это время им встретился несколько обеспокоенный старик, который после приветствия посоветовал им сходить в лес урочища Праня. Потом, усомнившись, он стал задавать им уйму вопросов по поводу их предыдущих лагерей...

Людвиг, застигнутый врасплох, отвечал одной фразой, которую часто слышал по советскому радио и находил ее великолепной. Он произносил ее с большим воодушевлением:

— Там, где прошли партизаны, фашисты дрожат от страха, папаша!

Старик кивнул, раскрыв рот, и все трое поспешили удалиться. Вечером все собрались для обсуждения, что нужно делать. Клаус хотел подождать. Хайнц, наоборот, выразил пожелание, чтобы командос оставили это место, не очень удобное, чтобы обосноваться прямо в деревне, жители которой попадут под их жесткий контроль. Его мнение возобладало, и командос свернули лагерь, чтобы отправиться в другое место, за три километра отсюда. Естественно, они основательно заминировали дорогу, оставшуюся позади.

Десять домов в целом — это немного, но вполне удовлетворительно. Все жители, совершенно дезориентированные партизанами, которые говорят по-немецки, собрались в центральной избе. Забив проходы к дверям и окнам, люди разместились, шумно выражая желание поесть и согреться.

Ранним днем дозорные сообщили о том, что к деревне движется немногочисленный отряд.

Ковалев, командовавший отрядом, был сердит. Когда ночью прибыл один из агентов группы предупредить, что дорога перехвачена и что неизвестные партизаны обустраиваются на этом месте, удивленный

и довольный Яковлев решил послать Ковалева, чтобы тот проверил, не были ли это чужие. И недовольный Ковалев должен был расстаться с Женей и теплой землянкой ради этой банды идиотов. Но они прибыли посмотреть, кто распоряжается в этом месте.

Чем дальше продвигалась группа, тем больше злился Ковалев. Он быстро заметил часовых. Немного выждав, решил послать на разведку трех человек.

Часовые позволили им пройти, указав на дома, в которые нужно пройти. Затем партизанских разведчиков бесшумно схватили.

В это время Ковалев распался все больше и больше. Глупо было заставлять их ждать столько времени. Что они там делали в деревне?

Он закурил сигарету и повернулся, чтобы ветер не погасил пламя зажигалки. Подняв голову, увидел в отдалении справа несколько силуэтов. В удивлении внимательно осмотрел пространство вокруг.

— Поворачивайте быстро в лес, — крикнул он, — каждый действует самостоятельно...

Он не ошибся, парни, которые там появились, явно не были своими. У Ковалева возникло неприятное ощущение, что он стал объектом охоты и видит, как вокруг него сжимается кольцо преследователей.

Немцы, заметив, что партизаны поворачивают назад, открыли огонь. Но они были слишком далеко, чтобы их стрельба оказалась результативной. Из деревни вышли остальные егеря.

Двое русских, запыхавшись, предупредили Ковалева, что бежать дальше не могут. Они останутся здесь и будут сдерживать огнем немцев, пока не кончатся патроны.

Но это встревожило Ковалева еще больше. Немцы обходят их с фланга и угрожают отрезать от дороги к лесу. С другой стороны, они замедлили бег из-за усталости.

— Боже мой, попали в ловушку, как мыши!

Перед ними медленно взвилась яркая ракета, кольцо окружения сжималось.

— Пробивайтесь поодиночке, вместе не пройдем. Удачи...

Ковалев сошел с дороги и побежал по снежной целине.

Группа рассеялась так неожиданно, что командос чуть опешили. Но Хайнц, выкрикивая приказы, вывел их из этого состояния, и кольцо продолжило стягиваться. Ковалев пробрался к отдельной роще деревьев, куда ветер нанес порядочные сугробы снега. Соблюдая предосторожности, он вырыл убежище, и после тщательного уничтожения следов — здесь ему помог ветер — партизан укрылся в нем. Полый ствол дерева позволял ему дышать.

За остальными партизанами продолжалась настоящая охота.

В поисках невозможного выхода они кружили, как загнанные зайцы, и кончали тем, что попадали с отчаянными криками под огонь автоматов командос. За исключением одного партизана, который, как и Ковалев, укрылся в снежном убежище и вылез лишь тогда, когда цепь немцев прошла мимо него в полный рост. Находясь в пятидесяти метрах, он подумал, что в его белом облачении невозможно узнать, немец он или русский, и, направив автомат в сторону своих несчастных товарищей, он имитировал несколько минут продвижение вместе с фашистами. Постепенно он отстал от них, а потом, недолго думая, повернул назад.

Итог операции не был особенно внушительным, но Хайнц был уверен, что Яковлев не оставит эту ловушку без ответа. Он вышел из леса, и, в конце концов, такова была цель операции.

Оставаться здесь дольше было бессмысленно, и командос вернулись в укрепленный пункт № 4, где их встретили сдержанно: их присутствие слишком часто предвещало жестокий ответный удар партизан.

Замерзший Ковалев, кляцая зубами, выбрался из своего убежища и поплелся дорогой в лес. Измотанный, он вернулся в партизанский лагерь, куда один из его людей — тот единственный, который избежал гибели, — пришел раньше.

Яковлев ходил взад и вперед по землянке, сжимая огромные кулаки. Его душили ярость и ненависть под невозмутимым взглядом Гайкина, который невозможно было переносить.

— Ты ведь хорошо знаешь этих г...ков, чего, по-твоему, они добиваются такими операциями?

— Вероятно, того, что и ты собираешься сделать: выйти из леса.

— Ну, так что же, теперь мы можем с ними встретиться где угодно, потому что у меня есть приказ из Москвы.

— Не где угодно... Подумай... Они хотят навязать тебе бой там, где им выгодно, и, поверь мне, нужно всегда сохранять свой выбор и лишать выбора их.

— Я бы позволил пройти десяти колоннам и обозам немцев ради уничтожения этих типов.

Гайкин призадумался.

— Они также нуждаются в навязывании нам боя, так как чувствуют, что в данный момент могут позволить себе все, что угодно. Им невозможно устроить ловушку в Алешенке. Деревня сильно охраняется и прикрывается из Яролишева, но, полагая, что мы выйдем из урочища Праня, они также будут передвигаться. Нужно, следовательно, без усталости их преследовать, нападать на них на первой же остановке на их пути. Но будь осторожен, они хитры и очень часто минируют дороги, которые прошли. Мобилизуй все ресурсы, создай систему посыльных, способных за ними наблюдать. Кроме того, пусть пройдет несколько дней, сейчас они слишком осторожны.

На следующий день Гайкин набросал план, и Яковлев внимательно изучил развернутую перед ним карту.

Теперь надо их выгнать, этих ублюдков, и именно гарнизоны укрепленных пунктов помогут партизанам.

1 января Клаус вернул командос в Алешенку, не смотря на сарказм Хайнца, который находил, что 1 января или другое число не то время, которое предназначено для того, чтобы помнить о нашей способности делать что-то другое, кроме войны.

1943 год начался под аккомпанемент снежной бури небывалой силы, и часовые жались к домам, потому что ледяной порывистый ветер пронизывал людей насквозь.

Более недели командос оставались в Алешенке, обеспечивая с большим трудом лишь ежедневное сообщение с Яролишевым. Единственный инцидент этих дней был связан с Хайнцем и одним из братьев Ленгсфельд. Этот последний, когда нес караульную службу рядом с конюшней, оставил свой пост, чтобы встретиться с одной женщиной. По возвращении он обнаружил пропажу пятерых животных.

Хайнц, не любивший налагать взыскания, связанные с нарушением устава, обошелся тем, что ударил провинившегося солдата кулаком. Потом протянул Вольфгангу руку и помог ему подняться:

— Умойся... болван, и побегаем вдвоем, чтобы найти лошадей.

Вольфганг покачал головой и рассмеялся.

Через час они уже блуждали под ледяным ветром. Подобие серебристого пара искажало видимость, растлалось по полям и делало деревья и дорогу нереальными. В этом молочном тумане было трудно обнаружить следы лошадей. Но именно Вольфганг их засек. Они тянулись прямо на запад к лесу. Кто-то, должно быть, приложил немалые усилия, чтобы заставить лошадей покинуть теплую конюшню и бежать по такому холоду.

Два егеря ходили уже целый час, когда ветер усилился. Следы копыт становились все более и более

неприметными. Но Хайнц из-за раздражения, гордости или упрямства решил продолжать поиски.

Снежная буря налетела на них в считанные секунды. Когда стало невозможно двигаться вперед, спотыкаясь и вслепую, Хайнц различил серое пятно ельника. Напрягая мышцы, он направился туда, таща за собой своего компаньона. Когда они одолели последние метры и Хайнц нащупал руками в перчатках ствол первого дерева, он буквально обрушился на него.

Это было ненадежное прибежище, но все-таки прибежище. Переведя дух, они начали рыть неверными движениями укрытие в снегу. Потом наломали несколько веток и, обессиленные, рухнули на дно своего укрытия.

В короткое затишье они услышали прямо перед собой скрип шагов на снегу. Затаившись, немцы выжидали.

Порыв ветра невероятной силы, казалось, прошелся метлой по подлеску. В десяти метрах от себя Хайнц заметил русского, который с трудом тащил другого человека, раненного. Поколебавшись доли секунды, русский направился к немцам. словно безумствуя, буран снова налетел на подлесок. Хайнц коснулся раненого, не видя его тела, потом рук, которые несли того. Собственные руки Хайнца схватили русского за плечо, втаскивая в убежище. Не говоря ни слова, раненого уложили на дно, в то время как три здоровых мужчины лихорадочно увеличивали пространство убежища.

Когда все четверо приютились один подле другого, Хайнц не удивился, когда увидел, что русский здоровяк тщательно укладывает рядом с собой автомат.

Вольфганг пожал плечами. Раненый застонал.

Сморщившись, Хайнц пошарил в карманах и, вытащив индивидуальный перевязочный пакет, протянул его партизану. Тот покачал головой:

— Он не ранен... Это городской человек, и, мне кажется, он напуган... Нужно подождать... Однако этот буран слишком свиреп.

Вольфганг пустил по кругу свою флягу со шнапсом. Русский вытащил из куртки внушительный кусок сала. Хайнц предложил сигареты.

— Меня зовут Ковалев... Его имени не знаю.

— Я зовусь Простом, а это — Ленгсфельд.

— Мы можем погибнуть... Я не помню такой ужасной бури.

— А если копнуть глубже?

— Невозможно... Сейчас земля слишком мерзлая.

Чтобы слышать друг друга, они почти кричали. Через равные промежутки времени Ковалев заставлял их приподниматься и как следует тузить друг друга кулаками.

Когда ветер стих, в потемневшем лесу установилось полное спокойствие.

Собеседники разбросали снег, который их чуть не похоронил, и стали собирать ветки, чтобы разжечь костер.

С приходом тусклого рассвета двое немцев и двое русских подобрали свое оружие и, не отважившись оглянуться и посмотреть на укрытие, которое спасло им жизнь, на костер, который их согрел, разошлись своими дорогами войны.

Узнав об этом приключении, Клаус запретил Хайнцу и Вольфгангу нести караульную службу, чтобы они не поддались искушению перестрелять ночью своих товарищей.

Каждый вечер Клаус и Хайнц с особым вниманием слушали сообщения московского радио, предназначенные для партизан. На карте Сталинграда и его окрестностей, которую вычертили, они находили названия уничтоженных деревень и немецких соединений.

«Воскресенье 10 января 1943 г.

После того как немецкий командующий под Сталинградом отверг ультиматум советского командования от 8 января, четыре русские армии приняли участие в наступлении на оборонительные позиции немцев под Сталинградом. Резко возросли потери противника. Один из наших корреспондентов обнаружил при убитом немецком офицере текст письма Генштаба, в котором рацион питания немецкого солдата устанавливается в количестве 50 граммов хлеба в день.

Более 300 километров отделяют теперь окруженные немецкие войска от своих армий».

Погода улучшилась, и природа обновлялась. Командос готовились к выходу на операцию. По мнению Клауса, обманная операция, предложенная Хайнцем, не дала желаемого результата. Однако последний сохранял оптимизм: Яковлев должен активизироваться.

И он действительно активизировался.

9 января укрепленный пункт № 4 сообщил о появлении значительной группы партизан, шедшей по открытой местности и направлявшейся на северо-восток. Через несколько часов предостережение поступило из пункта № 5, и гарнизон Добрянки начал беспокоиться. И зря.

На следующий день была блокирована дорога Яролишев—Добрянка, а телефонные провода полностью перерезаны. Полковник Брандт срочно послал подкрепления в сопровождении командос, чтобы деблокировать дорогу и доставить боеприпасы солдатам, которым угрожала опасность изоляции.

До укрепленного пункта дошли без боя, но в районе наблюдалось подозрительное возбуждение, и Клаус решил отправить подкрепления назад и обосноваться в пункте № 4. На обратном пути попали в засаду три взвода полковника Брандта. Между тем подошла ко-

лонна, которая отбилась от неприятеля и вернулась в Яролишев вместе со своими убитыми и ранеными.

Потом запросил помощи укрепленный пункт № 3 к востоку от Алешенки, считавшийся спокойным местом. Партизаны ограничились, кажется, прощупыванием обороны и удалились.

В Добрянке и Бороденке подверглись нападению около тридцати грузовиков и бронемашин. Так как мороз уже наполовину вывел из строя подвижной состав, вышестоящий штаб мог лишь с большим трудом обеспечивать необходимую связь между опорными пунктами.

В такой обстановке решили удерживать только укрепленный пункт № 4, все другие эвакуировать либо в Яролишев, либо в Добрянку.

Коммандос выступили из укрепленного пункта с остатками подкреплений и снаряжением, имевшимся в гарнизоне. Требовалось организовать надежный транспорт, поскольку во время отхода с немецкими войсками следовало и немало русских (добровольно или вынужденно сотрудничавших с немцами. — *Ред.*). К ним тихонько пристроились информаторы Яковлева, который получил возможность наконец действовать на территории вплоть до самого Яролишева.

Трижды происходили стычки коммандос с группами партизан. Эти перестрелки, незначительные на первый взгляд, беспокоили Клауса.

Вечером за ужином произошла серьезная перебранка между Клаусом и Хайнцем.

— Ты не логичен, Клаус... Вы ищете способ активизации Яковлева... Кажется, мы этого достигли. Теперь все запуталось. Вывод войск, хаос.

— Благодаря твоей абсурдной идее вся зона между Десной и дорогой полностью перешла под их контроль.

— Боже мой, но кто виноват в этом? Вместо того чтобы прижать их с четырех сторон, чем мы занимаемся?

— Прижать шестьюдесятью одним солдатом!..

— Надо было прежде подумать. Во всяком случае, нам ничто не мешало вызвать подкрепления. В конце концов, они здесь для этого и находятся.

— Брандт сейчас не будет рисковать своими людьми.

— Ну хватит. Если вы начинаете ругаться от страха, то нас ждет горячее лето!

— Это не страх, но то, что нас ожидает... Даже если удерживать деревню два дня подряд, на третий — когда мы уйдем — партизаны придут вслед за нами.

— Значит, я прав. Теперь, когда они в пределах досягаемости, можно попытаться прижать их.

— Полагаю, ты знаешь, как это сделать?

— Может быть... Представим, что через два-три дня войсковая колонна отправилась бы из укрепленного пункта № 4. Мы укрываемся в пустых грузовиках и, не раскрывая этого, оставляем перед отъездом в якобы покинутом опорном пункте свой гарнизон. Дальше посмотрим.

— Видишь ли, Хайнц, меня уже тошнит от этого. Когда я подумаю о двухстах тысячах таких парней, как ты и я, живущих, как крысы, под Сталинградом, проклятых и загубленных парней, которые попали в невыносимые условия, у меня возникает желание потянуть время, заткнуть себе уши.

Собеседники замолчали.

Ханс Фертер с силой распахнул дверь: атакован укрепленный пункт № 4. Он вернулся дожидаться новостей. В полночь по радио с облегчением сообщили, что партизаны отошли.

Клаус передал полковнику Брандту идею Хайнца, которая не без труда была принята. Но на решение повлияло обнаружение пропавших ранее без вести солдат, трупы которых были подвешены за ноги вдоль дороги на Добрянку.

Через два дня большая колонна грузовиков, на вид пустых, отправилась из Яролишева в укрепленный

пункт № 4. Все грузовики ночью тщательно охранялись, но не настолько скрытно, чтобы молодой русский партизан не заметил командос, укрывшихся под замерзшими от мороза полотнищами.

По прибытии Клаус и Хайнц попросили у командира гарнизона сделать две вещи: проверить все оборонительные позиции и найти добровольцев, готовых присоединиться к командос.

Укрепленный пункт располагался вытянутым прямоугольником, разделенным надвое дорогой. По краям его сторожили два блокпоста. Опорный пункт опоясывала полоса взаимосвязанных пулеметных гнезд и траншей, подкрепленная колючей проволокой и минными полями. Но ночная атака обнаружила опасные бреши во внешнем оборонительном обводе, и после тщательного изучения обстановки Клаусу очень захотелось вернуться в Яролишев. В центре укрепленного пункта стояла деревянная башня, окруженная частоколом из бревен и досок. Она служила командным и наблюдательным пунктом.

Вызвались двадцать два добровольца, в том числе три унтер-офицера и два санитары. На месте оставили все боеприпасы.

Воспользовавшись царившим возбуждением, Клаус и Хайнц добились быстрого минирования домов, расположенных по периметру. Это все, что они смогли сделать до ночи для создания второй линии обороны.

Затем восемьдесят три человека разделились на пять взводов. Один взвод находился в секторе башни, и один приходился на два блокпоста. Каждый взвод выделял двух разведчиков.

Преодолевав немало трудностей и благодаря «вкладу» Эрнста Райхеля, Клаус снабдил рацией каждую группу. После отбытия колонны грузовиков все люди быстро поели и разошлись по боевым позициям.

Гюнтер сопровождал командос и устроил свой лазарет в погребке, который знал и лучшее время.

В одиннадцать часов вечера дома сотрясли несколько взрывов. Клаус, лежавший в этот момент, внимательно слушал. Последовали другие взрывы. Чутье его не обманывало: взрывы происходили на дороге, и их было довольно много. Колонна не смогла дойти затемно ни до Добрянки, ни до Яролишева.

Он с трудом поднялся и подошел к рации.

— Внимание, у микрофона командир батальона... Боевая готовность, повторяю, боевая готовность.

В этот момент вошел Хайнц:

— Вот оно... И это моя ошибка.

— Во-первых, это не в первый раз. Во-вторых, это должно было произойти...

Яковлев не мог поверить: наконец они заперты там, загнаны как крысы. Он знал, что фашисты будут биться как бешеные, но им все равно конец. Весь район возвратился к жизни, и немецким гарнизонам не изменить положения вещей. Его люди преисполнены боевым духом, и рано утром от этой опасной банды не останется и следа.

Впереди у Яковлева была целая ночь, и не стоял вопрос о том, чтобы действовать слишком быстро и бесполезно расходовать жизни партизан. Сначала надо подойти как можно ближе к внешнему оборонительному рубежу, уже достаточно ослабленному, и после этого начать штурм. Надо тщательно продумать расположение огневых позиций минометов и пулеметов, а также скрытно вывести людей на рубеж атаки.

На КП укрепленного пункта все были напряжены. Клаус, Хайнц и унтер Байер изучали обстановку. Клаус нервно блуждал взглядом по карте, размышляя. Между тем Хайнц, полузакрыв глаза, что-то чертил в своем блокноте.

— Все предосторожности, принятые здесь нами, ничего не дали. У меня впечатление, что Яковлева предупредили о нашем выходе из Яролишева. Он нападает на нас до восстановления укрепленного пун-

кта. Хитро и очень опасно для нас. Как по-твоему, Байер?

— Считаю, что нам нужно держаться до конца, господин гауптман.

Хайнц передал свой блокнот Клаусу:

— Дорога, где были взрывы, в двадцати минутах ходьбы от нас. Сейчас они готовятся к нападению... Кроме того, я разделяю мнение Байера, что нужно держаться до конца... Но взгляни на этот чертеж, мы по прямой в семнадцать километрах от Алешенки.

Клаус в свою очередь внимательно посмотрел на чертеж:

— Выдержим две атаки, может быть, три. Но потом все рухнет, и до рассвета еще далеко.

— Ты предлагаешь смыться? — спросил Клаус.

— Да... После второй атаки, например. Когда мы будем еще не слишком потрепаны. Хорошо рассчитав свой удар, мы можем прорваться прямо на восток. До того, как Яковлев соберет своих парней, и при условии, что мы не будем использовать пути, по которым они нас смогут преследовать на санях... Стоит попробовать.

— Во всяком случае, я чувствую, что это наш лучший шанс выпутаться. Посмотрим, что выйдет, я подготавливаю приказы об отрыве.

По выходе из башни у Хайнца и унтера Байера перехватило от ветра дыхание. Оба молчали. Хайнц поднялся в наблюдательный пункт и приказал пускать осветительные ракеты. Двое других часовых помогали ему вести наблюдение.

Синеватый свет осветил окраины укрепленного пункта, но Хайнц ничего не заметил. Он дал сигнал огневым точкам:

— Прицел 800. По моей команде... Огонь.

Послышалось несколько скрипов, и стрельба прекратилась.

— Прицел 600. По моей команде... Огонь.

В этот раз Хайнцу показалось, что снег зашевелился. Трассирующие пули пулеметов, казалось, разрывали белые, медленные хлопья.

Он снова уменьшил прицельную дальность. На этот раз попадание было точным.

— Внимание, всем огневым точкам! Прицельная дальность не более пятисот метров. Выжидать до последней возможности.

Курт Рейнхардт, находившийся на блокпосте у дороги, считал свое положение весьма неудобным. Он соорудил подобие капюшона, чтобы побережь лицо от мороза, но его подбородок снизу неимоверно чесался. Он проверил наличие боеприпасов и оглянулся на своих автоматчиков, внимательных и неподвижных.

Унтер Байер наблюдал за чередой своих солдат, залегших с винтовками, автоматами, пулеметами. Некоторые из них, чтобы снять напряжение, трамбовали перед собой снег, создавая иллюзорный в смысле защиты бруствер.

Стрельба немцев возобновилась и ускорила начало штурма партизан со всех сторон сразу.

Курт Рейнхардт провел рукой по глазам, потому что ему показалось, что задрожала земля и что на него надвинулась снежная стена. Потом он услышал русское «ура», и над укрепленным пунктом разверзся ад.

Ждешь выстрелов. Не даешь страху опуститься в желудок и вызвать тупую боль в области живота. В последний раз лихорадочно ощупываешь свое оружие. Глядишь на товарища перед тобой, который повторяет те же самые действия. Скребешь по снегу и вдруг слышишь сигнал к атаке, горланишь вместе со всеми.

Немцы вели огонь понизу, практически вровень со снегом, с максимальной интенсивностью, как могли. Огонь артиллерии и минометов грохотал все ближе и ближе к атакующим цепям, но белые тени неумолимо приближались. Готовились к бою лопаты, ножи и штыки.

Партизаны добрались до первых траншей в неопи-
сваем беспорядке. Под их ногами проваливался снег,
тяжелая камуфляжная одежда делала людей неповорот-
ливыми. Головы расплющивались прикладами. Рука од-
ного солдата была отсечена лезвием саперной лопатки.

В этот момент из блокпоста у дороги взвилась крас-
ная ракета, и Хайнц во главе ударного взвода ринулся
на помощь Рейнхардту.

Партизаны уже прорвались в деревню и к блокпо-
сту. Хайнц с людьми пробивался к окруженным сол-
датам.

Повсюду происходили яростные схватки.

Хайнц собрал людей и бросился в контратаку, что-
бы деблокировать Рейнхардта и его взвод.

В это время Клаус, несмотря на свою тревогу, управ-
лял огнем в поддержку прорыва и рассылал приказы по
взводам. Прибывали шаткой походкой, в одиночку,
первые раненые.

Потом прозвучал на высоких тонах звук необычно-
го рожка, и партизаны отступили.

Клаус послал разведчиков оценить потери и пошел
проверить приготовления к прорыву. Требовалось из-
готовить носилки для выноса раненых. Что касается
убитых, то их захоронят на месте.

Во время первой атаки Хайнц обеспечивал проход
на восток, Рейнхардт и унтер Байер защищали флан-
ги, а Клаус прикрывал отход.

Переместили ряд пулеметов и минометов для огне-
вого прикрытия бреши, которую следовало пробить.
Каждый солдат знал, сколько времени он должен был
держаться, как ему следовало совершать отход и по
какому приказу. Разведчики представили Клаусу циф-
ры потерь: десять убитых, семь раненых, трое из ко-
торых могли, в крайнем случае, идти самостоятельно.
Приготовили пять носилок.

Гюнтер сообщил о запланированных операциях,
щедро использовал морфий. На переломы рук и ног

он накладывал деревянные шины, перевязывал их шнурками и бинтами. Ни один из легкораненых не хотел оставаться в лазарете и, приняв стакан шнапса, возвращался на свою позицию.

Русские готовились к новой атаке с полной верой в успех. Яковлев определил расположение центрального участка обороны немцев и готовился сосредоточить на нем огонь минометов. Что касается собственных потерь, то они выглядели обычными для такого рода наступательной операции.

Ковалев приказал изменить диспозицию части пулеметов, так как ему показалось, что участок обороны немцев с двумя блокпостами у дороги на юг наиболее уязвим и прорыв с этой стороны мог дезорганизовать всю их оборону.

Яковлев с удовлетворением заметил, что заградительный огонь немецкой артиллерии стал менее плотным и интенсивным. Он немедленно отдал приказ начать новую атаку.

Карл Рейнхардт с людьми сразу же оказались под плотным пулеметным огнем, заставившим их прижаться к земле. Он посмотрел на часы: ждать еще десять минут. Но отходить отсюда будет несладко.

Братья Ленгсфельд вместе со своим помощником — неизменным флейтистом — спешно завершали постановку минного заграждения на западной окраине деревни. Как только пройдут унтер Байер со своими людьми, все дома взлетят на воздух. Онемевшими пальцами они сооружали замкнутый контур проводов, связанный с детонатором, и молились, чтобы злосчастный осколок мины не пустил всю их работу насмарку.

В это время Хайнц приказал нанести удар на востоке, и вслед за этим его люди поползли в сторону русских.

Гюнтер с ранеными двигался в арьергарде ударного взвода и использовал любое углубление в качестве укрытия.

Унтер Байер посылал своих людей тройками. Они добирались до башни, потом уходили другие.

Клаус отправил пять человек с двумя минометами помочь Рейнхардту выбраться из ловушки.

Медленно, стреляя как сумасшедшие, немцы отступали короткими перебежками. Когда унтер Байер прошел череду домов, Вольфганг, в свою очередь, отполз к детонатору. Он обнаружил музыканта и подал ему сигнал уходить.

На востоке после яростного рукопашного боя Хайнц и его люди прорвали цепь русских и нанесли удары на флангах, чтобы расширить место прорыва. Первыми через образовавшуюся брешь прошли Гюнтер и Карл Вернер. Потом подошел Рейнхардт с людьми Байера, который занял его позицию, чтобы дать возможность Хайнцу присоединиться к авангарду.

Передвижения ускорились.

Молодой музыкант, так любивший играть на флейте, был готов на героический поступок. Он решил нажать на рукоятку детонатора в самый последний момент. Умирая от жажды, он собрал горсть снега и стал лизать. Парень воображал себя в роли последнего солдата, способного спасти товарищей своим отважным поступком. Но Вольфганг не согласился с этим: они с братом потратили много сил, чтобы найти такого парня, который разделяет их увлечение, и не желали, чтобы он сделал неверный ход. Он пришел забрать с собой товарища, когда тот в возбужденном состоянии пел патриотические песни.

Раздался мощный взрыв, который доставил другому брату Ленгсфельду глубокое удовлетворение. Во время взрыва все покойники, которых удалось собрать, разлетелись на куски.

Теперь Клаус отступал быстро без какого-либо плана. Важно было уйти, и как можно быстрее.

Двигаясь по пятам тех, кто отступал перед ним, он, в свою очередь, скрылся в ночи вслед за Рейнхардтом и унтером Байером.

Понадобилось немало времени, чтобы Яковлев, исходя из полученной информации, понял, что немцы вырвались из окружения. Командир закусил губу от досады. Он снова не уделил достаточного внимания координации действий между различными партизанскими группами. И теперь ему понадобится больше времени, чтобы собрать людей, которые в пылу сражения не удосужились понять, что форт пуст, если не учитывать нескольких нетранспортабельных раненых немцев, которые до последнего стреляли в партизан.

Яковлев велел найти Ковалева. Тот прибыл со своими автоматчиками. Ему было приказано перегруппировать свой отряд, чтобы преследовать немцев.

Запыхавшийся деревенский старик пришел похлопать Яковлева по плечу. Тот даже не успел спросить старика, что он здесь делает.

— Товарищ командир, я записал для тебя последнее сообщение по радио из Москвы.

Яковлев прочел его и передал Ковалеву, а затем оба командира обнялись.

— Потом увидим. Теперь идите. И не забывайте... они минируют за собой дорогу.

Карл Вернер и его гессенцы прокладывали путь, их сменил Большой Мартин с товарищами. Это было утомительно. Хайнц с пятью солдатами шел впереди и разведывал дорогу. Клаус, командуя арьергардом, выработал сложный способ отрыва. Если партизаны догоняли немцев, последняя группа должна была оставаться на месте и держаться до конца.

Гюнтер был вынужден освободиться от носилок: их было слишком тяжело нести, и, уповая на удачу, люди волочили раненых по снегу.

По завершении двухчасового перехода Клаус приказал сделать десятиминутный привал, чтобы Гюнтер разобрался с перевязочными материалами и морфием. В предвидении этой остановки братья Ленгсфельд и юный флейтист избавились в течение двадцати минут,

из лучших побуждений, от своей взрывчатки. Если партизан не видно, то, по крайней мере, будет слышно.

Из восьмидесяти трех человек, удерживавших опорный пункт до вечера, восемнадцать погибли. Из двадцати двух раненых семерым повезло лежать на носилках, двенадцать поковыляли кое-как сами, но троих тяжелораненых оставили с автоматами и гранатами.

Ковалев с людьми тоже утомился, идя по глубокому снегу. Он выслал двух самых крепких парней в дозор вперед, чтобы те разведали местность, попытались прикинуть, насколько партизаны отстают от немцев.

Ведущий дозорный зацепил головой ручную гранату, которую один из братьев Ленгсфельд подвесил на нижнюю ветку дерева. Грохот взрыва послужил командос предостережением, и, пока Хайнц уводил большую часть остававшихся в живых, Клаус с арьергардом занял боевую позицию. Тремя пулеметами они произвели обстрел широкого сектора. В ответ прозвучали отдельные выстрелы, и Клаус приказал арьергарду присоединиться к колонне. Это был, конечно, всего лишь партизанский дозор, но теперь противник точно знал, насколько он отстает.

На мгновение Клаус решил остановиться здесь и дожждаться партизан, чтобы обеспечить отступление своих людей в полной безопасности. Но не время разыгрывать героизм любой ценой. Сохранялся шанс вернуться всем, и он должен был им воспользоваться. Никогда жизнь его людей не казалась ему более ценной, чем в эту ночь.

Хайнц, опустив голову, предавался своим мыслям. Он был уверен, что две атаки дорого обошлись русским, но теперь укрепленный пункт был в их руках. Тогда как командос впервые бежали перед лицом превосходящих сил. И это великая непобедимая армия Третьего рейха!

Наконец с первыми проблесками рассвета показалась неясная череда домов Алешенки. Напрягая по-

следние усилия, люди дотащились до траншей своего лагеря и немедленно заняли боевые позиции. Встревоженные часовые побежали за боеприпасами. Через четверть часа все посты были готовы открыть огонь.

Ковалев быстро сообразил, что опоздал, а Алешенка, как его предупреждал Яковлев, была еще не по зубам партизанам.

Потом он вспомнил о листке бумаги в своем кармане и вызвал одного из своих людей, знавшего немецкий. Они вдвоем приблизились к траншеям в пределах слышимости, вырыли в снегу ямку для укрытия.

И через некоторое время раздался громкий голос партизана, говорившего по-немецки:

— Немецкие солдаты! 6-я германская армия капитулировала под Сталинградом. Ее командующий генерал Паулюс попал в плен со всем своим штабом.

Из траншеи высунулся Большой Мартин:

— Ну-ка, повтори, трепач.

— Командующий Паулюс взят в плен 64-й советской армией под командованием товарища Шумилова. Взято в плен более ста тысяч солдат.

Большинство немецких солдат закричали в свою очередь:

— Что ты несешь... Назови номера дивизий... Это пропаганда... Ублюдок...

Ковалев быстро выскочил из укрытия, пошел прямо по снегу, читая бумагу, которую принес русский старик.

— 14, 24 и 16-я танковые дивизии; 3, 29 и 60-я моторизованные дивизии; 44, 76, 371, 376, 384-я пехотные дивизии. И еще много других (71, 79, 94, 100, 113, 295, 297, 305, 389-я пехотные дивизии, части VIII зенитного корпуса, 648-й полк связи, 2-й и 51-й тяжелые минометные полки; 91-й зенитный полк, 243-й и 245-й дивизионы самоходных орудий, 12 саперных батальонов, 149 отдельных частей и подразделений; соединения и части союзников: 1-я румынская кавале-

рийская дивизия, 20-я румынская пехотная дивизия, 100-й хорватский пехотный полк. — *Ред.*) Держите, — кричал он, протягивая свой листок бумаги, — прочтите сами все эти названия соединений и частей, захваченных в плен.

Клаус и Хайнц наблюдали сцену. Перед ними на снегу были только двое русских, почти все командос стояли, теперь молча, без оружия.

Подчиненный Ковалева не выдержал и начал стрелять.

На короткий миг поднялась яростная стрельба. Появились убитые и раненые.

Потом вновь наступила тишина. (Описываемый в книге район был освобожден от оккупантов Красной армией в сентябре 1943 года в ходе Брянской наступательной операции 1 сентября — 3 октября 1943 года. — *Ред.*)

Содержание

<i>Глава 1. Эпизод с танком</i>	5
<i>Глава 2. Партизаны</i>	12
<i>Глава 3. Женя</i>	24
<i>Глава 4. Стая</i>	46
<i>Глава 5. Партизанское лето</i>	82
<i>Глава 6. Лес урочища Бранилец</i>	94
<i>Глава 7. Манфред</i>	119
<i>Глава 8. Одинокие воины</i>	148

Хартфельд Вальтер
ОДИНОКИЕ ВОИНЫ
СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРМАХТА
ПРОТИВ ПАРТИЗАН
1942—1943

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *О.Б. Бубликова, О.А. Левина*

Подписано в печать 01.03.2012.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 8,52
Тираж 3 000 экз. Заказ № К-7982

ЗАО «Центрполиграф»
121471, Москва, Можайское ш., дом 29/2

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»
Минкультуры Чувашии
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Вальтер Хартфельд

ОДИНОКИЕ ВОИНЫ

**СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРМАХТА
ПРОТИВ ПАРТИЗАН**

1942—1943

В книге рассказывается об одном из подразделений охотников-егерей (коммандос), созданном вермахтом для борьбы с партизанами и заброшенном в район белорусских лесов. В длительной и беспощадной борьбе у каждого члена группы было свое боевое задание, в результате развернутая антипартизанская война становилась схваткой человека с человеком. В. Хартфельд, командовавший в двадцатилетнем возрасте егерским подразделением, — один из немногих оставшихся в живых после этих невероятных боев, и его воспоминания — превосходное свидетельство всей нелепости войны.

ISBN 978-5-9524-4992-3

9 785952 449923

ЦЕНТРОЛИГРАФ®